

63.3(2Рос-АлУ)

И 907

история республики алтай

ТОМ I

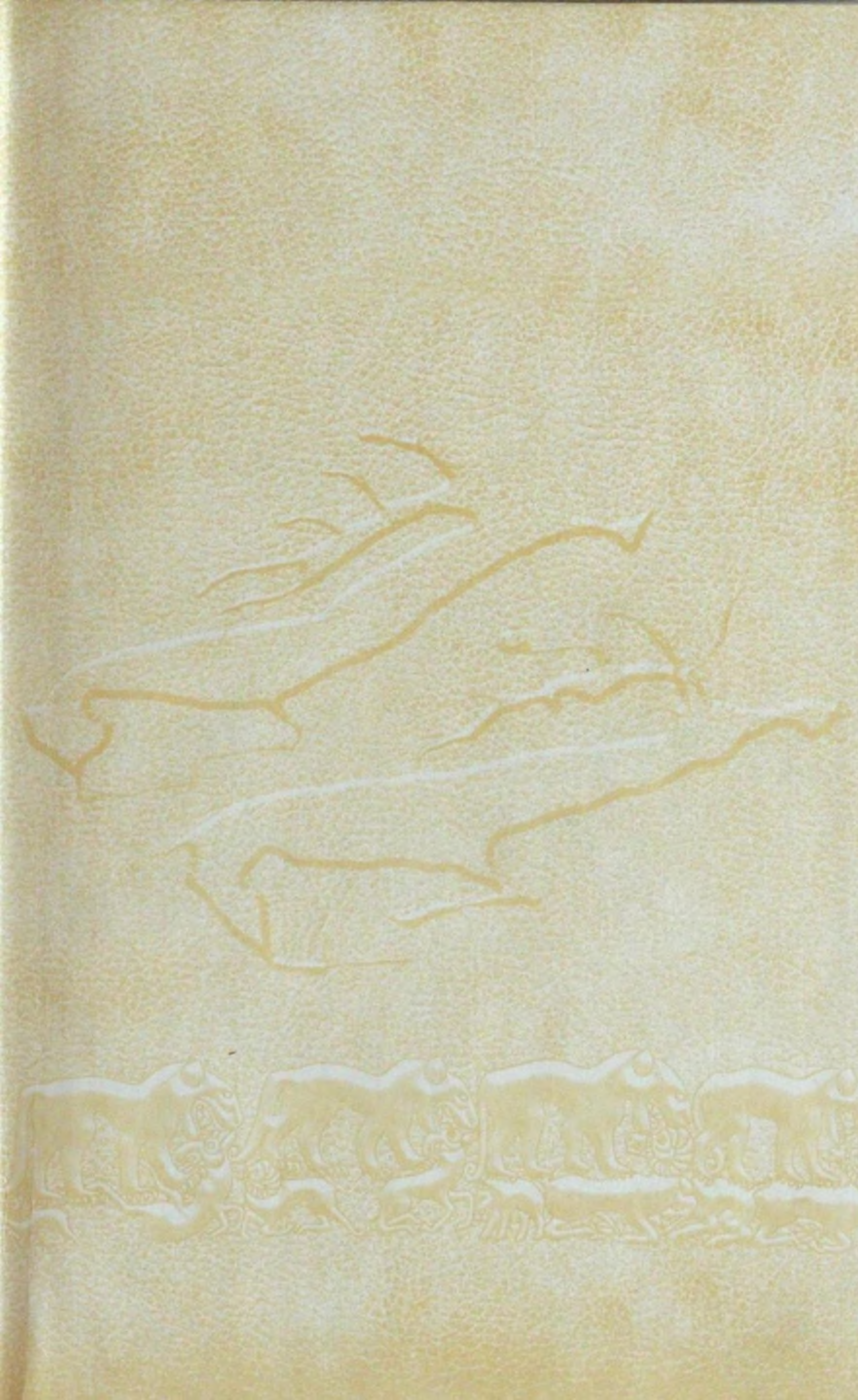
КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

3.600.000 3. 2754—90

-555489-

**Институт Алтаистики
имени С. С. Суразакова**

**ДРЕВНОСТЬ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

ТОМ 1

Горно-Алтайск, 2002

ББК 63.3 (2 Рос-Алт.)
И 907

Редколлегия тома:

академик РАН **А.П. ДЕРЕВЯНКО** (главный редактор),
академик РАН **В.И. МОЛОДИН**,
кандидат филологических наук **Т.М. САДАЛОВА**,
кандидат исторических наук **А.С. СУРАЗАКОВ**
(ответственный редактор),
кандидат исторических наук **Л. М. ЧЕВАЛКОВ**.

Художественное оформление

Э.В. БАБРАШЕВ

И 907 **История Республики Алтай. — Горно-Алтайск: Институт
Алтаистики им. С. С. Суразакова, 2002. — 360 с.**

555489V

Национальная библиотека
Республики Алтай

ISBN 5-93809-008-3

© Институт Алтаистики им. С. С. Суразакова

Введение

Алтай — красивейшая горная страна, протянувшаяся длинной грядой в центре Азии по территориям России, Казахстана и Монголии. Многотысячелетняя его история тесно связана с событиями, происходившими на огромных пространствах Северной, Центральной, Средней Азии и Восточной Европы. В древних курганах Алтая сохранились ремесленные изделия из Китая, раковины с берегов Индийского океана, переднеазиатские ковры и ткани. В глубочайшую древность уходят истоки исторического прошлого горной страны. По последним данным время появления здесь человека определяется в промежутке от нескольких сотен тысяч до полутора миллионов лет назад. Это эпоха архантропа, только что выделившегося из животного мира. В алтайских пещерах обнаружены многочисленные следы жизнедеятельности следующей стадии развития человека — палеоантропов, культура которых постепенно эволюционировала в традиции уже непосредственных наших предков, т.е. людей современного физического облика. В итоге, Алтай включен исследователями в число тех регионов, где происходило становление человека разумного. Здесь достаточно хорошо изучены памятники первых скотоводов и металлургов энеолита. В последние годы получены замечательные изобразительные материалы из каменных склепов Каракола, давшие богатейшую пищу для размышлений над мировоззренческой

системой населения эпохи бронзы. Дополняет эту картину изучение идей, заложенных в структуру загадочных керексуров Чуйской степи. Уже много сделано для реконструкции особенностей жизни населения скифской эпохи. Широко распахнула свои кладовые долго «молчавшая» история гуннского времени, дав исследователям солидный объем информации о происходивших в тот период процессах. Богатой на события была последующая древнетюркская эпоха, когда на огромных просторах Азии складывались мощные государственные объединения древних тюрков. Ранние истоки многих современных тюрко-язычных народов уходят в ту отдаленную пору. Исследованные памятники Горного Алтая того времени помогают восстановить многие стороны этого сложного этногенетического процесса. Разрабатываются материалы, освещающие историю Алтая монгольского времени, когда население его входило в состав тех или иных государственных образований монголо-язычных племен вплоть до периода Джунгарского ханства. Но вот, протекавшие на протяжении полутора тысяч лет с востока на запад, миграционные процессы сменили свое направление на противоположное. Сложившееся в Восточной Европе Русское государство, вслед за первопроходцами, стало прирастать территорией Сибири, постепенно превращаясь в одну из самых обширных и мощных империй Евразийского континента — Российскую. Вошел в ее состав и Алтай. Приобретя политическую стабильность после кровопролитной китае-джунгарской войны, тюрко-язычные родоплеменные группы его, ведущие происхождение от более раннего древнетюркского времени, стали консолидироваться в единый этнос — алтайцев.

С притоком русского населения, а затем казахов на Алтае стало складываться тюрко-славянское многоэтническое сообщество, сохранявшее и развивавшее не только специфические этнические черты культуры, но и выработавшее добрососедский механизм межэтнических связей. Исторический путь этого сообщества, пополнившегося со временем новыми этническими включениями, пролегал и через периоды стабильности, и через лихие времена общественных потрясений.

В 1991 г. многоэтнический социум Горного Алтая, в связи с демократическими переменами в России в целом, стал жить в рамках нового административно-государственного образования — Республики Алтай в составе Российской Федерации.

Как видим, весьма продолжительна во времени и богата на события история этого региона. Давшая обширнейший материал для размышлений, она постоянно привлекала к себе внимание выдающихся ученых, предпринимавших исследования по тем или иным направлениям. Однако, пришло время собрать все прошлые разработки воедино, дополнить их современными данными и воссоздать общеисторический процесс Горного Алтая в едином труде.

В то же время накопленный на сегодняшний день материал настолько обширен, что труд этот пришлось разделить на три тома. Первый из них охватывает отрезок истории от заселения Алтая первобытными людьми до XVIII в., т.е. до вхождения его в состав России, второй — до революционных потрясений начала XX в., третий — это история XX в.

В первом томе обобщаются данные, касающиеся исторического процесса эпох древности и средневековья. Самые протяженные во времени и весьма трудные для изучения, поскольку слишком

удалены от современности, они, тем не менее, обеспечены самыми разнообразными источниками исследования, которые достаточно интенсивно разрабатываются представителями многих научных дисциплин. Наиболее информативными из них в данном случае выступают археологические, этнографические, письменные, которые, в свою очередь, существенно дополняются сведениями, полученными в рамках палеоантропологии, палеогеографии, фольклористики, лингвистики и т.д. В зависимости от глубины погружения в прошлое значение указанных источников, естественно, меняется. Для эпохи древности, допустим, приоритетными выступают данные археологии и выводы естественнонаучных дисциплин, которые помогают их осмыслить, тогда, как для средневековья все большее значение приобретают сведения письменных источников и этнографии. В то же время здесь следует подчеркнуть, что наиболее обширные и достоверные реконструкции можно сделать лишь на основе комплексного использования самых разнообразных источников, а наиболее глубокие открытия делаются, как это давно уже подмечено исследователями, на стыке наук.

Теперь несколько слов о степени разработанности основных источников по древней и средневековой истории Горного Алтая. Здесь надо заметить, что достаточно подробные историографические сводки по тем или иным дисциплинам имеются во многих обобщающих трудах. По ставшей традиционной схеме в них скрупулезно перечислено — кто и когда в этих местах побывал, какие материалы добыл и к каким размышлениям на основе их анализа пришел. Поэтому в предлагаемой работе, рассчитанной на широкий круг читателей, имеет смысл остановиться на историографической проблеме лишь в самых общих чертах.

Начнем с изучения ранней истории Горного Алтая.

Как уже отмечалось, основным здесь выступает археологический источник, разрабатываемый как собственно археологами, так и антропологами, палеогеографами, палеонтологами и др.

Что касается проблем заселения Алтая первобытными людьми, то первостепенное значение здесь имеют работы известнейшего сибирского археолога акад. А.П. Окладникова, открывшего и изучавшего Улалинскую стоянку, датируемую в пределах нижнего палеолита. Большое значение имеют работы ученого и для изучения эпохи камня Горного Алтая в целом.

В настоящее время изучением первобытной истории региона занимается большой коллектив археологов-палеолитоведов Института археологии и этнографии СО РАН, возглавляемый преемником А.П. Окладникова — акад. А.П. Деревянко.

Исследования в данном направлении проводят Р.С. Васильевский, Ю.В. Гричан, С.В. Маркин, Н.Д. Оводов, В.Т. Петрин, М.В. Шуньков и другие. Вносят свой вклад в осмысление проблем эпохи камня барнаульские археологи, в частности, А.Л. Кунгуров. В Республике Алтай этими вопросами занимается Л. М. Чевалков.

Достаточно интенсивно продвигается изучение эпохи энеолита Горного Алтая. Основу для этого в прошлом заложили известный археолог член-корр. АН СССР С.В. Киселев, а также Г.П. Сосновский и Е.М. Берс. Ныне, связанные с той отдаленной эпохой проблемы разрабатываются в новосибирском научном центре акад. В. И. Молодиным, в барнаульском — Ю.Ф. Кирюшиным, М.Т. Абдулганеевым, Н.Ф. Степановой, С.В. Цыб и др., в Горно-Алтайском — О.В. Лариным.

В последние десятилетия добыты, наконец, материалы эпохи бронзы. Первые поселенческие комплексы, включая пещерные, выделены В.И. Молодиным, Ю.Ф. Кирюшиным и др.

Интереснейшие склепы с расписными стенами исследованы А.П. Погожевой, Б.Х. Кадиковым, В.И. Соеновым, А.В. Эбелем у с. Озерное Онгудайского района, В.Д. Кубаревым — у с. Каракол, О.В. Лариным и А.С. Суразаковым — у с. Беш-Озек. Они послужили основой для выделения в Горном Алтае каракольской культуры. Обширные работы по изучению петроглифов интересующего нас времени проведены В.Д. Кубаревым. В целом надо отметить, что источниковая база названной эпохи только начинает складываться и основные ее разработки еще впереди.

Одной из наиболее изученных на сегодняшний день является эпоха раннего железа, в рамках которой выделены майэмирская и пазырыкская археологические культуры. Насыщенность их материалами неравномерна. Более обеспечена ими последняя, менее — первая.

Начало исследованию наиболее раннего периода этой эпохи положил А.В. Адрианов своими раскопками на юго-западе Алтая и Восточном Казахстане. Полученные им данные впоследствии были сгруппированы М.П. Грязновым в рамках майэмирской культуры. В конце 80-х гг. представления об этой культурной общности существенно скорректированы В. А. Могильниковым. В течение 80—90-х гг. трудами новосибирских, барнаульских и горно-алтайских археологов источниковая база этого периода значительно расширена. В последние годы начался новый этап их обобщающего изучения, что нашло отражение в работах А.А. Тишкина. И все же более основательно исследованным, как уже говорилось, является следующий период середины и второй половины I тыс. до н.э. Первоначальная основа для этого была заложена еще в XIX веке В. В. Радловым, осуществившим обширные раскопки памятников в разных районах Горного Алтая.

Однако, наиболее широко известны исследования больших каменных курганов пазырыкской культуры, предпринятые выдающимися археологами М.П. Грязновым и С.И. Руденко во второй четверти и середине XX века. Последним были написаны фундаментальные работы по интерпретации найденных в памятниках материалов. Использованы они также в объемной обобщающей работе С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири».

В последующем, существенный вклад в дело изучения памятников этого времени внесли, если перечислить их по мере включения в исследовательский процесс, С.С. Сорокин, Д.Г. Савинов, А.И. Мартынов, В.Д. Кубарев, В.А. Могильников, А.С. Суразаков, Л.С. Марсадолов, В.Н. Елин, П.И. Шульга, В.А. Кочеев, С.М. Киреев, Н.В. Полосьмак и многие другие.

Прекрасная сохранность вещей из них привлекла внимание представителей других дисциплин. Так, материалы эти использовал в своем обобщающем труде «Очерки по истории алтайцев» этнограф Л.П. Потапов. Интересные реконструкции на их основе сделаны антропологами, в частности, акад. В.П. Алексеевым, Г.Ф. Дебецем, Т.А. Чикишевой, а также гиппологом В.О. Виттом.

В итоге, в Горном Алтае не только накоплена обширная источниковая база по интересующему нас вопросу, но и сделаны оригинальные разработки в области реконструкции хозяйства и быта проживавшего здесь в те времена населения, отдельных блоков его мировоззренческой системы. Длительный период белым пятном в истории региона оставались гуннское и предтюркское время. Все сведения о них черпались преимущественно из нескольких памятников, раскопанных В.В. Радловым в XIX веке, а также М.П. Грязновым, А.Н. Глуховым, С.И. Руденко

в 30—40 гг. XX столетия. Наиболее полно все эти данные проанализированы в обобщающем труде А.А. Гавриловой. Изложили свою точку зрения на них также В.А. Могильников и Д.Г. Савинов. В 60-е гг. С.С. Сорокиным, в дополнение к уже имевшимся, было изучено еще несколько объектов в мог. Усть-Балыктуюль. Однако, наиболее массовые материалы гуннского и предтюркского времени добыты в 80-е гг. XX в. в связи с раскопками А.С. Суразаковым мог. Айрыдаш—I, Ю.Т. Мамадаковым мог. Булан-Кобы—IV, А.С. Васютиным и В.Н. Елиным мог. Кок-Паш, Ю.С. Худяковым мог. Усть-Эдиган. Дополнительные данные добыты в тот период также Г.Д. Глобой, В.Д. Кубаревым, С.М. Киреевым, В.И. Соеновым, А.В. Эбелем и другими археологами. Физический тип населения того времени изучался антропологом А.Р. Кимом.

Здесь следует заметить, что подавляющая часть всех этих материалов еще не введена в научный оборот, т.е. сколько-нибудь представительные реконструкции истории Горного Алтая на их основе — дело будущего. Сейчас же идет их предварительная систематизация, в частности, они объединены в рамках кудыргинской культуры по А.С. Суразакову, кок-пашской по В. Н. Елину и А. С. Васютину и булан-кобинской по Ю. Т. Мамадакову.

Более выгодно в этом плане выглядит история изучения следующей древнетюркской эпохи, поскольку в данном случае задействованы самые разнообразные источники — археологические, антропологические, этнографические, фольклорные, лингвистические, письменные.

Археологические источники этого времени стали разрабатываться с XIX века, в частности, с 1826 г., когда профессор Дерптского университета К.Ф. Ледебуром было раскопано в научных целях несколько памятников в бассейне р. Чарыш. Однако,

наиболее существенные материалы были добыты В.В. Радловым в 1865 г. В первой половине XIX столетия источники эти разрабатывались М.П. Грязновым, Л.А. Евтюховой, С.И. Руденко, что нашло отражение в уже упоминавшемся фундаментальном труде С.В. Киселева, а также обобщающей работе А.А. Гавриловой. В 60—80-е гг. археологические материалы пополнялись в ходе раскопок А.С. Васютина, Н.М. Зинякова, В.Д. Кубарева, А.И. Мартынова, С.В. Неверова, Д.Г. Савинова, А.С. Суразакова, Ю.С. Худякова и других археологов. Наиболее крупные обобщения в это время сделаны в работах В.А. Могильникова и Д.Г. Савинова. Весьма представительным источником по истории Горного Алтая в целом и древнетюркского времени в частности являются наскальные изображения. Обширная работа по их поиску и фиксации проделана В.Д. Запорожской, В.И. Молодиным, А.П. Окладниковым, Е.А. Окладниковой, Д.В. Черемисиным и другими. Серьезно занимались проблемами древнетюркской эпохи этнографы, среди публикаций которых выделяются фундаментальные работы Л.П. Потапова. Исторические реконструкции этого исследователя строились на анализе самых разнообразных источников. Немало для понимания культуры племен того отдаленного времени дало изучение древних пластов фольклора, предпринятое С. С. Суразаковым. Достаточно интенсивно разрабатываются в последние десятилетия письменные источники, в частности, древнетюркские письмена, оставленные непосредственно людьми той эпохи. Те из них, что были найдены на территории Горного Алтая, интерпретировались и обобщались в трудах Д.Д. Васильева, Э.Р. Тенишева, С.В. Киселева, С.Г. Кляшторного, И.Л. Кызласова, В.М. Надеяева.

Что касается следующих периодов истории, т.е. предмонгольского и монгольского времени, то относительно Горного Алтая они изучены мало. Небольшая серия археологических материалов обобщена в работах А.А. Гавриловой, М.П. Грязнова, Ю.С. Худякова. Письменные источники проанализированы И.Я. Златкиным, Л.П. Потаповым, А.П. Уманским и рядом других специалистов.

Итак, один только перечень исследователей, разрабатывавших те или иные источники по древней и средневековой истории Горного Алтая, свидетельствует о том колоссальном труде, который был вложен представителями научной мысли в реконструкцию далекого прошлого этой горной страны. В результате их деятельности появилась возможность связно воссоздать самый длительный период общеисторического процесса региона. И эта возможность на тех или иных этапах исследовательской работы успешно реализовывалась. В данном случае нельзя не отметить такие фундаментальные труды, как «Очерки по истории алтайцев» Л.П. Потапова, «Историю Сибири» 1968 г. издания, серию томов «Археологии СССР», где Горному Алтаю посвящены соответствующие разделы.

Другой вопрос, что с момента прошлых обобщений объем материалов существенно возрос, а вместе с этим появилась возможность, с одной стороны, закрыть многие белые пятна истории, с другой, скорректировать отдельные выводы, сделанные ранее относительно тех или иных проблем.

В общем, наступила пора нового фундаментального обобщения исторических данных, что и предпринято в настоящем томе.

**Горный Алтай
в древности**

В настоящем разделе обобщены данные, касающиеся самого протяженного периода в истории Горного Алтая.

Начинается он со времени первоначального заселения региона древнейшими людьми и заканчивается IV в., когда по общепринятой в науке периодизации начинается раннее средневековье.

Общеизвестно, что жизнь человека во все эпохи, а тем более в отдаленные, тесно связана с вмещающей его природной средой.

Отсюда, данный раздел начинается с обобщения тех сведений, которые накоплены на сегодня в сфере палеогеографии.

Палеогеография

Алтай представляет собой крайнее западное крыло сложно построенной системы гор Южной Сибири. Хорошо выраженным в рельефе уступом, северным фасом, он отделяется от Западносибирской равнины. На западе по долине Иртыша Алтай граничит с Казахским мелко-сопочником. Восточная граница его условна и проводится по водоразделу бассейнов рек Абакан и Бия. В пределах Российской Федерации Алтай находится между 48° и 53° с.ш. и 82° и 90° в.д. Глубокими речными долинами он расчленен на горные хребты. В южной части они имеют широтное простирание (Курчумский, Нарымский, Табын-Богдо-Ола, Тарбагатай, Южно- и Северо-Чуйские и др.). Севернее 50° с.ш. они приобретают северо-западное направление (Листвяга, Холзун, Тиги-

рецкий, Теректинский, Бащелакский, Ануйский и др.). Максимальная высота приурочена к хребту Катунские Белки. Самая высокая вершина горы Белухи здесь достигает отметки 4506 м над уровнем моря.

Для Алтая характерно соседство высоких горных хребтов с глубокими межгорными впадинами (котловинами) тектонического происхождения, заполненными рыхлыми отложениями большой мощности. Межгорные котловины с плоским рельефом и травянистой растительностью часто называют степями, как и расширения долин некоторых рек (Урсульская, Канская, Абайская, Уймонская, Катандинская степи).

Положение Алтая в центре Евразийского континента определяет общую континентальность климата. Со стороны Северного Ледовитого океана сюда беспрепятственно приходят холодные ветры. Но зимой Алтай выступает как более теплый остров среди низменностей, куда с гор стекает тяжелый холодный воздух. Летом здесь, наоборот, более прохладно по сравнению с соседними регионами, чему способствует наличие высоких охлажденных плато и горных хребтов с ледниками и снегами.

Алтай стоит на пути западных влажных ветров, поэтому осадков здесь выпадает гораздо больше, чем можно было бы ожидать. Веерообразно расходящиеся западные хребты первыми перехватывают влагу идущих с Атлантики воздушных масс. Находясь в зоне, где выпадает более 300 мм осадков, Западный Алтай (верховья р. Мал. Ульба) получает их более 1500 мм.

Воздушные массы по долинам далеко проникают в глубь Алтая, конденсируя влагу на охлажденных гребнях гор. В восточные районы ветры приходят уже иссушенными. Высокие плато и межгорные котловины, огражденные горными хребтами, получают очень малое количество осадков: плато Укок на высоте

2200 м — 286 мм, Чуйская котловина — немногим более 100 мм. Хорошо увлажнены (до 900 мм) далеко выдвинутые на север хребты северо-востока.

Растительный покров Алтая неоднороден. Хорошо выражена вертикальная поясность. Степной пояс обрамляет горы с запада и севера. Здесь довольно широкая полоса злаково-разнотравных и ковыльных черноземных степей, ныне распаханых и поднимающихся до высоты 300 м над уровнем моря. Степи проникают в глубь горной системы по широким долинам, открытым в сторону предгорных равнин.

Более половины территории занимают леса. В районах повышенного увлажнения (северо-восток и запад) развита черневая тайга и вторичные березово-осиновые и осиновые леса. На верхних частях склонов здесь развиты кедровые и пихтово-кедровые леса. На остальной территории кедровники занимают верхние части склонов, а по долинам произрастают еловые леса. На основной же части склонов доминирует лиственница, как с травяным покровом, так и с кустарниковым подлеском. Верхняя граница леса проходит на востоке на высоте 2200 м, на западе — на высоте 1700 м.

В высокогорном поясе развиты луга, заросли полярной березки, моховой и лишайниковый покров. В поясе выделяется горно-тундровая растительность (вверху) и луговая (внизу). На границе с лесом на горных лугах местами имеются небольшие группы деревьев, которые чередуются с кустарниковыми зарослями (полярная березка, низкорослые ивы, жимолость, горная смородина) и пятнами субальпийских лугов из высокорослых растений (живокость, борец, борщевик и др.). Горная тундра занимает более обширные пространства и приурочена к древнему пенеплену (выровненной поверхности). Здесь господствуют мхи, лишайники и заросли полярной березки.

нам. Вследствие интенсивного физического выветривания склоны и днища долин покрыты каменными осыпями, почвенно-растительный покров в нивальном высокогорье практически отсутствует, кое-где наблюдаются лишь накипные лишайники.

Горные степи в виде пятен и прерывистых полос глубоко внедряются в лесную зону по речным долинам, занимая их расширенные участки. По общему характеру растительности они близки степям западных предгорий. Замкнутые котловины характеризуются климатом с меньшим количеством осадков и более высокими летними температурами, нежели прилегающие горные участки. Это способствует развитию ксерофитной растительности на черноземных, темно-каштановых, местами солончаковых почвах. Горные степи являются ценными пастбищами, что издавна привлекало скотоводов. Несмотря на невысокую биологическую продуктивность, степные растения (ковыль, степная люцерна, астрагалы, местами терескен), благодаря обилию солей, выгодно отличаются от «пресных» кормов лесных или субальпийских лугов. Кроме того, степи имеют маломощный снежный покров и выпас скота возможен круглый год.

Высокогорные степи находятся в глубоких межгорных котловинах Юго-Восточного Алтая (Чуйская и Курайская). По характеру и составу растительности они напоминают каменистые степи Северной Монголии. Зима здесь суровая, морозы достигают $55-60^{\circ}$, снеговой покров маломощный и часто сдувается ветрами. На небольшой глубине почти повсеместно залегают многолетнемерзлые породы. Растительность весьма скудная, низкорослая и разреженная (поверхность покрыта только на 10%). Состав ее однообразный и содержит только монгольские и эндемичные виды (галечниковый ковыль, астрагал, карагана Бунге, чий и др.).

Животный мир Алтая, как и его ландшафты, крайне разнообразен. Фауна лесного пояса близка к фауне

западносибирской тайги. Для нее также обычны медведь, росомаха, колонок, горностай, ласка, белка, лось. Роющий образ жизни ведут крот и барсук. Типичными лесными птицами являются глухарь, рябчик, глухая кукушка, трехпалый дятел, кедровка. В светлых лиственничных лесах обитают дрозд — дерябя и конек лесной. В верхней части пояса, примыкающей к альпийским лугам, обитают косули, маралы, горные козлы и горные бараны, которые уходят зимой на вершины, где ветер, сдувая снег, оголяет сухую траву и лишайники. В высокогорном поясе встречаются медведь, волк и лисица, которые заходят сюда из лесного нижележащего пояса. На Чулышманском нагорье и восточнее Телецкого озера очень редки северные олени. Из грызунов обычны пищуха даурская и монгольская, сурок. В южной части обитают кот-манул, лисичка корсак, снежный барс, дзерен. В каменистой тундре живет алтайская горная индейка или улар, которая в зимнее время спускается немного вниз.

Формирование рельефа Алтая, его растительности и животного мира происходило в течение длительно-го времени и процесс этот был достаточно сложным. В деталях палеогеография этой горной страны до сих пор не выяснена и можно говорить только об ее этапах.

— Дочетвертичное — время

В конце мезозоя и начале кайнозоя (140–40 млн. лет назад) на складчато-глыбовом фундаменте был сформирован пенеплен (почти равнина). На пенеплене в условиях переменного-влажного климата, достаточно теплого (без сезонов с отрицательными температурами), протекали процессы химического выветривания. Позднее кора выветривания почти полностью

была уничтожена денудационными процессами. Лишь участками она сохранилась в межгорных впадинах, например, по рекам Кызыл-Чин, Талды-Дюргун (бассейн Чаган-Узуна). На пенеплене была сформирована сложно построенная гидросеть озерно-речного типа, которая имела сток к северу. В позднемеловое время и в эоцене (100—60 млн. лет назад) Алтай представлял собой приморскую область (Западносибирское море достигало широты г. Камня-на-Оби). Климат Западного Алтая, омываемого морем, был теплым и влажным. Его пышная растительность, разнообразная в видовом отношении, была сходна с восточно-азиатской и даже североамериканской, но не европейской. Обычными здесь были секвойи, болотные кипарисы, гинкго, бук, граб, ясень, лапина и др.

На границе эоцена и олигоцена (40 млн. лет назад) начались горообразовательные процессы, достигшие максимума в миоцене (примерно 10 млн. лет назад). Алтайский пенеплен был разбит на блоки, испытывавшие поднятие на различную высоту. Наибольшей интенсивностью отличались тектонические движения на юге. Отставшие в своем подъеме блоки образовали межгорные котловины (Чуйская, Курайская), плоские плато (Укок) или нагорья (Чулышманское). В межгорные котловины в олигоцене с вздымающихся гор сносились продукты разрушения, в том числе и коры выветривания. Грубообломочные породы накапливались в прибортовых частях котловин, а в центральных — более тонкие породы речного и озерного происхождения (Девяткин, 1965). В неогене (25—1,17 млн. лет назад) Алтай не только приобрел черты горной страны, но и достиг вертикального расчленения, близкого к современному, по крайней мере, в северной части. Так, разбуриванием поперечного профиля долины Катунь ниже с. Майма на склонах под четвертичными отложениями были вскрыты неогеновые глины

аральской (миоцен) и павлодарской (миоплиоцен) свит. Глины залегают выше современного уровня Катуни лишь на 25—30 м. В южной части Алтая вертикальное расчленение было менее значительным.

Глубокое вертикальное расчленение Алтая в неогене способствовало интенсивному закарстованию известняковых массивов. Поверхностные и метеорные воды, просачиваясь в толщи известняков по тектоническим трещинам и редко по плоскостям напластования, выработали вертикальные и крутопадающие каналы в зоне фильтрации. Ниже, на уровне подземных вод, водопроводящие каналы приобретали субгоризонтальное направление. Видимо, некоторые горизонтальные каналы формировались в подводных условиях (ниже уровня трещинно-карстовых вод), так как следы водной обработки хорошо выражены по всему сечению пещер (пещеры им. Окладникова у с. Сибирячиха, Разбойничья в верховьях одного из притоков р. Каракол в Усть-Канском районе). В пещере им. Окладникова, в локальных понижениях днища горизонтальной галереи 3, обнаружены оранжевые глины, аналогичные глинам миоплиоцена. Вероятно, они были смыты в пещеру еще в период разработки самой галереи.

Несомненно, пещеры, заложенные в неогене, «подрабатывались» и в четвертичное время.

Изменение климата Алтая в олигоцен — неогене в сторону похолодания и большей сухости вызвало изменение и состава растительного покрова. На западе, в системе Бухтармы, произрастали смешанные леса, в составе которых были виды лещины, липы, ольхи, ели, тополя, сосны и лапины близкой к кавказским видам. Из более древних форм сохранились секвойя, тюльпанное дерево и др.

В раннем миоцене, по данным изучения микроостатков растений из разреза Чаганузунского буроголь-

ного месторождения, в Чуйской котловине произрастали орех, тополь, ольха, ива, дуб, тсуга, сосна, ель. По р. Кызкыно́р были определены также семена секвойи. Микроостатки в угленосных отложениях позволяют реконструировать хвойно-широколиственную растительность тургайского типа.

Миоплиоценовые отложения по р. Туярык (северо-восточная часть Чуйской котловины) содержат растительные остатки иного состава. Заметную роль стали играть мелколиственные породы (несколько видов высокоствольных берез, липа, ива). Хвойные были представлены сосной лесной, пихтой сибирской и елью. Травянистый покров стал более представительным, разнообразным как по составу, так и по экологической привязке. В водоемах произрастали рдест, уруть, ежеголовник, водяная сосенка, на дренированных участках — ксерофитные формы, например, маревые.

Четвертичный период

Рубежи основных этапов четвертичного периода приняты нами в соответствии с разработками В. А. Зубакова (Зубаков, 1986).

Гюнцский этап (1,17—1,0 млн. лет назад) сопровождался первой волной похолодания. Вряд ли на Алтае это вызвало появление ледников. Похолодание было относительно незначительным, а вершины еще не достигли современных высот над уровнем моря. Можно только сказать, что с похолоданием уровень конденсации паров (облачность) стал более низким (гипсометрически) и вершины гор покрывались снегом на более длительное время. Можно предполагать и относительную аридизацию климата межгорных котловин.

Гюнц-миндельский этап (1—0,76 млн. лет назад) был более теплым, чем современный. На Алтае выпадало значительное количество осадков, полноводные реки усиливали свою эрозионную деятельность, углубляя долины и вынося в предгорья обломочный материал. В Чуйской котловине существовало озеро, береговая линия которого реконструируется по строматолитовым (водорослевым) известнякам (Девяткин, 1965).

Судя по палеонтологическим остаткам, в отложениях кызылгирской свиты на Алтае в это время произрастали в межгорных котловинах и по речным долинам смешанные леса из ели, ногоплодника, пихты, тсуги, березы, ольхи, липы, лещины. На хорошо дренированных и прогреваемых склонах гор произрастала травянисто-кустарничковая растительность с участием характерного ксерофита — эфедры.

В конце гюнц-минделя и в преддверии последовавшего похолодания миндельского этапа природная ситуация на Алтае изменилась. Исчезли широколиственные древесные породы, экзотические хвойные (ногоплодник, тсуга) и некоторые относительно теплолюбивые представители третичной флоры (граб). Весьма показательное появление лиственницы. Обнаружение костей гиппариона в верхних слоях отложений кызылгирской свиты также подтверждает высказанное предположение об усилившейся аридизации климата в конце гюнц-минделя и появлении открытых степных пространств. Подтверждается аридизация и усиление пролювиальных процессов, о чем можно судить по отложениям бекенской свиты, венчающей разрез гюнц-миндельского осадконакопления.

В. А. Зубаков предполагает два относительно кратковременных похолодания, следы которых на Алтае пока не выявлены.

Миндельский этап (760—585 тыс. лет назад) отмечен резким похолоданием. Именно в это время на

Алтае впервые образовались ледники, которые в течение всего последующего времени не исчезали (Малолетко, 1974).

В предгорьях Алтая были развиты травянистые сухие степи на лугово-каштановых и бурых почвах. Аридизация климата вызвала усиление пролювиальных процессов. Северный фас алтайских гор был расчленен короткими долинами и оврагами, из которых временными водотоками выносился щебнистый и щебнисто-глинистый материал, образовавший у подножья гор пролювиальный шлейф. Аридизация климата усилила процессы физического выветривания и в горах, где для транспортировки были подготовлены огромные массы обломочных пород. Свойственные аридному климату неравномерное выпадение атмосферных осадков и их ливневый характер резко усилили пролювиальные процессы. Почти повсеместно подножья гор, ограничивающих межгорные котловины, оформляются мощными конусами выноса временных водотоков. Эти пролювиальные отложения объединяются в башкаускую свиту. Такие пролювиальные шлейфы наблюдаются у подножья Курайского, Южно-Чуйского хребтов, в Джулукульской котловине и многих других местах.

О характере растительности в минделе сведений почти нет. Единичные спорово-пыльцевые комплексы, полученные из пород башкаусской свиты, указывают на леса из сосны и кедра. Заметна примесь ели. Береза занимала подчиненное положение. Среди травянистых присутствует пыльца злаков, маревых, сложноцветных, полыни, осок, гвоздичных.

Миндель-рисский этап (585—350 тыс. лет назад) был довольно прохладным и влажным. Вновь усилилась глубинная речная эрозия. В долинах горных рек происходило накопление маломощных слоев песчано-галечного состава, ныне изредка встречаемых под флювиогляциальными и ледниковыми отложе-

ниями (Девяткин, 1955). В речных долинах, судя по спорово-пыльцевым спектрам, произрастали леса из березы, пихты, ели. Склоны были покрыты ксерофитной растительностью типа горных сухих степей.

Русский этап (350–245 тыс. лет назад) по климатическому режиму был холодный. С ним связано максимальное оледенение планеты. В рамках этапа предполагается эпоха относительного потепления (340–300 тыс. лет назад). Температура самого теплого месяца в эпоху этого относительного потепления была на 1° ниже современной (Зубаков, 1986).

Начало рисса в предгорьях ознаменовалось накоплением мощной толщи эоловых лессов с несколькими (до 13) горизонтами погребенных почв, характерных для сухих степей (луговые бурые, лугово-каштановые, пойменные пустынно-степные) и отличающихся низким (менее 1%) содержанием гумуса (Коляго, Малолетко, 1978). Спорово-пыльцевые комплексы из лессов также характеризуют степные и лесостепные растительные ассоциации. На повышенных участках рельефа господствовали довольно сухие степи, в том числе полынные с сосновыми борами. Речные долины были заняты заболоченными еловыми лесами с небольшой примесью березы и подлеском из высоких кустарников (черемуха, бузина, ольха). На моховых болотах были обычны карликовые формы березы. Кроме влаголюбивых и водных представителей болот и заболоченных мест, произрастали представители альпийского пояса (альпийские маки, альпийская льнянка). В рисское время сформировалась так называемая верхнепалеолитическая мамонтовая фауна крупных млекопитающих, характерными представителями которой являлись мамонт, шерстистый носорог, бизоны, лошади.

В предгорьях Алтая внутририсское потепление выразилось в оживлении эрозионной деятельности рек

и накоплении аллювия, ныне погребенного под лесовидными отложениями более поздней генерации, либо под аллювием более молодых террас. Природная ситуация во время внутририсского потепления была сходной с той, что наблюдалась в начале рисского времени. Климат был достаточно прохладным, на равнинах преобладала степная растительность, в долинах рек — лесная.

Конец рисского времени ознаменовался накоплением эолового лесса, некоторым снижением температур, усилившимся остепнением открытых пространств. В широких речных долинах накапливался перигляциальный аллювий — буроватые суглинки и супеси со щебнем и глыбами кристаллических пород и с маломощными галечниками в основании. Днища этих долин ныне известны по левобережью Катунь у с. Айского (примерно 200 м над Катунью) и в долине Ануя (ниже с. Черный Ануй).

В Горном Алтае пока не обнаружены доказательства внутририсского потепления. Очевидно, оно здесь в силу орографических причин было слабым (вспомним, что в это время и на равнине было более прохладно, чем сейчас). Это объясняет относительную стабильность природной обстановки в течение всего рисского времени.

В данный период отмечено максимальное за весь четвертичный период оледенение, что обеспечивалось депрессией снеговой линии не менее чем на 1300 м. Значительная глубина речных долин, крутые склоны не способствовали образованию покровного оледенения. Ледяные массы имели возможность оттока из ледниковых центров по речным долинам. В бассейне Катунь преобладали горно-долинные ледники. На плато Укок, очевидно, была сформирована ледниковая шапка с оттоком льда в разные стороны. Слабо расчлененный бассейн Чулышмана обеспечивал развитие

ледниковых шапок, ледоемов, перетекание льда из одного бассейна в другой (Окишев, 1987).

Ледники оставили морены, которые ныне сильно денудированы и встречаются вне площади распространения морен более молодого возраста. За пределами зон оледенения моренам соответствуют флювиогляциальные валунники и галечники, которые заполняют глубокие эрозионные долины и перекрываются позднеплейстоценовыми моренами. Некоторые разрезy рисских отложений представляют собой чередование нескольких валунно-галечниковых горизонтов. Возможно, такое чередование отражает климатические изменения и со временем позволит более подробно расчленить рисское время на Алтае (Девяткин, 1965), выделив в нем эпохи относительного потепления.

Низкие температуры обусловили интенсивное физическое (морозное) выветривание горных пород во внеледниковой области. Щебнистый материал зоны физического выветривания энергично смывался дождевыми и талыми водами с крутых склонов, образуя у подножья склонов долин и межгорных котловин конусы выноса. Так, вдоль южного подножья Курайского хребта слившиеся между собой конусы выноса образуют высокий (70—100 м) пролювиальный шлейф.

В долинах крупных рек сформировались высокие флювиогляциальные и флювиальные террасы, а в средне- и низкогорье — перигляциальный аллювий преимущественно суглинистого состава.

Климат в рисское время был суровый, с холодной и продолжительной зимой, коротким прохладным летом. Вряд ли можно говорить об увеличении количества атмосферных осадков, особенно летних. Но, несомненно, возросла доля твердых осадков (снега). Особенно снежными были западные районы Алтая. С удалением на восток снег накапливался преимущественно в привершинных частях хребтов. Над межгорными котловина-

ми атмосферных осадков выпадало мало. Орошались они, в основном, за счет талых вод, стекавших из нивальной зоны по руслам небольших рек. Дожди выпадали в конце лета и могли иметь ливневый характер. Именно последнее и обусловило повсеместное и энергичное проявление пролювиальных процессов.

Из пролювиальных отложений при слиянии рек Ак-Кем и Кызыл-Чин извлечен спорово-пыльцевой комплекс, который состоит, в основном, из недревесных — маревых, полыни, эфедры. Единичные зерна пыльцы ели, пихты, лиственницы, березы, ольхи, возможно, частично переотложены, так как совместно с ними обнаружена и пыльца третичной тсуги.

О животном мире Алтая в рисское время ничего определенного сказать нельзя, так как костные останки крупных животных в соответствующих отложениях не обнаружены.

Рисс-вюрмский этап (245 — 117 тыс. лет назад) характеризуется наступлением межледниковых условий. По мнению ряда авторов (Николаев, Блюм, 1985), это было самое теплое время за всю четвертичную историю и термический оптимум приходился на время 125 тыс. лет назад. На Алтае отмечались деградация оледенения, формирование речных и озерных (в том числе приледниковых) систем в зоне бывшего оледенения. Это нашло отражение в накоплении флювиогляциальных отложений, разделяющих отложения предшествующего рисса и последующей ледниковой эпохи позднего плейстоцена.

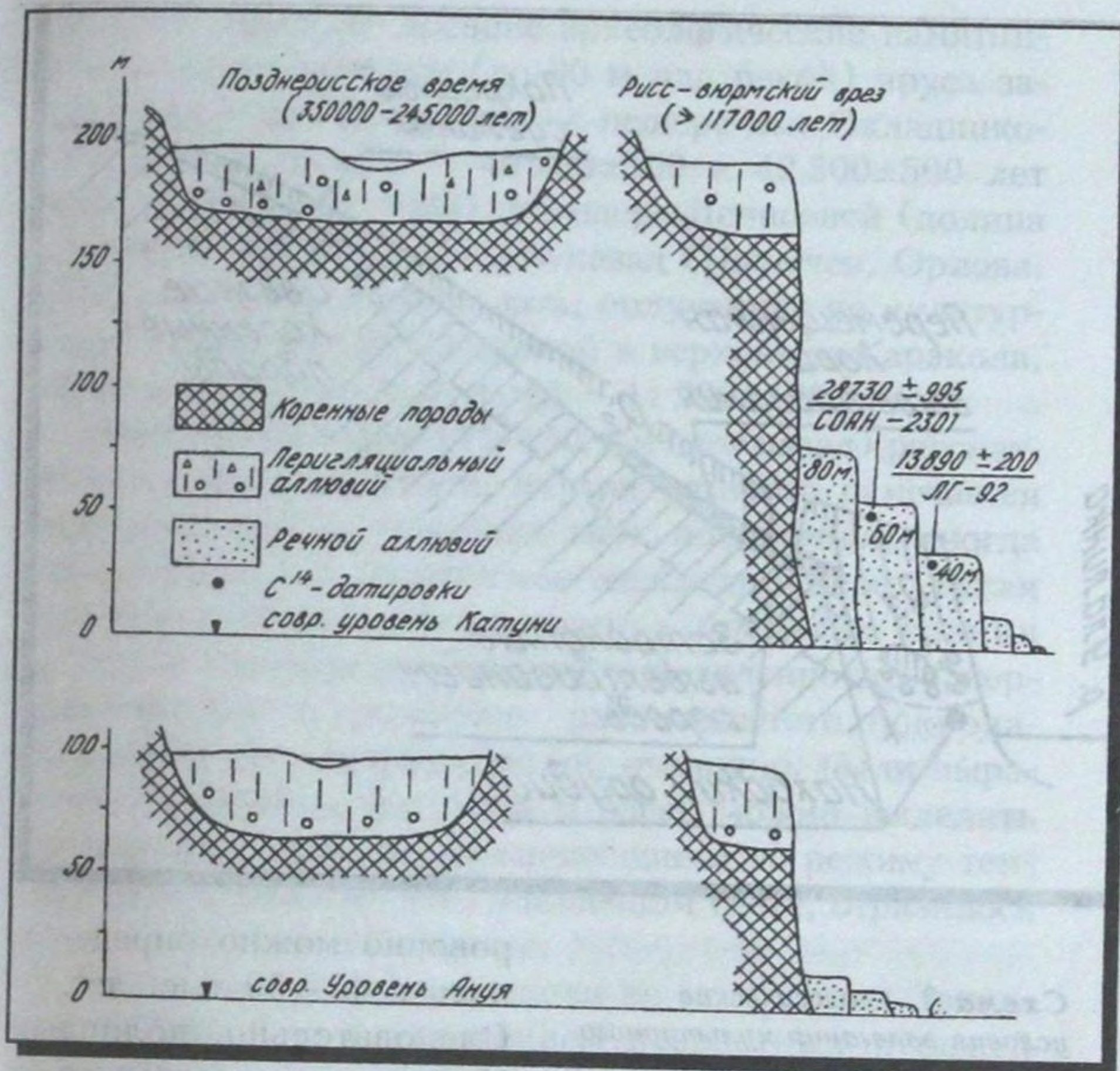
Существенно изменилась ландшафтная обстановка. На смену сухим степям и лиственничным лесам пришли смешанные леса с заметной примесью березы, осины, кедра. Так, спорово-пыльцевые спектры из озерных межледниковых отложений по р. Кубадру, по данным Е.В. Девяткина, содержат пыльцу сосны (до 30%), сибирского кедра (до 30%), ели (6–20%), березы (15–

41%), в том числе карликовой, а также немного пихты, лиственницы, ольхи. Повышенное содержание споровых также указывает на возросшую залесенность местности. Однако, высокое гипсометрическое положение Алтая даже в оптимальных климатических условиях межледниковья поддерживало известную суровость природы. Об этом, в частности, свидетельствует присутствие пыльцы карликовой березки.

В предгорьях Алтая четко проявились условия межледниковья. Климат там был более теплым и достаточно влажным, чем в предшествующее время. Преобладали лесостепные ландшафты с заметной долей ели в долинных лесах.

В рисс-вюрме произошло интенсивное врезание крупных рек, которое в низкогорье составило для Катунь не менее 200 м, для Ануя — не менее 80—100 м. Этот процесс хорошо сопоставляется с наиболее глубоким врезом рек в горном поясе Южной Сибири и был связан с южно-сибирской фазой неотектонической активизации (Ендрихинский, 1988). Выработка ложа (глубинный врез) закончилась 50 или 70 тыс. лет назад (первая дата предпочтительнее). Речные днища долин дорис-вюрмского возраста сохранились в виде фрагментов тех или иных размеров, так называемых долинных педиментов. В долине Катунь такой педимент сохранился по левому берегу выше с. Айского, а в долине Ануя — ниже устья р. Шинок и тоже по левому берегу.

Широкие долины крупных рек, выработанные в рисс-вюрме, оформлены серией надпойменных террас высотой в низкогорье до 80 м (долина Катунь ниже Манжерока) и 30 м в долине Ануя. Возраст самой древней катунской террасы (80 м) неизвестен. Но следующая по времени 60-метровая терраса у с. Майма (Майминский вал) имеет дату $28\,730 \pm 995$ лет назад, полученную по кости мамонта с глубины 8 м. Сорока-

метровая терраса у с. Ая (ручей Глиняный на территории плодового сада) датируется временем всего лишь $13\,890 \pm 200$ лет назад. Если этот возрастной разрыв (15 тыс. лет) экстраполировать и на предыдущий эрозионно-аккумулятивный цикл, то возраст 80-метровой террасы ориенти-

Схема 2. Поперечный профиль Катуни (вверху) и Ануя в поздне-рисское (слева) и послерисс-вюрмское время.

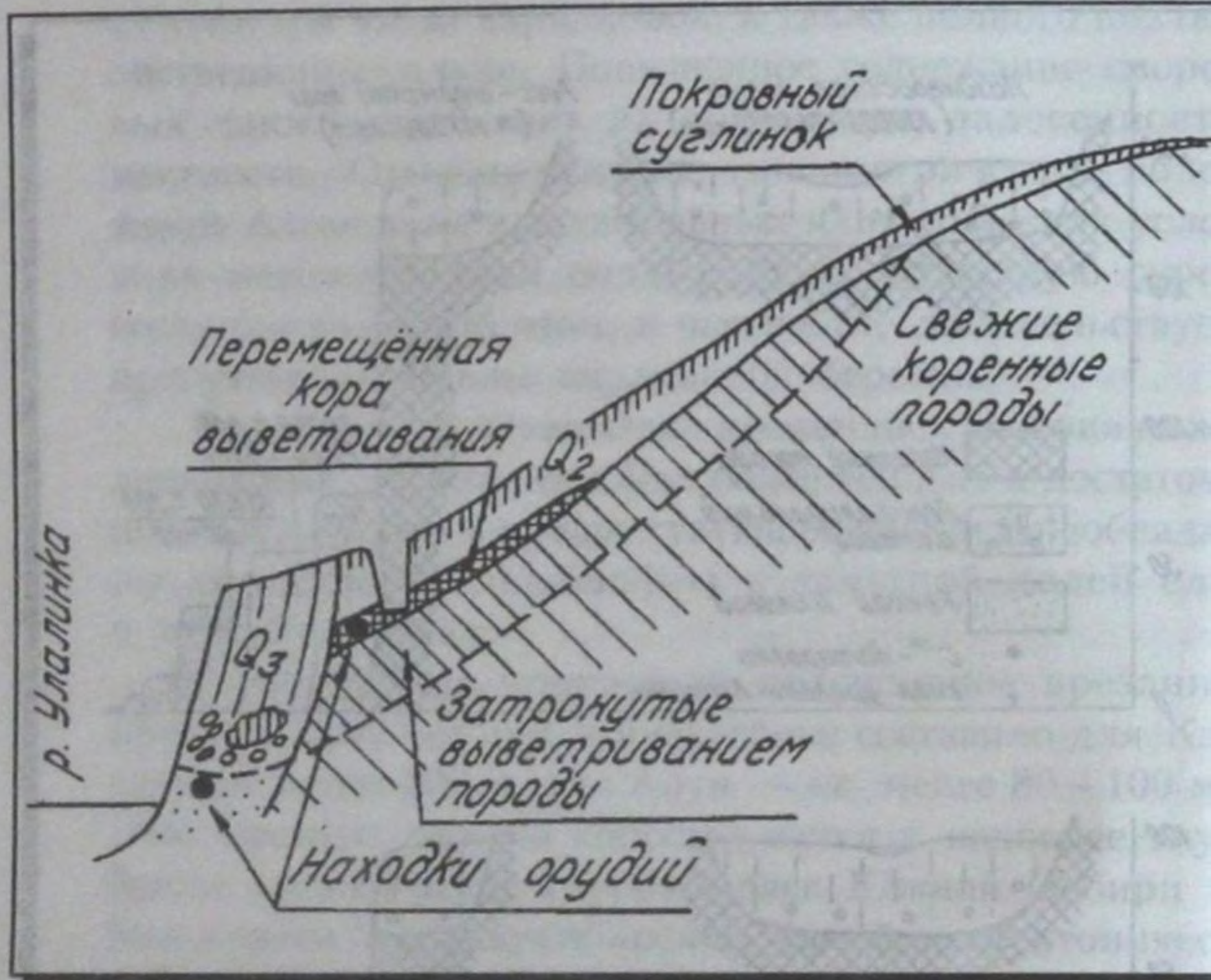

Схема 3. Геологические условия залегания культурного слоя Улалинской стоянки

ровочно можно определить в 45—50 тыс. лет. Следовательно, долина Катунь в низкогорье до высоты 200 м и долина Ануя над уровнем реки до высоты 100 м могли заселяться сравнительно поздно — 50—70 (?) тыс. лет назад. В этих долинах древние археологические памятники (70 тыс. лет и более), в том числе и в пещерах, могут быть найдены только на высоких уров-

нях. Так, наиболее древние археологические памятники в пещерах нижнего (до 30 м над рекой) яруса закарстования имеют возраст: в пещере им. Окладникова в с. Сибирячиха — $40\,100 \pm 500$ и $42\,500 \pm 500$ лет назад (Деревянко, 1988), в пещере Денисовой (долина р. Ануй) — $39\,390 \pm 1\,313$ лет назад (Панычев, Орлова, 1990), наиболее древняя дата, полученная по культурному слою в пещере Каминной в верховьях Каракола, небольшого притока р. Ануй — $11\,990 \pm 140$ лет.

Вюрмский этап (117–10 тыс. лет назад) рассматривается как ледниковье, внутри которого намечается несколько кратковременных эпох потепления, иногда объединяемых в каргинское межледниковье. Такая структура вюрмского времени в пределах равнин (и Альп) проявляется вполне определенно и, в первую очередь, в динамике растительного покрова. В горах Алтая эти флуктуации, очевидно, были выражены не столь четко, хотя и здесь можно выделить временные интервалы, различающиеся по режиму температуры и осадков, что, в конечном счете, отразилось и на природной обстановке.

Вюрмская ледниковая эпоха по материалам Западной Сибири, но с уточнением возрастных рубежей по алтайским материалам, расчленяется на холодный зырянский (117–60 тыс. лет назад), относительно теплый каргинский (60–33 тыс. лет назад) и холодный сартанский (33–10 тыс. лет назад) интервалы времени.

Зырянское время характеризовалось широким распространением оледенения, которое в зависимости от геоморфологических и климатических условий было каровым, долинным, покровным.

Покровное оледенение формировалось на слабо расчлененных платообразных поверхностях — на Чулышманском нагорье и на междуречье Башкауса и Чулышмана, частично на плато Укок. Долинное оледенение было

приурочено к наиболее высоким и глубоко расчлененным хребтам (Шапшальский, Курайский, Чихачева, Северо- и Южно-Чуйский и др.). Выходя из долин, ледники сливались у подножья хребтов, освобождаясь от обломочного материала. С удалением на запад размеры ледников уменьшались. Они занимали лишь верхние участки долин, достигая в длину обычно не более 10 км. Так, наиболее крупные из них, спускавшиеся с Теректинского хребта, имели длину: по р. Каракол 13 км, по Бол. Ильгумену 15 км, по Мал. Яломану 12 км (Окишев, 1982).

На западе Алтая (хребты Ивановский, Коргонский, Холзун и др.) наиболее значительное по размерам оледенение отмечено лишь на участках с максимальными высотами, где долинные ледники достигали в длину иногда 15 км. При этом здесь, особенно на относительно высоких хребтах, резко проявлялась асимметрия оледенения, обусловленная различной экспозицией склонов. Юго-западные наветренные склоны несли ледники, которые в 3—4 раза были меньшими по размерам, чем ледники противоположных склонов. Причина такой асимметрии заключается в метелевом переносе снега с наветренных склонов на подветренные. Снеговая граница в это время была на 700 м ниже, чем ныне (Окишев, 1982) и находилась на высоте 1600—1650 м.

Во внеледниковой области высокогорного Алтая природная ситуация претерпела существенные изменения. Понижение снеговой границы привело к накоплению значительных масс снега на склонах. Вследствие этого в весеннее время года межгорные впадины лучше орошались водами многочисленных временных водотоков, хотя общее количество осадков вряд ли было большим. Временные водотоки к подножью склонов и в речные долины выносили большое количество пролювиального материала в виде щебнисто-глинистой массы, формируя многочисленные конусы выноса.

Во второй половине лета, когда заканчивалось таяние снегов, временные водотоки пересыхали, поступление воды в межгорные впадины уменьшалось. И лишь таяние снегов поддерживало деятельность постоянных водотоков. В речных долинах происходило формирование высоких террас, а на междуречьях — накопление эолового лесса.

В зырянское время возникло крупное ледниково-подпрудное озеро, занимавшее Курайскую и Чуйскую котловины. Причиной образования озера послужило развитие ледников на северных и южных склонах хребтов, обрамляющих Курайскую впадину. С юга в котловину спустились языки ледников Актру, Корумду, Куркуре, Маашей, с севера Арталук, Таджилу, Ярлу-Айры, Чибит. Сомкнувшись, ледники этих встречных потоков образовали ледяную плотину высотой более 400 м. Уровень озера достиг абсолютной отметки 2100 м. Глубина озера превышала 400 м. В озеро спускались языки и других ледников, которые разламывались на блоки. Блоки дрейфовали по поверхности, разнося огромные (до 4 м) глыбы горных пород. Такие эрратические глыбы в Чуйской котловине были вынесены ледниками из долин рек Чаган-Узун, Чаган, Ирбисту, Тархаты со стороны Южно-Чуйского хребта и часто встречаются на днище котловины. Жители называют их «камни Сартакпая».

На склонах бывших озерных впадин, особенно имеющих южную экспозицию, хорошо сохранились волноприбойные ступени (террасы), образованные в результате наката волн ветрами. Время существования озера пока не может быть определено, но, очевидно, оно моложе максимума первого позднеплейстоценового оледенения (зырянского по западносибирской шкале).

Озерные отложения содержат показательные спорово-пыльцевые комплексы. В последних резко преобладает пыльца травянистых растений (95% комплек-

са). Представлена она в основном маревыми — до 82% от пыльцы недревесных. Пыльца кустарничковых принадлежит карликовой березке (до 40%) и эфедре (до 40%). Комплексы свидетельствуют о холодных и сухих условиях среды обитания растений.

Каргинское время обычно расценивается как межледниковое, хотя в климатическом отношении оно было неоднородным. Начало его можно отнести к дате 60 тыс. лет назад, так как вскоре после него отмечаются явные признаки потепления, сопровождавшегося возрастанием водности рек, стекавших с Алтая. В частности, по правому берегу Оби у с. Калманка в базальном горизонте высокой древней террасы были обнаружены створки теплолюбивых моллюсков-унионид (наяд) и корбикул, а в спорово-пыльцевых спектрах — пыльца дуба, граба, лапины (Малолетко, 1972). По растительным остаткам были получены радиоуглеродные даты $51\,500 \pm 4700$, $53\,300 \pm 6000$ и более 55 тыс. лет назад (Панычев, Орлова, 1973).

Материалы Западно-Сибирской равнины зафиксировали раннекаргинское похолодание примерно 43—42 тыс. лет назад, на Алтае пока не выявленное. Но 40 тыс. лет назад климат уже был теплым, возможно, самым теплым за все каргинское межледниковье. В аллювии третьей террасы р. Ануй найдены многочисленные раковины унионид, по которым получена дата $40\,000 \pm 500$ лет назад. Совместно с раковинами моллюсков залегали кости бизона, мамонта, носорога, лошади. Мелкие косточки принадлежали зайцу, пищухе, хомяку, суслику краснощекому, лесной полевке, крысе, полевке-экономке, цокору. Цокор, заяц, полевка свидетельствуют о произрастании лесов в долине Ануя, чередующихся с открытыми остепненными пространствами, на которых обитал суслик. Наличие костных остатков хомяка не противоречит предложенной реконструкции.

К этому времени относится и культурный слой 3 Малояломанской пещеры с датой по углям $33\,350 \pm 1\,145$ лет назад. Слой содержит костные остатки крупных животных: носорога, осла, мелкой лошади, бизона, барана, горного козла, красного волка, барса, бурого медведя, куньего, пещерной гиены, зайца. Находка зуба носорога — пока единственное свидетельство столь глубокого (до $50,3^\circ$ с.ш.) проникновения в горы Алтая этого животного. Спорово-пыльцевые комплексы этого культурного слоя практически не могут быть использованы для палеогеографических построений, так как они связаны, в основном, с хозяйственной деятельностью человека. Эта деятельность выразилась, в частности, в привнесении травянистых растений для устройства подстилки. В одном случае было установлено, что это произошло в июне. Если же опереться на спорово-пыльцевые комплексы, то в долине Малого Яломана реконструируется довольно разнообразная преимущественно травянистая растительность с заметно подчиненной ролью древесных пород. Среди травянистых преобладает пыльца маревых (хеноподиевых), полыни, цикориевых. В меньшем количестве встречаются злаковые, лютиковые (в том числе василистник), кресто- и губоцветные, розовые, бобовые, подорожник и др. Особенно разнообразны сложноцветные (астровые), среди которых определена пыльца астры, золотарника, серпухи, василька, одуванчика, скерды, тысячелистника, козлеца, мордовника, борца, василистника. Видимо, в речных долинах были разнотравные дуга, чередующиеся с зарослями ивы и ольхи по берегам реки.

В высокогорной зоне Алтая события каргинского времени с трудом обособливаются по своей сути от аналогичных событий предыдущего и последующих похолоданий, так как климатические флуктуации здесь были не столь резкими, как на равнине или в среднегорье.

Наиболее убедительно климатические изменения каргинского времени зафиксированы в деградации ледников предшествующего (зырянского) времени. По данным П.А. Окишева, ледники при отступании оставили несколько гряд конечных морен, из которых три наиболее четко выражены. Возможно, эти три стадиальные морены соответствуют стабилизации ледников в фазе кратковременного восстановления холодных условий, что, учитывая «неспокойный» климатический фон каргинского времени, вполне вероятно.

Деградация ледников способствовала увеличению расходов воды в постоянных водотоках. В речных долинах происходило формирование флювиогляциальных и аллювиальных террас. В долине р. Байлюгем (северо-восточная часть Чуйской котловины) аллювий внутри конечной морены зырянского ледника содержит спорово-пыльцевые комплексы, указывающие на изменение природной обстановки. Из песков основания разреза аллювия получены комплексы, состоящие в основном из трав (53—67%). Выше по разрезу в комплексах из торфянистых глин преобладают древесные (почти 78%). Среди них доминируют пыльцевые зерна сосны (до 80%) и березы (25—40%), в том числе кустарниковые виды. Постоянно присутствуют пыльца ели (8%), пихты (до 7%) и ольхи (4—7%). Учитывая высокую пыльцевую продуктивность сосны и большую летучесть самой пыльцы, преобладание в комплексах пыльцевых зерен этой древесной породы еще не указывает на широкое распространение в прошлом сосновых лесов на ныне полупустынной безлесной территории. Однако, обнаружение в торфянистых глинах древесины, к сожалению, оставшейся неопределенной, явно свидетельствует в пользу некоторого облесения Байлюгемской долины.

Верхняя граница этого потепления, которому по шкале сибирских геологов соответствует малохетское потепление, обычно определяется в 35 тыс. лет (Архипов,

Исаева, 1987). Но на левом берегу Чарыша в базальном слое цокольной террасы было обнаружено массовое скопление раковин теплолюбивого моллюска корбикула, большинство которых находилось с прижизненным положением створок. Возраст раковин по данным радиоуглеродного анализа определен в $33\,400 \pm 930$ лет или с учетом поправки на разброс — $34\,330 - 32\,470$ лет. Таким образом, верхний рубеж малохетского потепления может быть повышен на $500 - 2500$ лет, в среднем до 33 тыс. лет. Возможно, что массовая гибель корбикул, отмеченная по разрезу террасы Чарыша, свидетельствует о резком ухудшении климатических условий.

Фактический материал по Алтаю, полученный в последние годы, позволяет «закрыть» каргинское время датой $33\,000 (\pm 500)$ лет назад. Конощельское ($30 - 35$ тыс. лет по западносибирской схеме) похолодание следует отнести к сартанскому ледниковью, завершающему поздний плейстоцен. В связи с этим и липовско-новоселовское время (по той же схеме) можно оценить как холодное, что хорошо подтверждается алтайскими материалами.

Сартанское время было холодным, хотя режим увлажнения несколько раз менялся. Кратковременное потепление в средней части эпохи не нарушает цельной картины суровости климата сартана. Считается, что сартанское время было самым холодным за весь четвертичный период (Алексеев, Голубева, Лискун и др., 1980). Однако, сартанское оледенение Алтая уступало по масштабам более раннему, зырянскому оледенению, причиной чего является нехватка не только времени, но и «материала».

Начало сартанской эпохи (конощельское время по западносибирской схеме) на Алтае характеризовалось суровыми климатическими условиями. Зимы были очень морозными и малоснежными, летом выпадало очень много осадков. Интенсивно происходило накопле-

ние эолового алеврита (лесса). На бесснежных участках шло интенсивное морозное растрескивание лессовых грунтов с заполнением трещин мелкоземом. В лессах приустьевой части долины р. Каракол (левый приток Ануя) непосредственно над морозобойными трещинами были найдены угли древнего кострища, по которым получена дата $31\,410 \pm 1\,160$ лет назад. Судя по спорово-пыльцевым данным, в долинах среднего-рья Алтая господствовала степная растительность. В комплексах, очень однообразных, слабо насыщенных, преобладают травянистые (преимущественно злаковые и маревые). Из древесных присутствует только пыльца березы, в том числе карликовой.

Примерно 30,5 тыс. лет назад климат стал менее суровым. Зимние морозы несколько ослабли, увеличилось количество осадков, в том числе летних. В долинах сформировались разреженные елово-березовые леса, чередующиеся со степными ассоциациями (злаковые, маревые, сложноцветные). Накопление лессов приостановилось, сформировались маломощные почвы, затем, вследствие увеличения количества осадков, усилились процессы делювиального смыва. В разрезе археологического памятника Усть-Каракол поверх лессов с морозобойными трещинами с датой $31\,410 \pm 1\,160$ лет назад и под лессами с датой $28\,700 \pm 850$ лет назад залегает делювиальный суглинок, смытый со склона (Малолетко, Панычев, 1991). Именно с этим событием связано накопление в толще делювиальных суглинков и супесей на правом берегу Тобола у с. Липовского, по которым и выделен липовский (липовско-новоселовский) слой позднеплейстоценовой истории Западной Сибири. Здесь, у Липовского, толща делювиальных отложений прислонена к останцу третичных пород и достигает в месте контакта с ним мощности 30 м. Под делювиальными мелкоземистыми отложениями погребен древний аллювий, венча-

ющийся погребенной почвой с «пневным» горизонтом. Разрез был детально изучен (Малолетко, 1973) и по «пневому» горизонту получены радиоуглеродные даты: $30\,200 \pm 1425$, $30\,700 \pm 300$, $30\,560 \pm 40$ лет назад. По заключению В.С. Волковой, климат в то время был влажнее и прохладнее современного. Поэтому, липовское время следует считать холодным и отнести к межледниковью неправомерно.

Примерно 29—28 тыс. лет назад климат стал суше (и холоднее?). Вновь из атмосферы стали выпадать пылеватые частицы, возобновился процесс лессонакопления. В лессовидном суглинке разреза стоянки Усть-Каракол были обнаружены кости бизона и марала. Радиоуглеродная дата, полученная по кости, составляет $28\,700 \pm 850$ лет назад. Похолодание было сравнительно длительным, лишь 22—20 тыс. лет назад оно сменилось потеплением, которое вряд ли длилось более 2 тыс. лет. Но это потепление спровоцировало важное событие, проявившееся в Чуйской и Курайской котловинах и в долине Катунь ниже устья р. Чуи. Оно привело к уничтожению ледниковой подпруды и спуску Чуйско-Курайского озера. Имеются радиоуглеродные датировки, которые позволяют «зажать» это событие в довольно узкие временные рамки.

Если допустить, что катастрофический сброс озерных вод по долине Катунь отразился и в низовье реки в виде скопления глыб у Маймы и ниже по реке (имеется и иная точка зрения на происхождения Майминского вала (Малолетко, 1980), то можно привлечь следующие материалы. На глубине 8 м в мелкозернистых песках Майминского вала были найдены обломки костей мамонта. По зубу была получена радиоуглеродная дата $28\,730 \pm 995$ лет назад. Эрратические глыбы растащены по поверхности 60-метровой террасы (ее фрагментом является Майминский вал) позже этой даты. Кроме того, перевалив через узкий скалистый

гребень, почти перегораживающий долину Катунь у с. Рыбалка, поток выработал в поверхности 60-метровой террасы три водобойные ямы. На дне одной из них, ныне занятой оз. Ая, отложились мергели слоем мощностью более 1,5 м. По мергелям получена дата — $12\,750 \pm 65$ лет назад. Нам не известен разрыв во времени между формированием водобойных ям и завершением накопления толщи мергеля на дне оз. Ая. Можно только говорить о том, что поток прошел по долине Катунь раньше последней даты, но позже первой. В долине р. Инья — правого притока Катунь, имеются отложения высокой террасы, образование которой обычно связывают с катастрофическим сбросом вод подпрудного Чуйско-Курайского озера. В составе террасы залегают карбонатные палево-желтые суглинки. По карбонату из этих суглинков В.А. Паньчевым были получены радиоуглеродные даты: $20\,500 \pm 240$, $23\,250 \pm 400$ и $22\,275 \pm 370$ лет назад (Барышников, 1990). Они характеризуют время накопления аллювия и позволяют отнести это событие на 22 тыс. лет от наших дней.

Если исходить из относительно молодого (22 тыс. лет) возраста высоких террас Катунь и Чуи, то можно признать, что более древние археологические памятники на их поверхности не могут быть обнаружены. Их можно найти лишь на более высоких частях склонов долин или в пещерах, погребенных аллювием этой террасы. Возможно, Мало-Яломанская пещера была в затопленном состоянии, когда Катунь создала подпор для стока р. Мал. Яломан.

Максимальное похолодание, по мнению большинства исследователей, наступило в северном полушарии 19—18 тыс. лет назад, возможно, 18—17 тыс. лет назад и сопровождалось значительной аридизацией климата. Такая климатическая обстановка благоприятствовала накоплению эолового лесса на поверхности надпой-

менных террас и на пологих склонах междуречий. Но сартанские лессы только у Томска имеют надежную датировку. У Лагерного сада в конце прошлого века в лессовой толще, перекрывающей высокую террасу Томи, была обнаружена временная стоянка охотников. Радиоуглеродная дата, полученная по углям, определяет время этой стоянки в $18\,300 \pm 1\,000$ лет назад (Цейтлин, 1983).

Лессы практически не содержат спорово-пыльцевых комплексов, но в них нередко встречаются мелкие раковины наземных моллюсков лессового комплекса: *Vallonia tenuilabris*, *Pupilla muscorum*, *Succinea oblonga*.

Для интервала 15 — 13 тыс. лет на Алтае четко намечается изменение климата в сторону большего увлажнения при сохранении низких температур. Аллювий первой террасы Ануя у с. Ануйского, датированный от $14\,540 \pm 365$ лет назад, содержит обильную, богатую в видовом отношении семенную флору, в которой присутствуют такие холодолюбивые травянистые представители субальпийского пояса и зоны тундры и лесотундры, как мак желтый северный, адокса мускусная, рдест альпийский, ситник арктический, а также плаунок (*Selaginella selaginoides*).

Присутствуют и семена карликовой березки. Древесные представлены елью (обилие макроостатков), лиственницей и березой (древесная форма). Ныне Ануй протекает вне пределов субальпийского пояса. Лиственничные леса, как и еловые, в низовьях отсутствуют. Поэтому присутствие в семенных комплексах остатков холодолюбивых растений свидетельствует о смещении природных поясов вниз.

В прителецком районе природная обстановка была несколько иной. Тогда, как и сейчас, здесь преобладала древесная растительность из сосны и сибирского кедра, ели (обилие) и пихты при незначительной роли в древостое белой березы. В травянистом покрове среди разно-

травья присутствовали также холодолюбивые — мак желтый, плаунок, обычна была и карликовая березка. Такой семенной комплекс получен из аллювия 17-метровой террасы р. Лебедь в 13 км выше ее устья. По древесине, отобранной из аллювия террасы в 2 м выше уреза реки, получена радиоуглеродная дата $13\,750 \pm 70$ лет назад. Сходный комплекс извлечен и из разреза по ручью Турачак ниже с. Кебезень, датированного $14\,980 \pm 70$ лет назад. По р. Пыжа у с. Новотроицкого терраса, преимущественно глинистого состава, охарактеризована спорово-пыльцевыми комплексами (а также палеокарпологическими), указывающими на влажный и прохладный климат. По древесине, отобранной на урезе воды, получена дата $16\,120 \pm 80$ лет назад, верхи разреза датируются в $15\,270 \pm 60$ лет назад.

Ледники Алтая среагировали на увеличение количества годовых осадков с запозданием примерно на 1,5—2 тыс. лет. Максимальное продвижение их произошло 13 тыс. лет назад (Окишев, 1982). В дальнейшей динамике ледников четко наметилась тенденция к сокращению, которое носило стадийный характер. Процесс сокращения прерывался подвижками, каждая из которых была меньше предыдущей.

В позднем ледниковье (13,5—10 тыс. лет назад) произошло некоторое потепление климата, в рамках которого имели место три кратковременных сильных похолодания (ранний дриас, средний дриас, поздний дриас), разделенных теплыми интерстадиалами (беллинг и аллеред). На Алтае эти флуктуации климата нашли отражение только в колебаниях ледников. Изменения в типах растительности, в режиме рек, практически, еще не выявлены.

Материалы Алтая по сартанскому времени позволяют наметить некоторые общие закономерности климатических изменений. В максимум похолодания кли-

мат был сухим и очень холодным. Предшествующее (ветвь спада) и последующее время (ветвь подъема) были ненамного теплее и значительно влажнее. В основе этих закономерностей лежит специфическая динамика воздушных масс, которая хорошо реконструируется по материалам голоцена.

Голоцен (от 10 тыс. лет до современности) в палеогеографическом отношении изучен детальнее, нежели предыдущие этапы четвертичной истории. Это объясняется как большей информативностью соответствующих геологических образований и обилием археологических памятников, так и широким применением метода радиоуглеродного датирования.

В голоцене формирование климатов происходило под воздействием тех же факторов, что и в наши дни. За последние 10 тыс. лет конфигурация материков и океанов не изменилась, рельеф также не претерпел существенных изменений. Считается, что в общем приближении и солнечная радиация была более или менее постоянной. Поэтому для реконструкции климатов голоцена можно использовать природные модели, т.е. кратковременные состояния современного климата, изученного инструментально и экстраполировать эти состояния на более длительные отрезки геологического прошлого.

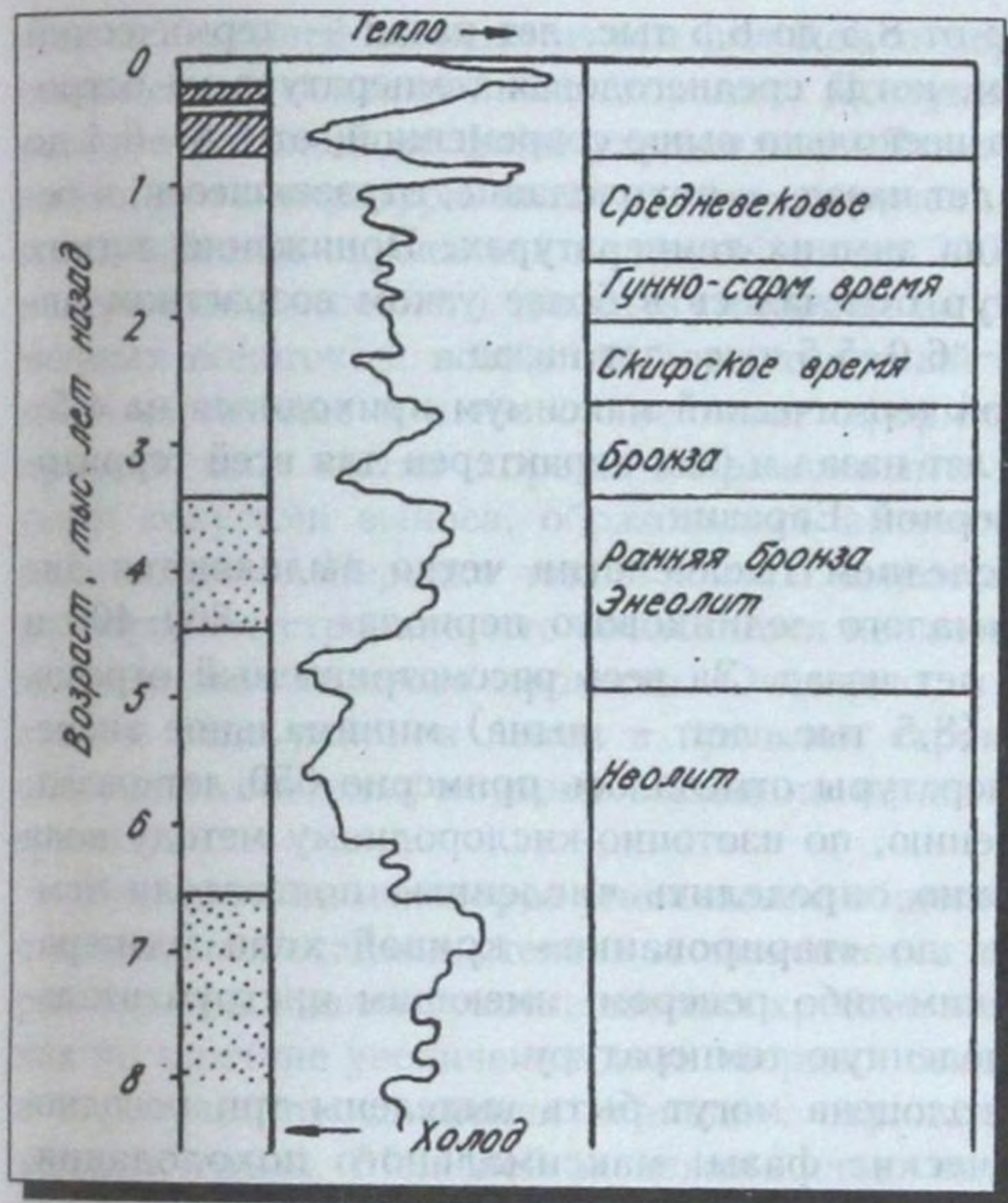
Для Алтая, как и для всей территории Евразии вплоть до Енисея, в голоцене, как и ныне, главными климатообразующими центрами являлись исландский (североатлантический) барический минимум, азорский (затропический) максимум. Близкое соседство с Монголией и Средней Сибирью ставило Алтай в зависимость от азиатского (монгольского, сибирского) антициклонов.

Основным поставщиком тепла и влаги была Северная Атлантика. Пути циклонов контролировались положением барического минимума. При глобальном похолодании барический минимум смещался к югу,

в низкие широты, при потеплении — в высокие широты, к северу. Документально засвидетельствовано изменение широты июльской зоны минимальных давлений начиная с 1800 г. До 1920 г. барический минимум мигрировал неоднократно между широтами 61° и 64° (Лэмб, 1968), т.е. в интервале 300 км. В октябре 1960 г. исландский минимум был смещен на 1000 миль, в Юго-Западную Англию, что привело к выпадению осадков, превышающих норму втрое (Лэмб, 1966, с. 50). Такова роль этого климатообразующего центра в режиме увлажнения той или иной территории.

Смещение к югу исландского барического минимума сопряжено с понижением температуры в Арктике, смещение к северу — с повышением среднегодовых температур. Так, известное потепление Арктики, наступившее в 20-х гг. XX столетия, вызвало повышение среднегодовой температуры на Шпицбергене на 2° , на Земле Франца-Иосифа — на $3,5^{\circ}$. В более низких широтах динамика среднегодовых температур была менее значительной. Причем эти изменения обуславливались понижением или повышением температуры зимних месяцев — ноября, декабря, января. В частности, средняя температура в декабре в 20-е гг. повысилась на 10° . В низких широтах равнинной части Западной Сибири вегетационный период и в годы похолоданий, и в годы потеплений был относительно однородным и сходным по термическому режиму и режиму увлажнения.

Горная система Алтай более чутко реагировала на изменение термического режима, так как последний влиял на положение границы снегов в горах. Это отражалось на развитии ледниковых процессов, продолжительности залегания и мощности снежного покрова и на таких явлениях, как оттепели, поздние весенние и ранние осенние заморозки.

Для отрезка времени голоцена 8,5 тыс. лет назад ныне изотопно-кислородным методом получены значения колебаний годовых температур по льдам Северной Земли (Котляков, Коротков, Николаев и др., 1989). По этим данным выявляется следующая картина термических изменений

Схема 4. Сглаженная кривая хода среднегодовых температур (Котляков В. М. и др., 1989) и археологическая периодизация голоцена. Точками показано теплое время, косой штриховой — стадии «малого ледникового периода».

Арктики: от 8,5 до 6,5 тыс. лет назад — термический максимум, когда среднегодовая температура на островах была несколько выше современной; от 6,5 — 6,4 до 4,7 тыс. лет назад — похолодание, отразившееся, в основном, на зимних температурах. Понижение летних температур отмечалось в более узком возрастном диапазоне — 6,0–5,5 тыс. лет назад.

Второй термический максимум приходился на 4,5–3,4 тыс. лет назад и был характерен для всей территории Северной Евразии.

В последнем тысячелетии четко выделяются две стадии «малого ледникового периода» — 800–400 и 350–150 лет назад. За весь рассматриваемый отрезок времени (8,5 тыс. лет — ныне) минимальное значение температуры отмечалось примерно 650 лет назад. К сожалению, по изотопно-кислородному методу пока невозможно определить численные показатели температуры до «тарирования» кривой хода температур с каким-либо репером, имеющим инструментально определенную температуру.

Для голоцена могут быть выделены три погодно-климатические фазы: максимального похолодания, максимального потепления и спада или подъема, которые занимают промежуточное положение между первыми.

В фазу похолодания исландская барическая депрессия смещалась к югу и порожденные ею циклоны также смещались в более низкие широты — в области Средиземноморья, Средней Азии, Южного Казахстана. На Алтай приносились осадки, которые, однако, оседали на наветренных склонах передовых западных хребтов. Снижение температуры как летней, так и среднегодовой обуславливало понижение величины абсолютной влажности воздуха. По этой же причине уменьшалась и сумма годовых осадков при некотором увеличении доли твердых из них. Последнее вырази-

лось в большей заснеженности склонов и перевалов, особенно на подветренных сторонах. Доступность перевалов в холодные фазы ухудшалась. Даже при понижении температуры на 1° против современных, снеговая граница опускалась не менее чем на 200 м. При наступлении весеннего тепла, в основном за счет временных водотоков, возрастал поверхностный сток. Темночисленные и ныне сухие лога, оформленные в приустьевых частях хорошо выраженными щебнистыми конусами выноса, образовались именно в фазы похолодания. Нередко такие конусы выносов имеют разнородное строение, что объясняется неоднократным проявлением селевого процесса. Очевидно, в связи с этим в ряде районов Алтая в прошлом строили оросительные системы, которые выходили из логов, ныне сухих.

Несмотря на некоторое уменьшение общего количества годовых осадков, степень заснеженности плоскогорий и речных долин, расчленяющих хребты, возрастала как по причине увеличения доли твердых осадков, так и в результате удлинения периода с отрицательными температурами. Меньшей заснеженностью отличались долины, огражденные хребтами от влажных воздушных масс (долины Урсула, Каракола в бассейне Ануя, межгорные «степи» по долине Катунь) и долины, благоприятные для образования феновых явлений (долины Чулышмана, Башкауса).

С фазами похолодания связано возникновение и поддержание «вечной» мерзлоты (образование многолетнемерзлых пород) в межгорных котловинах. Морозный воздух, не имея оттока, скапливался в котловинах. Горные породы в бесснежной степи промерзали и не успевали оттаивать за короткое и прохладное лето. Реликтовая «вечная» мерзлота хорошо ныне представлена в наиболее пониженной части Чуйской котловины (Малолетко, 1970). Наличие мерзлых пород на небольшой

глубине благоприятствовало увлажнению грунтов, так как эти породы являлись водоупором и фильтрация грунтовых вод на большую глубину исключалась. Можно даже говорить о том, что в холодные фазы голоцена в межгорных котловинах для скотоводства складывались более благоприятные условия, чем в теплые. В период весеннего снеготаяния сильно заснеженных склонов в котловины поступало большое количество воды, которая задерживалась на небольшой глубине мерзлыми породами. Создавались удовлетворительные условия для развития растительного покрова в начале лета. В зимнее время, при малой заснеженности днища котловин, травоядные могли находить себе корм. В этот период котловины, как, очевидно, и весь Алтай, выходили из-под влияния теплых воздушных масс экваториального максимума, площадь которого значительно уменьшалась. Поэтому исключались оттепели, приводившие при смене их заморозками к появлению наста (корка льда на снежном покрове), что неблагоприятно сказывалось на травоядных.

Холодное дыхание ледников ощущалось вниз по долине на небольшое расстояние. Ледник Актру, сравнительно небольшой, снижал температуру лишь на расстоянии 200 м ниже языка. Если учесть, что масса льда в холодное время была в 2—3 раза больше, то и в таком случае вряд ли это влияние распространялось более, чем на 0,5 км ниже по долине. Поэтому, склоны гор и долины могли быть освоены домашними и дикими травоядными до самой границы снегов и льда. Именно здесь, ниже пояса снегов, были наиболее ценные пастбищные угодья, особенно во второй половине лета, когда растительность выгорала на днищах межгорных котловин и речных долин.

В фазы потепления циркуляция атмосферы существенно менялась. Исландский минимум продвигался в более высокие широты, располагаясь севернее Ислан-

дии. Изменялись и пути циклонов, которые стали пролегать через Северную Фенноскандию, низовья Оби и Енисея. В Заполярье возрастало количество осадков, повышались зимние температуры, учащались западные ветры, которые приносили влагу и тепло. Площадь затропического максимума значительно расширялась. В зону его влияния попадали Казахстан, юг Западной Сибири и Алтай. Аридизация этих регионов заметно усиливалась. Она была особенно заметна в начале лета (июнь, начало июля). В середине лета режим увлажнения (если не ежегодно, то нередко) изменялся в связи с расширением зоны сибирского (якутского) антициклона, где формировалась безоблачная, очень теплая погода. Этот антициклон распространялся на все Среднесибирское плоскогорье, смещался через Енисей, охватывая северную часть Западно-Сибирской равнины. Он являлся преградой для циклонов, идущих из Северной Атлантики. Циклоны, обходя преграду с юга, перемещались в более низкие широты, вплоть до предгорий Алтая. Здесь, на сравнительно узкой полосе предгорий Южной Сибири резко обострялась циклоническая деятельность. Очень часты были дожди, нередко ливневые. Особенно обострялась фронтальная деятельность циклонов в предгорьях Алтая, Саян, Кузнецкого Алатау. По субмеридиональным долинам Чарыша, Ануя, Песчаной, Катунь циклоны проникали в глубь Алтая, орошая их и долины притоков. Такая ситуация сохранялась в течение всего лета и в начале осени (сентябрь). Дожди на Алтай, в Кузбасс и Хакассию приносились не западными ветрами, а северными, так как связаны были с ветвями предгорных циклонов.

Следовательно, значительная часть Алтая, исключая его замкнутые и полузамкнутые межгорные котловины и западный склон, орошались в течение всего вегетационного периода вполне удовлетворительно. Весной территория увлажнялась за счет талых вод,

затем после сравнительно короткого (июнь — начало июля) бездождевого периода до поздней осени — за счет дождей.

Уровень конденсации водяных паров с потеплением климата заметно повысился (относительно уровня моря). Только наиболее высокие хребты и отдельные вершины гор стали накапливать на своих наветренных склонах осадки, среди которых доля твердых заметно уменьшилась. Сократилась также площадь ледников и снежников. Ледники «затягивали» свои языки вверх по речным долинам.

В связи с усилением фронтальной деятельности воздушных масс перед горами, в предгорьях, увеличилось годовое количество атмосферных осадков, в том числе твердых. В зимнее время Алтайских гор достигали отроги затропического максимума, которые приносили теплую и сухую погоду, сопровождавшуюся в зимнее время обычно оттепелями адвективного происхождения. Количество оттепелей в этой зоне увеличилось, особенно в Западном Алтае. Между Чарышом и Катунью в предгорьях и в низкогорье, как и ныне, преобладали оттепели радиационного происхождения, связанные с нагревом поверхности солнечными лучами. Число дней с ними достигало 150 при продолжительности оттепели от нескольких до 20 дней. В Западном Алтае они были обычны для начала зимы, в восточной части предгорий и низкогорий — в начале и в конце зимнего периода. Частые поздние оттепели, усиливавшиеся в весеннее время в связи с увеличением радиационного нагрева, способствовали раннему началу снеготаяния и увеличению сроков половодья. Это приводило к тому, что высоких паводков на реках не было, пойма не заливалась водой. На поймах рек формировались высокогумусные лугово-черноземные почвы с богатым разнотравным покровом. Плакорные участки и склоны долин в летнее время орошались гораздо слабее.

В горных долинах и межгорных котловинах преобладали радиационные оттепели в начале (60%) и в конце (80–85%) холодных периодов. В Канской, Уймонской и Катандинской степях и ныне число дней с оттепелью достигает 108. Причем, оттепели бывают продолжительными — до 40 дней и интенсивными с повышением температур до 10° выше нуля.

В Северо-Восточном Алтае (Улаганская степь, Джулукульская котловина, Чулышманское нагорье) преобладали оттепели радиационного происхождения, которые проявлялись в период снеготаяния (март — апрель). При отсутствии их в течение большей части зимы эти районы не испытывали опасности образования наста.

Очень редки были оттепели в прошлом в Чуйской, Курайской межгорных впадинах и на плато Укок. И сегодня здесь наименьшие, по количеству дней, оттепели — в среднем до 21 дня в зиму в Кош-Агаче и до 26 дней на Бертеке. Здесь они непродолжительны (несколько дней) и имеют малую интенсивность.

Большое количество дней с оттепелями высокой интенсивности и частотой повторяемости характерны для прошлых фаз потепления, как и ныне, в районе Чемала, Телецкого озера. Здесь они имели преимущественно феновое происхождение.

Общая характеристика климата Алтая в фазы потепления голоцена может быть охарактеризована следующим образом. При несколько большем, чем в настоящее время, количестве осадков степень увлажненности территории была хуже, чем в холодные фазы. Увлажнение почвогрунтов было неравномерным вследствие ливневого характера осадков, раннего снеготаяния и относительно высоких летних температур. Вегетационный период в высокогорье и в котловинах должен отличаться явными чертами аридности. Обстановка в летнее время менялась лишь в том случае,

если на севере Западной Сибири развивался устойчивый антициклон (отрог восточносибирской области повышенного давления), при воздействии которого влагонесущие циклоны оттеснялись к югу и проникали в горную систему Алтая. На Алтае снижалась температура воздуха, шли дожди. Как часто складывалась такая ситуация, сказать трудно.

При некотором увеличении количества зимних осадков снежный покров в течение зимы был относительно небольшим, так как частые оттепели увеличивали плотность снега, а феновые явления, радиационный и адвективный нагрев способствовали испарению с поверхности снега (абляции). Особенно малая толщина снежного покрова отмечена на склонах южной и западной экспозиции, где возможен был выпас скота в зимнее время при наличии сформированного растительного покрова.

В межгорных котловинах, особенно в Чуйской и Курайской, экологические условия, очевидно, ухудшались, что связано с изменением режима увлажненности. Меньший объем снега на склонах окружающих хребтов (как следствие повышения гипсометрического уровня конденсации) обуславливал уменьшение поверхностного стока в предгорной части котловин. Временные водотоки, практически, не функционировали. Деградация вечной мерзлоты благоприятствовала фильтрации поверхностных вод в щебнисто-галечниковые отложения. Чуйская и Курайская степи уже в начале лета выгорали. Лишь вдоль рек узкие полосы зелени привлекали скотоводов.

Наиболее богатые пастбища были под гольцами и снежниками, в долинах и на плоскогорьях (Укок, Чулышманское нагорье). Прителецкий район, соседствующий с Горной Шорией, ныне наиболее «мокрой» территорией региона, очевидно, и в фазы потепления был достаточно увлажнен. Аридность здесь проявлялась лишь на крутых каменистых и осыпных склонах, на

которых растительность, если и была, то имела явный ксерофитный облик.

Фазы спада и подъема для Алтая характеризуются усредненными и часто меняющимися погодно-климатическими условиями, чередующимися через различные отрезки времени в зависимости от степени выраженности и интенсивности изменений термического режима. Примерно от скифского времени до раннего средневековья такая неустойчивость климатического режима была особенно характерна для Алтая. Частые, но непродолжительные, неглубокие термические «депрессии» и пики создавали здесь неустойчивые (в основном по режиму увлажнения) типы погод, которые, однако, по этому показателю не были хуже современных.

Фаза спада (от максимума температур к минимуму) сопровождалась ухудшением погодных условий для скотоводов предгорий и равнин Западной Сибири при сохранении оптимальных условий высоко в горах и в межгорных котловинах Алтая. Это могло бы обеспечить отток скотоводческого населения из предгорий в горы, а в более широком масштабе событий — вызвать миграцию с востока на запад. На фазе подъема (от минимума к максимуму температур) миграция скотоводческого населения должна стимулироваться в обратном направлении — с запада (и юго-запада) на восток. Причина этого заключается в том, что при потеплении климата и смещении барического минимума в высокие широты, степи Северного Причерноморья и Прикаспия первыми испытывали резкую аридизацию климата, и скотоводы мигрировали в восточном направлении, уходя от напирющей с запада аридизации (иссушения).

В начале I тыс. до н.э. заметное похолодание Арктики (стадия гринфьорд на Шпицбергене, 3000–2500 лет назад, (Троицкий, Пунинг, Сурова и др., 1985) обусловило смещение к югу путей влагонесущих цикло-

нов. Это вызвало передвижение людских коллективов из засушливых районов Средней Азии в лучше увлажненные районы Южной Сибири, в том числе и на Алтай. Здесь биотический оптимум (оптимальное сочетание тепла и влаги) наступил примерно во второй четверти I тыс. до н.э. в преддверии глобального похолодания эгессен (V—I вв. до н.э.).

Климат долин был более влажным, чем ныне, хотя средние летние температуры вряд ли превышали современные. Такая климатическая ситуация благоприятствовала формированию богатых лугов на горных склонах и речных террасах. В зимнее время осадков было больше, но свойственная горным странам интенсивная солнечная радиация усиливала абляцию (испарение) снега. В результате, значительно уменьшалась высота снежного покрова, что благоприятствовало зимнему выпасу скота. Иная ситуация складывалась в предгорьях Алтая. Обострение фронтальной деятельности на границе гор и равнины способствовало накоплению здесь мощного снежного покрова, а значит, затрудняло выпас скота. Кроме того, периодические потоки теплого тропического воздуха вызывали нередко оттепели, после которых при похолодании появлялась на снегу ледяная корка — наст. Поэтому, предгорные районы в скифское время использовались для выпаса скота только в летнее время. На зиму скотоводы возвращались в горы.

В долинах Чулышмана, Башкауса и их притоков, достаточно увлажняемых и сейчас, в скифское время снега выпадало не меньше, чем ныне. Выпас скота был возможен только на склонах западной и южной экспозиции, в долинах и логах, расчленяющих эти склоны. Здесь в зимнее время снег сдувался ветрами, уменьшал толщину в результате абляции, усиленной феновыми явлениями. Курайская и Чуйская высокогорные степи, вследствие своего гипсометрического положения и большей орографической изолированности, в меньшей мере

реагировали на климатические изменения. Режим увлажнения здесь зависел, в основном, от возросшего количества осадков, выпадавших на склонах. Это отразилось на большей водности рек, стекавших со склонов.

Отличительной чертой скифского времени были недружные весны. Сочетание ранневесенних оттепелей и поздевесенних заморозков вызывало длительный, но невысокий паводок на реках предгорий. Вода за это время успевала стечь в руслах, не заливая пойму. Поэтому, на поймах формировались почвы с хорошо выраженными генетическими горизонтами. Ныне они представлены в погребенном состоянии в разрезах поймы всех рек (Алей, Чарыш, Ануй, Чумыш) в предгорной части. Время формирования почвы определено по соотношению ее (постепенному переходу) с погребенным старичным аллювием у с. Старо-Крайчиково на р. Чумыш. Здесь по древесным и кустарниковым остаткам были получены две радиоуглеродные даты: из основания старичного аллювия 3055 ± 50 лет назад и из верхней части 2460 ± 55 лет назад. Следовательно, описанная погодная ситуация в предгорьях Алтая сохранялась на протяжении 500 лет в первой половине I тыс. до н.э.

Первые 12 веков нашей эры отличались довольно теплым климатом, особенно в V—XII вв. Незначительные колебания в термическом режиме расшифровываются с большим трудом. Очевидно, климат был близок к современному, со всеми его кратковременными, хотя и значительными отклонениями от нормы как в термическом режиме, так и в режиме осадков.

В 1270—1385 г. наступило глобальное похолодание, которое было первой стадией «малой ледниковой эпохи». В эту эпоху происходило чередование кратковременных фаз похолодания и относительного потепления на фоне общего снижения среднегодовых температур. На Алтае «малая ледниковая эпоха» вырази-

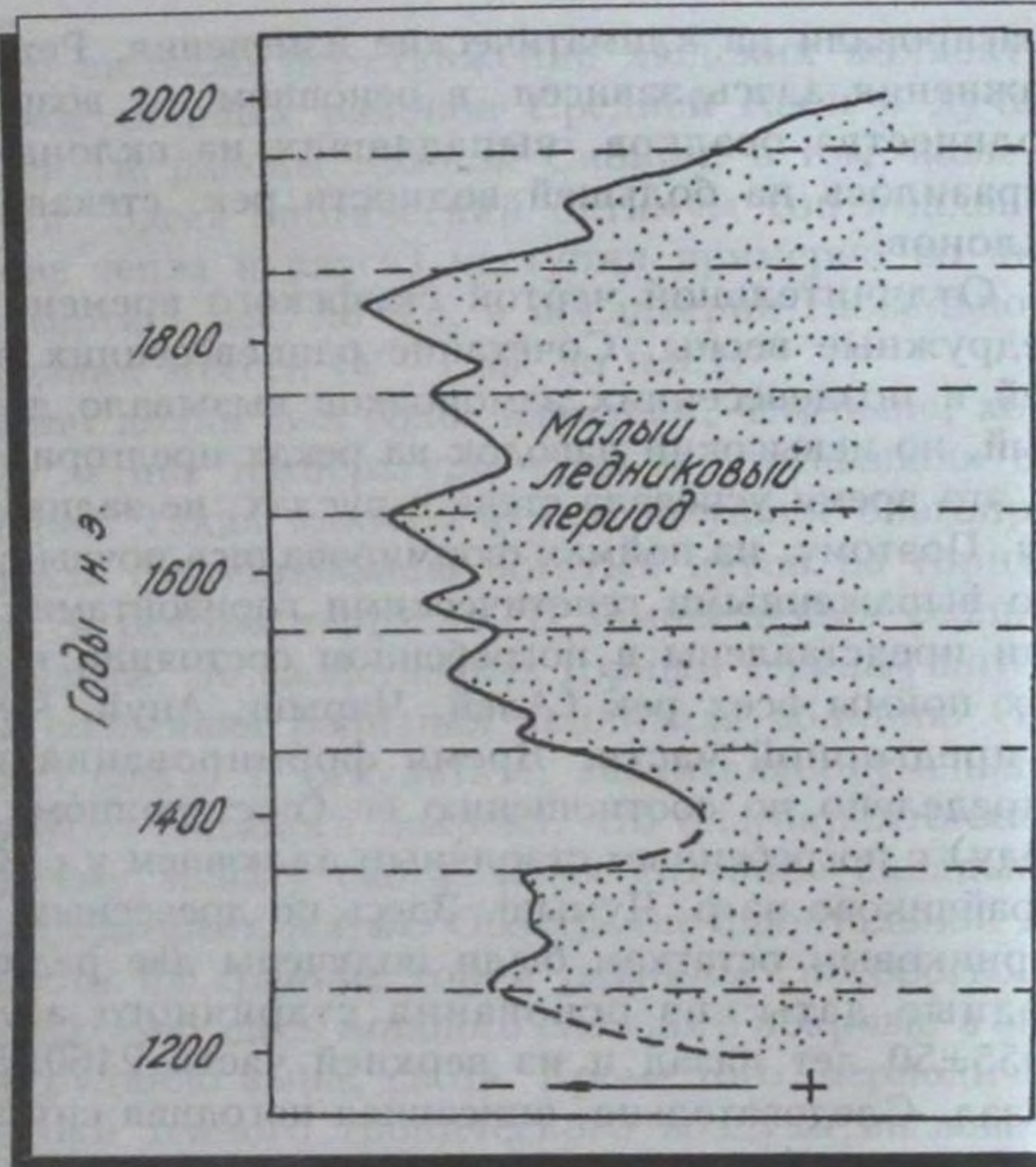

Схема 5.

«Малый ледниковый период»
(по Н. А. Голодковской, 1985).

лась, в основном, в снижении верхней границы леса, периодическом наступлении горных ледников, возможно, в увеличении количества осадков в предгорьях, укорачивании безморозного периода. Эти события расшифровываются методами дендрологии и гляциологии (Окишев, 1985).

Заканчивая обзор палеогеографии Алтая в четвертичном (антропогеновом) периоде можно сделать три вывода.

1. В долинах рек фиксируется два разновозрастных гипсометрических уровня, возрастной границей которых является конец рисс-вюрма (117 тыс. лет). Наиболее ранние (100 тыс. лет и более) насельники осваивали верхний гипсометрический уровень, где и могут быть найдены их культурные памятники.

2. В течение четвертичного периода на Алтае не происходили кардинальные перестройки ландшафта. Основные типы ландшафтов существовали в течение всего четвертичного периода, несколько меняя свои пространственные границы.

3. В голоцене люди могли найти экологически благоприятные условия, мигрируя из одного района в другой. Для них большее значение имели не многолетние (сотни, первые тысячи лет) климатические изменения, а погодные условия сезонного масштаба (обильные снегопады, дожди, катастрофические паводки, чередование оттепелей и заморозков, заснеженность перевалов и пр.).

Глава 2.

Горный Алтай в эпоху палеолита и мезолита

Каменный век — это культурно-исторический период в развитии человечества, когда основные орудия труда и оружие изготавливались, главным образом, из камня. Употреблялись также кость и дерево, но еще отсутствовала обработка металлов. На позднем этапе

каменного века распространилась обработка глины, из которой делали посуду. В целом, каменный век охватывает время выделения человека из животного мира (ок. 2,6 млн. лет назад) до эпохи распространения металлов (ок. 8,6 тыс. лет назад). В науке этот начальный этап в истории человечества делится на два периода — палеолит или древний каменный век и неолит или новый каменный век. Между палеолитом и неолитом археологи выделяют еще переходную эпоху — мезолит (средний каменный век).

Палеолит — это поистине эпоха «всех начал», время существования ископаемого человека. Именно в этот период в процессе эволюции и в условиях глобальных изменений окружающей среды формировался человек как биологический вид и социальное существо. Если на раннем этапе палеолита мы видим существо, по внешнему облику близкое обезьяне, то к концу эпохи перед нами уже полностью сформировавшийся человек со всеми атрибутами подлинно человеческого общества, т. е. с развитой материальной культурой, включающей сотни разновидностей изделий из камня, кости, рога, дерева и умением сооружать долговременные жилища, использовать огонь, коллективно охотиться, заготавливать пищу впрок, шить одежду и многое другое. За этот исторический период человек научился говорить (приобрел язык), создал социальную организацию в виде семьи, рода, племени. В это время возникли религия, искусство, погребальный обряд и пр. Таким образом, весь самый сложный процесс появления на свет как антропологического типа *Homo sapiens*, так и основных базовых элементов культуры человечества приходится на эпоху палеолита. Отсюда понятен интерес, проявляемый к изучению палеолита учеными разных специальностей: философами, историками, этнографами, антропологами, искусствоведами.

Восстанавливать раннюю историю столь продолжительного и весьма удаленного от наших дней периода

в жизни человека очень сложно. Занимается этим специфическая отрасль науки — археология палеолита. Ученые работают на стыке естественных и гуманитарных наук. Специфика палеолитоведения определяется, прежде всего, большой хронологической удаленностью изучаемой эпохи. Геолого-климатические изменения (резкие колебания климата, оледенения, горообразовательные процессы и пр.) практически уничтожили следы жизнедеятельности древнего человека, поэтому исследователи изучают уже видоизмененные природными факторами остатки поселений и стоянок, где основной информационной единицей служат изделия из камня или, выражаясь профессиональным языком, каменные индустрии. Научный анализ коллекций каменных изделий закладывает основу для исторических реконструкций, но без изучения естественнонаучных аспектов палеолита, без знания геолого-геоморфологической позиции памятников, без реконструкции природной среды, окружавшей древнего человека, невозможно определить возраст изучаемых остатков, реконструировать хозяйство и быт палеолитических людей. Отсюда археолог-палеолитчик работает в содружестве со специалистами в области четвертичной геологии, геоморфологии, палеогеографами, палеонтологами, почвоведом и учеными других естественнонаучных отраслей знания. Кроме того, он должен и сам владеть знаниями перечисленных выше научных направлений. Только синтезируя разноплановые данные самого различного профиля, можно с большой долей достоверности восстанавливать ранние этапы истории человечества.

История изучения палеолита Горного Алтая

Палеолит — явление планетарного масштаба. Все человечество, как единый организм, прошло эту стадию рождения. Поэтому палеолитические остатки в виде стоянок и поселений древнего человека ученые находят повсеместно — от экватора до арктических широт. Большое количество следов палеолитического человека имеется и в Горном Алтае, где были благоприятные условия для его обитания. В настоящее время ученые интенсивно изучают эпоху палеолита в нашем регионе и уже существует целая история изучения данного периода.

Открытие алтайского палеолита традиционно относится к 1911 г., когда писарь местной волостной управы М. Д. Копытов на правобережной обской террасе около села Фоминское собрал коллекцию каменных изделий, которую датировал палеолитическим временем. Часть этой коллекции он передал в 1914 г. в Нью-Йоркский музей естественной истории, а часть в 1920 и 1933 гг. — в Бийский краеведческий музей. Однако, следует сказать, что интерес к алтайским древностям возник намного раньше. Уже со второй половины XVIII в. началось накопление естественнонаучных данных, имеющих отношение к древнейшей истории Алтая. В это и последующее время, в результате экспедиций таких естествоиспытателей, как И.И. Лейбе, П.С. Паллас, Ф.В. Геблер, Г.П. Гельмерсен и др., была собрана значительная коллекция костей плейстоценовых животных, происхождение которых связано, в основном, с костеносными пещерами бассейна реки Чарыш. Накопленные материалы по ископаемой фауне северо-запада Алтая в 1870 г. обобщил академик

Ф.Ф. Бранд. По степени сохранности и внешней неоднородности костей он хронологически расчленил 37 определенных к тому времени видов, из которых 5 отнес к древнейшим (плейстоценовым). Позднее, в 1881 г., полученные Ф.Ф. Брандтом результаты использовал в своей работе известный русский археолог А.С. Уваров, который критически осмыслил данные по алтайской спелеофауне и первым дал их историческую интерпретацию. Он высказал достаточно обоснованное суждение о возможности обитания в пещерах Алтая первобытного человека эпохи палеолита. Впоследствии, уже в наше время, его предположение с блеском подтвердилось, но в свое время эти сведения не привлекли серьезного внимания археологов.

Профессиональное изучение алтайского палеолита началось в конце 20-х гг. XX в. С этого момента всю последующую историю изучения палеолита можно разделить на два этапа, каждый из которого внутри подразделяется на два периода. В первый период (1928—1936 гг.) первого этапа силами местных археологов-краеведов С.М. Сергеева и А.П. Маркова шел поиск палеолитических объектов в предгорьях Алтая. Были обнаружены и частично исследованы Бийская стоянка, расположенная в 12 км к юго-западу от г. Бийска, местонахождения на левом берегу р. Иткуль, на правом берегу р. Обь около с. Акутиха, около с. Одинцовка и, наконец, широко известная в научном мире Сростинская стоянка близ села Сrostки. В середине 30-х годов к изучению палеолита Алтая приступили центральные научные учреждения страны. Сразу три организации — Советская секция Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, Государственный музей этнографии и Государственная академия истории материальной культуры — сформировали экспедицию под руководством Г.П. Сосновского, которая в

1935 — 36 гг. провела стационарные исследования в долине р. Катунь на стоянке Сростки. По мнению исследователя сростинские материалы имели ближайшие аналогии в инвентаре енисейских стоянок конца палеолита (Сосновский, 1941). Им же были обнаружены остатки древнего поселения в устье реки Куюм.

С началом Великой Отечественной войны исследования по древнейшей истории Алтая на долгое время были прекращены. Итак, первый период первого этапа характеризуется тем, что было подтверждено наличие палеолита в горах Алтая. Благодаря исследованиям Г.П. Сосновского в Сростках стало возможным говорить об алтайском позднем палеолите и сделать культурно-хронологические выводы относительно его происхождения, которые сводились к тому, что алтайский палеолит по времени относится к концу последнего ледникового периода, а в культурной традиции близок к енисейскому палеолиту. Именно это и было главным достижением первого периода в изучении древнейшей истории нашего региона. На основе данных выводов строились последующие изыскания в этой области.

Для второго периода (1954 — 1960 гг.) первого этапа характерно накопление и формирование информационной базы по данной теме, когда шел поиск новых палеолитических памятников, их полевое изучение. Основным результатом изысканий явилось открытие С.И. Руденко в 1954 г. в Усть-Канской пещере стоянки эпохи палеолита, которая по всем признакам была древнее всех известных в то время стоянок не только Алтая, но и всей Сибири. Он датировал ее теплым периодом предшествующим последнему оледенению, т.е. мустьерским временем. Этим открытием было подтверждено предположение об обитаемости алтайских пещер в эпоху палеолита, сделанное А.С. Уваровым. В том же году И.М. Павлюченко, работавший в составе экспедиции

С.И. Руденко, в долине р. Урсул близ села Туэкта, на галечных отмелях обнаружил архаичные палеолитические орудия, не имеющие примесей поздних форм.

В это время возобновилась деятельность местных исследователей. Сотрудник, а в последствии директор Бийского краеведческого музея Б.Х. Кадиков произвел разведочные работы в Горном Алтае. В результате, был обнаружен ряд археологических памятников различных эпох, несколько из которых имели несомненно палеолитический возраст. Это стоянки Дмитриевка и Чебашихинская горка на реке Бия, пещера «Искра» на р. Ануй и Каратурук в долине р. Узнезя, притока Катуня. Кроме того, он провел стационарные исследования на двух палеолитических памятниках нижнего течения Катуня. Один из них располагался в районе с. Майма в отложениях второй надпойменной террасы под смешанным мезолитическим горизонтом. Палеолитический слой Майминской стоянки позднее был отнесен к финальной стадии существования стоянок типа Сростки (Лапшин, Кадиков, 1981). Культурные остатки второго памятника залегали в покровных отложениях катунской террасы в устье реки Сема. Б.Х. Кадиковым вскрыто три культурных слоя. Нижний, 3-ий слой, датирован финальным палеолитом и включал клиновидные, грубопризматические и дисковидные нуклеусы, резцы простейших форм, различные типы скребков, острия, зубчатые орудия, чопперы (Кунгуров, Кадиков, 1985).

Итак, период с 1928 по 1960 гг. характеризуется формированием первоначальной информационной базы по эпохе палеолита. Было установлено, что человек обитал в горах Алтая не только в конце позднего палеолита, но и в мустьерское время. Таким образом, на повестку вставала проблема первоначального заселения человеком Алтая. Особенностью первого этапа в изучении начального периода истории Горного Алтая является то, что исследованием палеолита занимались, по преимуществу,

археологи без специальной подготовки и краеведы, за исключением Г.П. Сосновского. Тем не менее, благодаря их деятельности стало возможным говорить о палеолите Алтая как явлении.

Открытие А.П. Окладниковым в 1961 г. раннепалеолитического комплекса на р. Улалушке в Горно-Алтайске дало толчок для масштабных исследований палеолита Алтая. Данное событие являло собой начало второго этапа в изучении древнейшей истории региона, который делится на два периода: первый — с 1961 по 1979 и второй — с 1980 по настоящее время. Главные изыскания здесь ведет большой коллектив исследователей из Новосибирского Академгородка, сначала под руководством академика А.П. Окладникова, затем под руководством академика А.П. Деревянко в рамках общей программы по изучению древнейшей истории Северной и Центральной Азии.

Для первого периода характерно то, что велся поиск перспективных палеолитических объектов, по преимуществу, в Северо-Западном Алтае, осуществлялось их частичное исследование и поставлены проблемы относительно путей, времени и места генезиса алтайского палеолита, развития каменной индустрии во времени и др.

В первой половине 60-х годов геологами в предгорьях Алтай был открыт ряд местонахождений, которые трактуются как палеолитические. Это Красный Яр на правом берегу р. Уба, притока Иртыша, где в обнажении 35 — 40-метровой толщи лессовых отложений на глубине 20 — 25 м найдено два отщепа вместе с костными остатками среднеплейстоценовой фауны; Таловское (бассейн Алея), где на поверхности левого склона долины р. Пещериха, в 2 км от слияния с рекой Рассыпуха было собрано несколько отщепов с грубой ретушью; Покровское, расположенное на водоразделе рек Поперечная и Землянуха, где на распаханном склоне соп-

ки обнаружен небольшой остроконечник позднепалеолитического облика; Новопокровское на Алей-Иртышском водоразделе, где в стенке оврага, в лесовидных суглинках, на глубине 2—3 м вскрыты позднепалеолитические орудия вместе с древесными угольками и костями лошади; Бехтемирское, на правом берегу Бии, где на дне древней балки найдены скребла, скребки, остроконечники, отщепы и обожженные кости лошади и быка; Талицкое, расположенное на левобережье Катунь, в 2 км юго-восточнее пос. Урожайный, где на распаханной поверхности одноименной сопки собраны нуклеусы, скребла, скребки и отщепы; местонахождение у оз. Светлое в 1 км западнее Талицкого; местонахождение на левом берегу р. Большая (бассейн Чарыша), где при производстве инженерно-геологических работ обнаружены массивная ретушированная пластина и обломки трубчатых костей дикой лошади, и, наконец, широко известное нахождение леваллуазской пластины, сделанное в 1964 г. геологом О.М. Адаменко в отложениях 11-метровой левобережной террасы р. Алей у с. Бобково, вместе с которой найдены обломки бивней мамонта и рога бизона. По мнению Адаменко, отложения, содержащие пластину и фауну, формировались во второй половине среднего плейстоцена, что позволило ему датировать местонахождение раннепалеолитическим временем. Однако, позднее, другой специалист-геолог С.М. Цейтлин высказал мнение о том, что оно имеет возраст начала сартанского оледенения, т.е. относится к позднепалеолитическому времени.

Немногочисленные находки геологов, сделанные, однако, в разновременных толщах осадочных отложений показали вместе с Улалинским местонахождением, что территория Алтая является перспективной для поиска палеолитических объектов широкого временного диапазона. Поэтому с середины 60-х гг. академик

А.П. Окладников организовал поиск и изучение палеолитических стоянок как открытого типа, так и пещерных объектов.

В 1964—1965 гг. под его руководством были произведены раскопки в устье р. Куюм, правого притока Катунь, где еще в 30-е гг. исследовались могильник и поселение афанасьевской энеолитической культуры. В четырех литологически различных слоях залежали культурные остатки в виде каменных изделий, которые в трех верхних слоях находились совместно с керамикой эпохи металла и остатками голоценовой фауны. Тем не менее, А.П. Окладников рассмотрел весь каменный инвентарь как типологически единое целое и отнес поселение к наиболее позднему этапу палеолита (Окладников, Владыкин, 1967). В 1976 г. Б.Х. Кадиковым в местности Кара-Тенеш у с. Куяос обнаружено поселение энеолитического времени. В процессе раскопок силами новосибирских археологов в 1976 и 1978 гг. под гумусовым слоем в толще суглинков обнаружен палеолитический горизонт с массивными пластинами, скреблами, остроконечниками, скребками и фауной ископаемых животных. В настоящее время данный памятник археологи относят к началу позднего палеолита. Ниже с. Куяос А.П. Окладников обнаружил на берегу Катунь палеолитические находки прямо на поверхности. Еще одно местонахождение в устье р. Едрала исследовалось под его руководством в 1977—79 гг. В литературе оно носит название «Манжерок — 1».

В 1969—1970 и 1977 гг. палеонтолог Н.Д. Оводов обследовал ряд пещер Северо-Западного Алтая. Им произведена шурфовка пещер Страшная (находящаяся у слияния рек Тигирек и Иня в среднем течении Чарыша), Денисовой (в районе с. Черный Ануй, на правом берегу р. Ануй), Каминной (выше с. Каракол Усть-Канского района). Обследование показало наличие в данных пещерах мощных культурных отложений раз-

личных исторических эпох. В них найдены и палеолитические слои, содержавшие не только поздние, но и ярко выраженные леваллуа-мустьерские изделия. Также была собрана обширная коллекция ископаемой фауны, в составе которой встречались кости таких экзотических видов животных, как мамонт, пещерная гиена, медведь, шерстистый носорог и пр.

Отрядом новосибирского археолога В.Д. Кубарева в Чуйской степи, по рекам Юстыд, Бар-Бургазы и Чуи в 1977—1980 гг. зафиксирован ряд палеолитических местонахождений с поверхностным залеганием материалов, которые дали разновременный материал от мустьерского до финально-палеолитического или мезолитического периодов.

Во второй половине 70-х гг. сформировался археологический центр в Алтайском университете г. Барнаула, который развернул интенсивные полевые исследования на территории Алтайского края, в том числе в Горном Алтае. За относительно небольшой срок было обнаружено большое количество разнообразных в хронологическом отношении памятников, в том числе и палеолитических. Так, в Чойском районе Горного Алтая в 1978 г. отрядом под руководством Ю.Ф. Кирюшина исследована пещера Иульчак, где под культурными остатками эпох раннего железа, бронзы и неолита, в серой супеси обнаружены каменные орудия позднего палеолита, представляющие собой фрагмент ножа-бифаса, долотовидные и комбинированные орудия, резцы и ретушированные отщепы. В этот период начал свою деятельность по изучению палеолита Алтая сотрудник Алтайского университета, а в то время студент, А.Л. Кунгуров. Он провел обследование северо-восточных предгорий Алтая в пределах Солтонской впадины и открыл несколько позднепалеолитических стоянок и местонахождений, среди которых наиболее известны в литературе Ушлеп 1—4, Усть-Чулда, ручей Дунайчик.

Традиционно не ослабевал интерес к древностям Алтая у сотрудников Бийского краеведческого музея. Так, в 70-е годы научный сотрудник музея И. Лапшин занялся изучением древнекаменного века Алтая. В 1976—1977 гг. он провел разведочные работы в долинах рек Бии и Катунь, в верхнем течения Оби и низовьях Чарыша, где открыл около десятка палеолитических местонахождений. В 1975 г. он исследовал открытую Б.Х. Кадиковым стоянку Каратурук в долине реки Узнезя, правого притока Катунь, а тремя годами позже в окрестностях с. Удаловка Турачакского района в гроте скалы «Малый Иконостас» на Бии собрал коллекцию примитивных галечных изделий.

Внесли свою лепту в изучение древнейших этапов истории Горного Алтая также сотрудники старейшего в Сибири Томского университета. С 1978 по 1982 гг. в Онгудайском районе работал палеолитический отряд, которым руководил М.В. Шуньков. Им исследовались мустьерские местонахождения на Тюмечинском археологическом комплексе близ села Ело.

Итак, за первый период второго этапа была выявлена довольно широкая сеть палеолитических объектов, которая охватила не только предгорья и среднегорный Алтай, но и высокогорье в Кош-Агачском районе. Это расширило источниковедческую базу палеолита Алтая. Число известных науке палеолитических объектов достигло 40. Среди них — комплекс алтайских пещер (Денисова, Страшная, Каминная и др.), ряд памятников открытого типа, давшие впоследствии уникальные материалы по древнейшей истории региона. В то же время, на большинстве памятников полевые исследования ограничились лишь разведочными работами. Отдельные находки и выборочные поверхностные сборы материалов, эпизодическая шурфовка и зачистка обнажений затрудняли понимание действительного характера многих из них. Там же, где про-

водились стационарные исследования, археологический материал не всегда имел должное естественнонаучное обоснование. Таким образом, слабая полевая изученность отрицательно влияла на следующие этапы научного осмысления древнейшей истории Горного Алтая, не позволяла достоверно произвести культурно-хронологические интерпретации полученных данных, ограничивала возможность проведения внутри- и межрегиональных корреляций. Такая ситуация позволила только поставить проблемы относительно места, путей и времени генезиса материальной культуры человека каменного века на Алтае и наметить варианты их решения.

Так, академик А.П. Окладников, рассматривая проблему первоначального заселения человеком Сибири, используя материалы, полученные с палеолитических памятников Алтая и производя широкие сравнения (корреляции) с материалами Центральной, Средней Азии и Европы, высказал предположение о том, что заселение человеком Сибири происходило из этих районов в разное время.

Подобная ситуация требовала развертывания долгосрочных комплексных стационарных исследований на наиболее перспективных и информативных палеолитических объектах. И они были организованы Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР в 80-е гг.

Первые стационарные исследования были проведены в 1980 г. академиком А.П. Окладниковым на стоянке открытого типа — Кара-Бом в окрестностях села Ело Онгудайского района и продолжались до его смерти в 1981 г. С 1982 г. основные работы экспедиции института, возглавляемой уже академиком А.П. Деревянко, сосредоточены на северо-западе Горного Алтая в бассейне верхнего течения р. Ануй. Здесь, с привлечением специалистов гуманитарного и естественнонаучного про-

филя, начались исследования Денисовой пещеры, а затем и других памятников — пещер Каминная и Сибирячиха (им. академика Окладникова), стоянок открытого типа — Усть-Каракол, Ануй — 1 (Деревянко, 1988 г). Стационарные комплексные исследования данных объектов продолжаются по сей день. На базе перечисленных палеолитических памятников в 90-е гг. были организованы два международных симпозиума по проблемам палеоэкологии и культуры древнего человека Северной, Центральной Азии и Америки. Во второй половине 80-х гг. и начале 90-х гг. было продолжено изучение стоянки Кара-Бом, началось изучение пещеры Страшная в северо-западном Алтае.

В первой половине 90-х гг. продолжали свои исследования на территории Горного Алтая и барнаульские археологии. Во второй половине 80-х гг. отрядами под руководством А.Л. Кунгурова и М.Т. Абдулганеева изучались многослойные стоянки Усть-Сема и Усть-Куюм, где имелись слои финального палеолита. В это же время экспедицией под руководством Ю.Ф. Кирюшина открыт археологический комплекс (включая многослойные поселения и курганные могильники) Тыткескенъ близ села Еланда Чемальского района, где имелись слои, относящиеся к финальной стадии позднего палеолита. Данный археологический объект изучается до настоящего времени и дал много новой информации по эпохам мезолита, неолита, энеолита и бронзы Горного Алтая.

Во второй половине 80-х годов начинает разворачивать свои исследования Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (ныне Институт Алтаистики). Научный сотрудник сектора археологии института Чевалков Л.М. провел разведочные работы в долинах рек Узнезя и Куюм Чемальского района, где обнаружил и частично исследовал ряд многослойных археологических объектов поселенческого типа, включающих слои позднего

палеолита. Это стоянки Бешпельтир 1 и 2, Койонок на реке Узнезя; Королой и Корондой на реке Куюм. Им же были обнаружены шесть пунктов с каменным инвентарем в устье реки Эдиган, на одном из которых произведены стационарные исследования (Чевалков, 1986, 1993). Каменный инвентарь перечисленных археологических объектов автор отнес по схеме геологической периодизации к концу плейстоцена — началу голоцена, а по археологической — к финальному палеолиту — мезолиту.

В настоящее время силами археологов Института археологии и этнографии СО РАН продолжаются стационарные комплексные исследования палеолитических объектов в районе Денисовой пещеры. В 1999 году учеными Новосибирского Академгородка и Института Алтаистики Республики Алтай под общим руководством академика А.П. Деревянко организованы повторные комплексные исследования стоянки первобытного человека в Усть-Канской пещере. Программа предусматривает работы не только в самой пещере, но и поиск, и изучение новых памятников, оставленных первобытным человеком в Канской межгорной впадине и в соседних районах.

Итак, изучение древнейшей истории Алтая продолжается со все возрастающей интенсивностью как в количественном, так и в качественном отношении. Решение одних задач ставит на повестку дня другие. Так, вопрос о первоначальном заселении Горного Алтая человеком может возникнуть вновь с появлением более древних памятников, а их открытие — дело времени. В целом, к настоящему времени накоплен значительный фактический материал, позволяющий достаточно уверенно трактовать древнейшие этапы истории региона и определить место культуры древнего человека алтайских гор в мировой системе палеолита.

Палеолит Горного Алтая

В настоящее время в Горном Алтае известно более 50 объектов, которые археологи относят к эпохе палеолита. Это стоянки первобытных людей под открытым небом, временные охотничьи лагеря, долговременные поселения, пещерные стоянки и мастерские по обработке камня. Обнаружены они практически во всех природно-климатических зонах Алтая, т. е. в юго-восточной высокогорной части (Кош-Агачский район), Центральном Алтае (Еловская и Канская котловины), среднем и нижнем течении реки Катунь, в предгорьях и в горно-таежной местности северо-востока и северо-запада.

Степень сохранности культурных отложений каждого памятника различна. Есть целые группы объектов, на которых культурные остатки в виде обработанных человеком камней кремнистых пород находятся на поверхности. Такая ситуация наблюдается в тех местах, где процессы разрушения (эрозии) осадочных отложений преобладают над их накоплением. Примером памятников такого типа могут служить местонахождения на реке Юстыд, в местности Бигдон, Торгун и пр. в Кош-Агачском районе. Также на Алтае распространены объекты эпохи палеолита, разрушенные в результате антропогенного воздействия, либо в процессе водной эрозии, уничтоживших часть рыхлых отложений террас и других форм рельефа. В таких случаях камни, обработанные рукой древнего человека, находятся на размытых участках различного временного диапазона. Таких памятников много в предгорном Алтае и в долине реки Катунь. Особую группу составляют объекты, где культурный слой залегает в толще пород, но переотложен. Данное явление характерно для горных стран, где активно действуют делювиально-пролюви-

альные процессы (снос осадочных отложений посредством временных водных потоков и сил гравитации). Ярким примером такого переотложения материала служат коллекции обработанных камней с двух памятников — Тюмечин — 1, 2 Центрального Алтая. Довольно редко встречаются стоянки, где культурные остатки залегают в относительно непо потревоженном состоянии. Они практически всегда приурочены к песчано-супесчано-суглинистым покровным отложениям со следами облессования. Эти объекты расположены, как правило, на возвышенных участках местности и обладают мощным культурным слоем (до нескольких десятков сантиметров), содержащим в себе не только обработанные камни и кости животных, но и остатки жилых сооружений, очаги, кострища и другие следы жизнедеятельности первобытных людей. Примером таких памятников могут служить стоянки Сростки, Усть-Каракол — 1, Усть-Сема. Особо следует сказать о памятниках палеолита пещерного типа. Это наиболее информативные объекты интересующего нас периода, т.к. культурные слои в них менее всего подвергались разрушению. Но в силу особенностей осадконакопления в пещерных полостях, изучение их сопряжено с определенными трудностями и требует особенно тщательных и кропотливых исследований. Наиболее известны в нашем регионе стоянки первобытного человека в Усть-Канской и Денисовой пещерах.

Сказанное свидетельствует о том, что не все памятники эпохи палеолита несут одинаковую информацию, но совокупность известных данных позволяет построить некую модель реальных событий прошлого, что мы и называем историей.

Наиболее трудно определить отправную точку для изложения исторических событий. Для Горного Алтая этот момент пока наименее обеспечен исходными данными, которые, к тому же, носят дискуссионный

характер. В археологии он связан с проблемой первоначального заселения человеком региона. Исследование академиком А.П. Окладниковым Улалинской стоянки в г. Горно-Алтайске позволило ему обосновать идею о заселении этой территории в раннем палеолите. Памятник был обнаружен на террасовидном уступе высотой 26 м левого берега р. Улалушки в пределах г. Горно-Алтайска. В результате раскопок выделено 11 литологических горизонтов, два из которых содержали культурные остатки эпохи палеолита. Верхний культурный горизонт залегал в нижней части 4 слоя на глубине ок. 2 м и был отнесен к позднему палеолиту. Но самые сенсационные находки археологи обнаружили в 8 геологическом слое, состоящем из валунно-галечного конгломерата с гравием и щебенкой. Они представляли собой артефакты архаичного облика, изготовленные из желто-белого кварцита. А.П. Окладников сравнивал улалинские находки по характеру их обработки с древнейшими галечными культурами Африки (Олдувей) и Индостана (Соан) и датировал их археологическими методами концом ашельского времени (ок. 250 тыс. лет назад). Но в интерпретации Улалинки остается несколько дискуссионных проблем, главными из которых являются датировка стоянки и ее геологическое и геоморфологическое обоснование. В связи с этим, возраст памятника ученые оценивают в большом временном диапазоне от 1,5 млн. до 150 тыс. лет назад. В трактовке культурных остатков у исследователей также нет общего мнения. Дело в том, что на многих предметах улалинской коллекции не видно следов искусственного раскалывания и обработки. Вместе с тем многие ведущие специалисты в области палеолита, такие как П.И. Борисковский, З.А. Абрамова, В.П. Любин, А.П. Деревянко и др., признают наличие в улалинской коллекции около 100 камней, обработанных рукой древнего человека.

Они выделили нуклеусы — ядрища для снятия отщепов, рубящие орудия — чопперы и чоппинги, орудия с выемками (анкоши) и целую серию грубых скребел. Все эти изделия довольно примитивны, не обладают устойчивыми формами (Палеолит СССР, 1984, с. 139). Имеющиеся материалы одной лишь Улалинской стоянки пока не могут кардинально решить проблему первоначального заселения человеком Горного Алтая. Тем более они не способны в полном объеме раскрыть его образ жизни. Для этого нужно привлечь данные по интересующему нас периоду древней истории из других регионов. На основе современных знаний о палеолите, Улалинское местонахождение можно отнести к ашельской эпохе (названа по местечку Сент-Ашель во Франции, где впервые были обнаружены орудия из камня этого времени). Самые ранние памятники ашеля зафиксированы в Восточной и Южной Африке начиная с 1,3–1,6 млн. лет. Это время существования человека прямоходящего. Наиболее известными представителями этого вымершего вида человека были питекантропы и синантропы. По сравнению со своим предшественником человеком умелым (*Homo habilis*), данный вид значительно продвинулся по эволюционной лестнице и имел гораздо больший объем мозга и более сложную его организацию. Несмотря на то, что речевой аппарат его был слабо развит, а следовательно, количество производимых звуков ограничено, можно предполагать, что ашельский человек, хотя и не в полном объеме, владел артикулированной речью. Люди этой эпохи умели изготавливать разнообразные орудия из камня и дерева, пользовались огнем, сооружали примитивные жилища. Исследователи заметили, что на ископаемых черепах этого вида человека имеются следы залеченных повреждений. Вероятно, это последствия травм, полученных во время охоты, военных столкновений или ритуальных действий. Данное обстоятельство косвенно ука-

зывает, что у них была довольно сложная социальная организация.

Благодаря этим навыкам, человек прямоходящий обладал большими способностями осваивать новые экологические условия, что способствовало росту численности населения. Используя благоприятную климатическую ситуацию, он интенсивно осваивал обширные пространства Старого Света, в том числе и просторы Северной Азии. В настоящее время в Сибири известен целый ряд памятников каменной индустрии, которые в технологическом плане подобны улалинской. Это местонахождения Малый Кот (бассейн Ангары), Филимошки, Усть-Ту (долина р. Зеи бассейна Амура), Диринг Юрях (Якутия) и некоторые другие. Все эти памятники также вызывают немало споров среди специалистов по проблемам, связанным с датированием и геолого-геоморфологическим обоснованием условий залегания находок. Несомненно то, что Сибирь и, в частности, Горный Алтай были заселены человеком гораздо раньше, чем это думалось до последнего времени, т. е. на начальных этапах раннего палеолита.

Возвращаясь к Улалинке, следует добавить, что пока не удалось проследить бесспорной преемственной связи между технологией изготовления на ней орудий и каменными индустриями последующей мустьерской эпохи в нашем регионе. Видимо, с ухудшением климатических условий люди мигрировали в более благоприятные южные районы Центральной Азии. Также это можно объяснить недостаточностью имеющихся данных.

Более массовый археологический материал имеется для освещения следующего периода древней истории Алтая, который в археологии называется мустьерской эпохой (названа по пещере Ля Мустье во Франции).

Если соотнести мустьерскую эпоху с геолого-климатической историей Земли, то по классической альпийской схеме членения четвертичного периода, она

совпадает с концом рисского оледенения, рисс-вюрмским межледниковьем и первыми этапами вюрмского похолодания. По схеме, принятой для Северной Азии — это казанцевское межледниковье и первые этапы зырянского оледенения, что составляет в абсолютных датах временной промежуток от 150 тыс. до 50 — 30 тыс. лет от наших дней.

Мустье представлено сложным комплексом разнообразных каменных индустрий или культур, но все их объединяет принцип производства орудий на стандартных сколах-заготовках. Основные разновидности мустьерских орудий — скребла, остроконечники, зубчато-выемчатые изделия. Это время существования человека разумного — *Homo sapiens*, вида к которому принадлежим все мы, т. е. современные люди (к этому виду принадлежали также человек разумный архаичный и человек разумный неандертальский). По сравнению с предшествующей эпохой, мустьерский период характеризуется гораздо большей сложностью проявлений культуры. Люди умели сооружать жилища из дерева и костей крупных животных, таких как мамонт, причем под открытым небом и в пещерах. К этому времени относятся первые захоронения людей, чаще стали встречаться свидетельства зарождения духовной жизни (медвежьи пещеры — памятники со следами особого отношения человека к костям этого животного, кости с ритмическими насечками, следы применения органических красок).

Обратимся теперь непосредственно к археологической летописи Горного Алтая. В Сибири, практически, все известные на сегодняшний день мустьерские памятники сконцентрированы на Алтае. Одни из них представляют собой многослойные пещерные стоянки: Усть-Канская, Страшная (бассейн р. Чарыш), Денисова, Сибирячиха — им. Окладникова (в бассейне р. Ануй). Имеются стоябища открытого типа: Усть-Каракол — 1 (бассейн р. Ануй), Кара-Бом и Тюмечинский комплекс местонахождений (бассейн р. Урсул).

Все эти памятники достаточно хорошо изучены (пещера Сибирячиха исследована полностью) и являются опорными для изучения мустьерского времени Алтая. Почти все они имеют абсолютные даты, полученные с помощью радиоуглеродного или других методов датирования, которые показывают, что мустьерское время на Алтае приходится на промежуток времени от 100 тыс. до 33—28 тыс. лет от наших дней.

Археологи выделяют несколько вариантов развития мустьерской культуры. Наиболее характерным является вариант типичного мустье. К нему относятся коллекции пещер им. Окладникова (слои 7, 6, 3—1), Усть-Канской, Страшной (слои 3а, 3б, 3в), Денисовой (слои 22—11) и местонахождения Тюмечин—1. Типичное мустье на Алтае характеризуется бессистемным, радиальным, леваллуазским и параллельным приемами расщепления камня. Орудия изготавливали, по преимуществу, с помощью ретуширования краев заготовок и изготовления выемок — анкошей. Иногда древние люди использовали прием подтески камня с целью удаления ненужных выступов. В орудийном наборе мустьерцев Алтая доминировали скребла различных типов, как основное средство для выделки шкур животных. Также встречаются мустьерские и леваллуазские остроконечники, зубчато-выемчатые орудия, ножи, клювовидные орудия, скребки, резцы, проколки, долотовидные изделия и отщепы с ретушью. Археологи находят аналогии типичного мустье Алтая с материалами памятников этого же времени Ближнего Востока, Восточной Европы, Прикубанья и Крыма.

Еще один вариант выделяется на материалах местонахождения Тюмечин—2. Техника получения заготовок была основана на радиальном принципе расщепления. Среди орудий много зубчато-выемчатых, гораздо меньше скребел и других изделий. Немалую долю

составляют галечные изделия — чоппинги. Такое сочетание инвентаря не характерно для памятников мустье Алтая, поэтому мнения специалистов разделились. Одни считают, что большое количество зубчатых и зубчато-выемчатых орудий позволяет отнести коллекцию Тюмечин — 2 к варианту зубчатого мустье (Шуныков 1990, с.99), другие, учитывая наличие чоппингов, склонны считать, что это является проявлением другой мустьеро-соанской линии развития, имеющей место в мустье Средней Азии и Северо-Западной Индии (Деревянко, Маркин, 1992, с. 218).

От находок упомянутых памятников отличается небольшая коллекция четвертого слоя раскопа 1 стоянки Усть-Каракол, где с несколькими леваллуазскими треугольными сколами был найден бифас листовидной формы. Это обстоятельство может указывать на принадлежность комплекса к иному варианту мустьерской культуры.

Имеют своеобразие и индустрии мустьерских горизонтов Кара-Бома и стоянки Усть-Каракол — 1 (раскоп 2; слои 13 — 18). Они отличаются выраженной леваллуазской направленностью в технике расщепления камня с целью получения пластинчатых заготовок. В орудийном наборе достаточно много скребел, скребков, резцов, ножей с обушком, зубчато-выемчатых и комбинированных изделий.

Итак, исторический процесс на Алтае в мустьерское время можно представить пока только в виде развития каменных индустрий. О внешнем облике мустьерцев алтайских гор можно судить по находкам зубов подростков из пещер Денисова и Сибирячиха (им. Окладникова). По заключению американского антрополога К. Тернера, изучившего эти зубы, обитатели пещер имели большое сходство с европейскими и переднеазиатскими неандертальцами.

В следующую, позднепалеолитическую эпоху, люди, несмотря на наступление нового похолодания, продол-

жали осваивать алтайские горы. Особенно этот процесс усилился в конце вюрмского оледенения (ок. 14 — 10 тыс. лет назад). Об этом свидетельствуют десятки обнаруженных стоянок первобытного человека.

Поздний палеолит — время господства человека современного вида (*Homo sapiens*), который расселился по всей планете.

Это время сложения всех основных атрибутов подлинно человеческого общества — его социальной организации в виде родовой общины и племени, искусства, религии, погребального обряда, развитой материальной культуры, включающей сотни разных изделий из камня, кости, рога, дерева и пр. Данный период существенно отличается от предшествующей ему мустьерской эпохи и, прежде всего, археологи отмечают резкую смену орудийного набора и техники расщепления. Поэтому, в археологии древнекаменного века существует проблема перехода или проблема начала позднего палеолита. Ученые отмечают, что для начальной поры позднего палеолита характерно сосуществование культурных группировок с архаичными мустьероидными и новыми позднепалеолитическими признаками. В Горном Алтае изучен ряд памятников, отражающих переход или начальную стадию позднего палеолита. Среди них особое место занимает стоянка Кара-Бом близ с. Ело Онгудайского района. Этот объект хорошо изучен и имеет большое значение для понимания переходного периода не только в нашем регионе, но и в Сибири в целом. Наличие на стоянке двух мустьерских и шести слоев начала позднего палеолита позволяют проследить эволюцию каменной индустрии памятника. Она шла по направлению постепенного изживания приемов обработки камня, бытовавших в мустьерское время и появлению новых параллельных приемов расщепления позднего палеолита. Также происходили изменения в типологичес-

ких рядах орудийного набора и вторичной отделке изделий. Из орудий здесь чаще всего встречались ле-валлуазские остроконечники, остря, ретушированные пластины, скребла, ножи, зубчато-выемчатые формы, резцы, скребки, комбинированные орудия. Для стоянки имеется ряд радиоуглеродных дат, по совокупности которых можно выяснить, что процесс перехода и развития позднепалеолитической индустрии происходил в промежутке между 45—30 тыс. лет назад. Это было время благоприятных климатических условий, когда в горах произрастали такие теплолюбивые растения, как ольха, лещина, клен, и паслись многочисленные стада крупных животных — антилоп, быков, лошадей, носорогов. По своим основным параметрам наиболее близки Кара-Бому индустрии пещеры Усть-Канская и стоянки Кара-Тенеш (Чемальский р-он, близ с. Куюс). Первая по своим технико-типологическим показателям и времени существования близка мустьерским горизонтам Кара-Бома, вторая отражает ранний этап позднего палеолита. Есть аналоги в слоях 13—18 Денисовой пещеры, во 2-ом культурном горизонте стоянки Усть-Каракол, в материалах Малояломанской пещеры и др. Все это говорит о том, что в промежутке между 45—30 тыс. лет назад на территории Горного Алтая существовала яркая, самобытная каменная индустрия, характеризующая переход от мустье к позднему палеолиту, аналоги которой можно обнаружить на огромных пространствах евразийского материка от Забайкалья на востоке до Ближнего Востока на юго-западе. Следующие этапы позднего палеолита достаточно хорошо иллюстрируют материалы, полученные при изучении памятников бассейна р. Ануй близ Денисовой пещеры (Усть-Каракол и Ануй—2). Они подкреплены данными естественнонаучных методов и абсолютного датирования. В археологических материалах среднего этапа позднего палеолита со стоянок Усть-Кара-

кол и Ануй — 2 видна преемственность технических приемов обработки камня, определенных для начального этапа. Среди орудийного набора устойчивыми формами выступают скребла, концевые и боковые скребки, ретушированные пластины, острия, проколки. Развивается техника торцового снятия пластин, наиболее ранние проявления которой зафиксированы в материалах стоянки Кара-Бом. Материалы заключительной стадии позднего палеолита на Алтае, несмотря на большое разнообразие инвентаря, свидетельствуют о дальнейшем развитии более ранних технокомплексов. Для них характерны параллельное расщепление, скалывание микропластин с торцовых и клиновидных ядрищ. Из орудий чаще встречаются скребла, скребки на отщепах и пластинах, проколки, острокопечники, галечные изделия, аморфные бифасы. Для финальной стадии позднего палеолита региона выделены две культуры — Куюмская (Усть-Куюм, нижние слои Усть-Семы — 7, культурный слой Тыткескень — 3, Майма и др.) и Нижне-Катунская (стоянки Сростинская, Урожайная, Усть-Иша — 3, пещера Иульчак в Чойском районе и др.). Обе они по своим показателям находят аналогии среди синхронных памятников афонтовской культуры на Енисее и вместе с ними составляют южносибирскую позднепалеолитическую провинцию.

Несколько особняком стоят памятники палеолита Чуйской котловины, где известно около двадцати стоянок. Как уже упоминалось выше, датировка и интерпретация материалов с этих памятников затруднены, т.к. все культурные остатки залегают на современной поверхности. Тем не менее, индустрии этого района также можно отнести к южносибирской культурной области.

В течение всего палеолитического времени на Алтае на протяжении десятков и сотен тысяч лет складывалось и развивалось охотничье хозяйство древнего чело-

века, основанное на добыче и переработке крупных животных, таких как мамонт, шерстистый носорог, бизон, дикая лошадь и пр. Этому была подчинена вся жизнедеятельность первобытных общин, о чем свидетельствуют и каменные орудия, отражающие охотничью ее направленность. На некоторых стоянках конца палеолита (Майма, Усть-Куюм) обнаружены остатки временных, легких жилищ охотников в виде конусообразных шалашей. Но вот на рубеже 10—12 тыс. лет назад наступило потепление, к которому не могли приспособиться многие виды крупных плейстоценовых животных. Кардинально изменился состав флоры и фауны. Человек вынужден был адаптироваться в новых условиях, изменять способы и приемы охоты, приспособливать свою материальную культуру, изменять способ производства орудий. В археологии этот переломный момент связан с проблемой выделения мезолитических культур первобытных охотников.

Мезолит

Горного Алтая

Изучение этого периода в Горном Алтае только начинается. Долгое время тема была остро дискуссионной не только для Алтая, но и в целом для сибирского региона. Впервые проблему обосновал А.П. Окладников. Он считал, что на территории Сибири, в том числе и на Алтае в голоцене продолжали развиваться позднепалеолитические культурные традиции в обработке камня и поэтому предлагал называть этот период эппалеолитом.

В настоящее время барнаульские археологи, на основании материалов с нескольких стоянок каменного века среднего течения реки Катунь, склоны выделять мезолитический этап в истории Горного Алтая. Это, преж-

де всего, стоянки Усть-Сема, Манжерок — 2 в Майминском районе, поселенческие комплексы Тыткескень, Бийке — 1 и 2, Эликманар в Чемальском районе. Все памятники объединены ими в устьсеминскую культуру, наиболее ранние комплексы которой с поселения Тыткескень — 3 имеют радиоуглеродную дату в 12 тыс. лет. Индустрия обработки камня на этих стоянках основана на призматической технике расщепления, в результате которой получались мелкие и средние пластинки, пластинчатые отщепы крупных размеров. Из них в основном и изготавливались орудия — боковые и срединные резцы, острия, скребки, зубчатые, выемчатые, скобели и пр. В это время, с одной стороны, постепенно исчезает плоскостная параллельная техника расщепления и традиция изготовления скребел, увеличивается количество наконечников стрел, появляются единичные шлифованные изделия.

Комплексные исследования специалистов Института археологии и этнографии СО РАН г. Новосибирска, предпринятые в пещерах Каминная и Искра (бассейн р. Ануй) и на р. Бийке (Чемальский район) позволили выделить культурные слои, также относящиеся к концу плейстоцена — началу голоцена. Естественнонаучные данные с этих объектов свидетельствуют о том, что на рубеже 10 тыс. лет назад происходила смена климатических условий в сторону потепления, вслед за чем изменялись флора и фауна алтайских гор. Археологический материал, пока немногочисленный, имеет определенное сходство с индустриями устьсеминской культуры.

На основе археологических данных можно дать общую характеристику образа жизни людей, населявших Горный Алтай в это время. В основе хозяйства была охота на горно-таежных животных, таких как марал, косуля, архар, сибирский горный козел, як и т.д. Основным охотничьим оружием становится лук (о чем свидетельству-

ют многочисленные находки наконечников стрел на стоянках). В силу того, что охота на горно-таежных животных голоцена, по сравнению с охотой на крупных плейстоценовых животных, была менее продуктивной, расширились охотничьи угодья, а сами общины стали более мобильными. По этой же причине возросла роль собирательства и рыболовства.

В заключение главы можно сказать, что данная нами картина исторического развития населения Горного Алтая в древнейшее время пока еще далека от сколько-нибудь полного охвата жизни первобытных людей региона. И это не удивительно, т.к. исследования в этом направлении по настоящему только начинаются. Отсюда знания наши неполны и носят отрывочный характер.

Дальнейшие археологические исследования эпохи камня в Горном Алтае позволят решить множество проблем древней истории, причем не только нашего региона, но и сопредельных территорий.

Глава 3.

Неолит Горного Алтая

Долгое время эпоха неолита оставалась одной из наименее изученных страниц в древней истории Горного Алтая. Объясняется это рядом объективных и субъективных причин. Длительный период внимание исследователей здесь привлекали погребальные комплексы скифской, тюркской эпох и афанасьевской культуры, содержавшие богатейший сопроводительный инвентарь. Особенно скифские, что и определило особое внимание к ним. И только с началом исследования многослой-

ных стоянок появилась возможность выделить неолитические комплексы.

Первые находки эпохи неолита относятся к 1936 г., когда Г.П. Сосновскому «при исследовании афанасьевских курганов на урочище Куюм на Катунь, удалось обнаружить под курганными насыпями остатки древнего поселения» (Киселев, 1949). Материалы из тех раскопок были опубликованы в 1949 г. С.В. Киселевым, который отнес верхний слой поселения к афанасьевской культуре, а нижний — к неолиту. Он отметил своеобразие неолитической керамики, ее отличие от афанасьевской. По мнению С.В. Киселева неолитическую посуду с Куюмской стоянки можно сблизить с керамикой кельтеминарской культуры. Кроме керамики, в неолитическом слое поселения были скребки, нуклевидные изделия, фрагмент костяного орудия, выполненного во вкладышевой технике (в его желобке была зажата кремневая пластинка).

В 60-е гг. А.П. Окладников в ряде своих статей высказал мысль о консервации на многие тысячелетия в Горном Алтае палеолитических традиций (Окладников, 1966, 1967, 1968). Он считал, что на территории Горного Алтая нет памятников мезолита и неолита, а есть эппалеолит (пережиточный палеолит). В статье, посвященной раскопкам на р. Куюм, А.П. Окладников не упоминал о находках эпохи неолита. Таким образом, им как бы исключалась сама возможность существования мезолитических и неолитических памятников в этом регионе.

По мнению С.В. Цыба эппалеолитическая культура непосредственно граничила с афанасьевской (Цыб, 1984). М.П. Хлобыстина, говоря о близости афанасьевской и древнеямной культур, отмечала их сходство с материалами с поселения Куюм, которые частично датировала неолитом (Хлобыстина, 1975).

В 1978 г. А. П. Окладниковым и В.И. Молодиным была выделена кузнецко-алтайская неолитическая

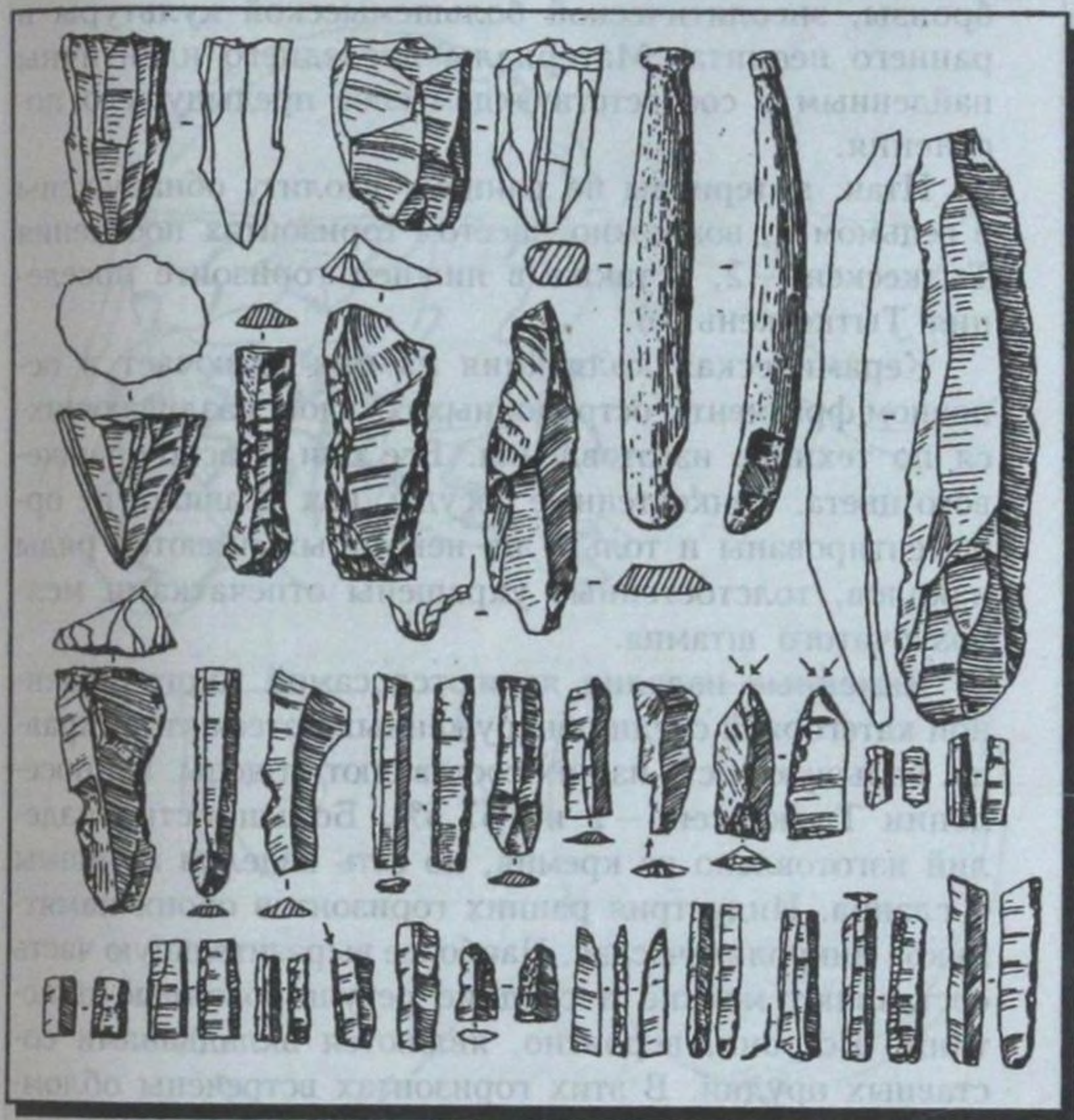
культура, к которой они отнесли материалы Томской и Турачакской писаниц, а также могильников Кузнецкого, Усть-Иша и Большой Мыс на оз. Иткуль. Не все исследователи согласились с ее выделением. Так, Ю.Ф. Кирюшиным часть этих памятников была датирована эпохой энеолита и выделена в самостоятельную энеолитическую культуру, получившую название большемысской по первому исследованному могильнику Большой Мыс на оз. Иткуль (Кирюшин, 1990). В одной из своих последних работ В.И. Молодин пересмотрел датировку Турачакской писаницы и вместе со второй Турачакской писаницей, открытой позднее, отнес их к каракольской культуре эпохи бронзы Горного Алтая, датируя двумя первыми третями II тыс. до н.э. (Молодин, 1993).

В 80-е гг. появились работы, в которых рассматривались отдельные материалы по неолиту Горного Алтая. Так, в предварительной публикации по Денисовой пещере А. П. Деревянко, Р.С. Васильевский, В.И. Молодин и С.В. Маркин в ее материалах выделяют керамический комплекс эпохи неолита. К этому же времени они относят и некоторые каменные изделия. Эти находки происходят преимущественно из нижних горизонтов переотложенной части голоценовой пачки и выделены типологически. Каких-либо датирующих вещей найдено не было, поэтому А.П. Деревянко и В.И. Молодин не исключают, что данная керамика могла относиться к афанасьевской культуре.

Упоминания о находках неолитического времени встречаются в работах горно-алтайских археологов. Называются материалы из раскопок на поселениях Майма — III, Майма — XVIII, Эдиган — V. К сожалению, эти неолитические комплексы не составляют представительных коллекций, а на поселении Эдиган — V керамика неолитического облика выделена типологически из материалов более поздних времен.

Собственно, до раскопок многослойного, хорошо стратифицированного поселения Тыткескень—2 на Средней Катуні в Горном Алтае не было известно чистых хорошо выраженных неолитических комплексов. Поселение Тыткескень—2 находится на левобережной надпойменной террасе Катуні, на правом берегу ручья Тыткескень, в его предустьевой части. Открыто разведочным отрядом Алтайского госуниверситета под руководством М.Т. Абдулганеева в 1983 г., А.Л. Кунгуровым и Н.Ю. Кунгуровой в 1984—1986 гг. Здесь проведены небольшие раскопки, результаты которых опубликованы Н.Ю. Кунгуровой, датировавшей памятник эпохой мезолита — раннего неолита. Она трактовала памятник как однослойный, а материал как однородный. На основе материалов поселений Усть-Сема, Эликманар и Тыткескень—2 ею была выделена культура эпохи мезолита — раннего неолита, которую она назвала еландинской. Начиная с 1988 г., под руководством Ю.Ф. Кирюшина на поселении Тыткескень—2 проведены крупномасштабные раскопки, вскрывшие площадь более 1000 м². Выявлено девять культурно-хронологических горизонтов от раннего железного века до позднего мезолита. Большая часть из них отделена друг от друга стерильными прослойками песка. Причем в восточной части, ближе к Катуні, мощность стерильных прослоек достигает 0,35—0,4 м, к западу, она уменьшается до 0,10-0,12 м. Самый нижний, девятый горизонт относится к мезолиту и лежит на аллювиальных отложениях р. Катуні на глубине 2 м. Горизонты с четвертого по седьмой отнесены к неолиту. Среди них совершенно четко выделяются слои раннего, среднего и позднего неолита.

В ходе раскопок южной группы курганов могильника Тыткескень—6 открыто еще одно многослойное поселение, получившее то же название. Левый берег ручья в этом месте представляет собой 15-метровую

катунскую цокольную террасу, сложенную валунно-галечным конгломератом, а в верхней части эоловым песком и гумусовым горизонтом. В раскопе площадью около 200 кв. м зафиксированы слои раннего железного века, эпохи

Ранний неолит. Каменные изделия и стерженки составного рыболовного крючка с поселения Тыткескенъ — 6.

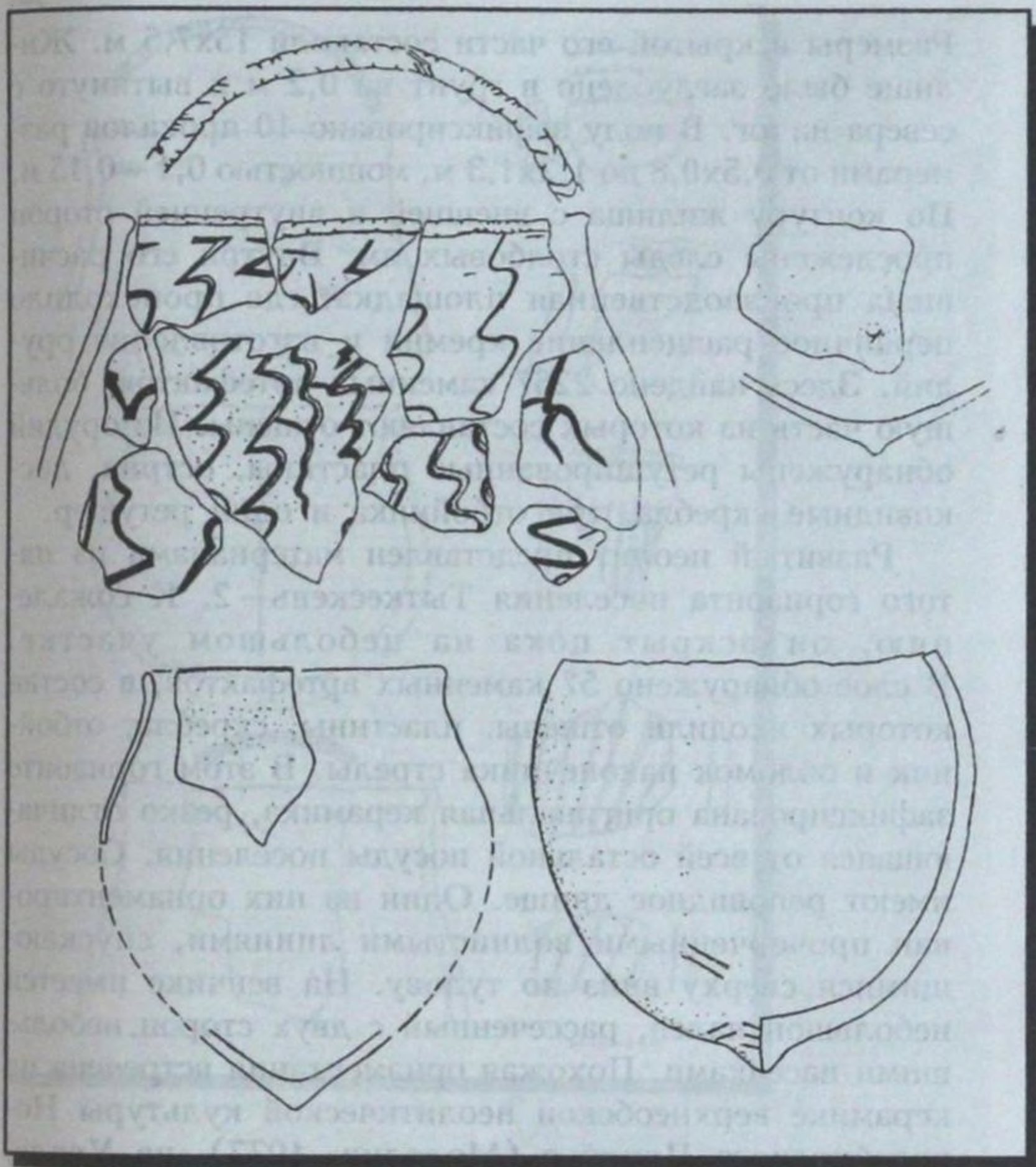
бронзы, энеолитической большемысской культуры и раннего неолита. Материалы последнего идентичны найденным в соответствующем слое предыдущего поселения.

Итак, материалы по раннему неолиту обнаружены в седьмом и, возможно, шестом горизонтах поселения Тыткескень—2, а также в нижнем горизонте поселения Тыткескень—6.

Керамическая коллекция из них включает в основном фрагменты остродонных сосудов, различающихся по технике изготовления. Все они красно-оранжевого цвета. Тонкостенные сосуды, как правило, не украшены и только на некоторых имеются ряды наколов, толстостенные украшены отпечатками мелкозубчатого штампа.

Каменные изделия являются самой многочисленной категорией среди обнаруженных артефактов, правда, большую часть из них составляют отщепы. На поселении Тыткескень—2 их 57,5%. Большинство изделий изготовлено из кремня, но есть изделия из яшмы и сланца. Индустрия ранних горизонтов обоих памятников микролитическая. Наиболее выразительную часть составляют мелкие и средние ретушированные пластины. Все они, вероятно, являются вкладышами составных орудий. В этих горизонтах встречены обломки наконечников стрел, изготовленных из пластин. В седьмом горизонте поселения Тыткескень—2 обнаружены каменные изделия архаичного облика, более характерные для позднего палеолита — мезолита. Это торцовые и дисковидные галечные нуклеусы, рубящие орудия и многофункциональное орудие.

Интересной находкой поселения Тыткескень—6 является стерженок составного рыболовного крючка с боковым пропилом для крепления жальца. В комплексах позднего неолита и энеолита они имеют срединный пропил и боковые выступы.

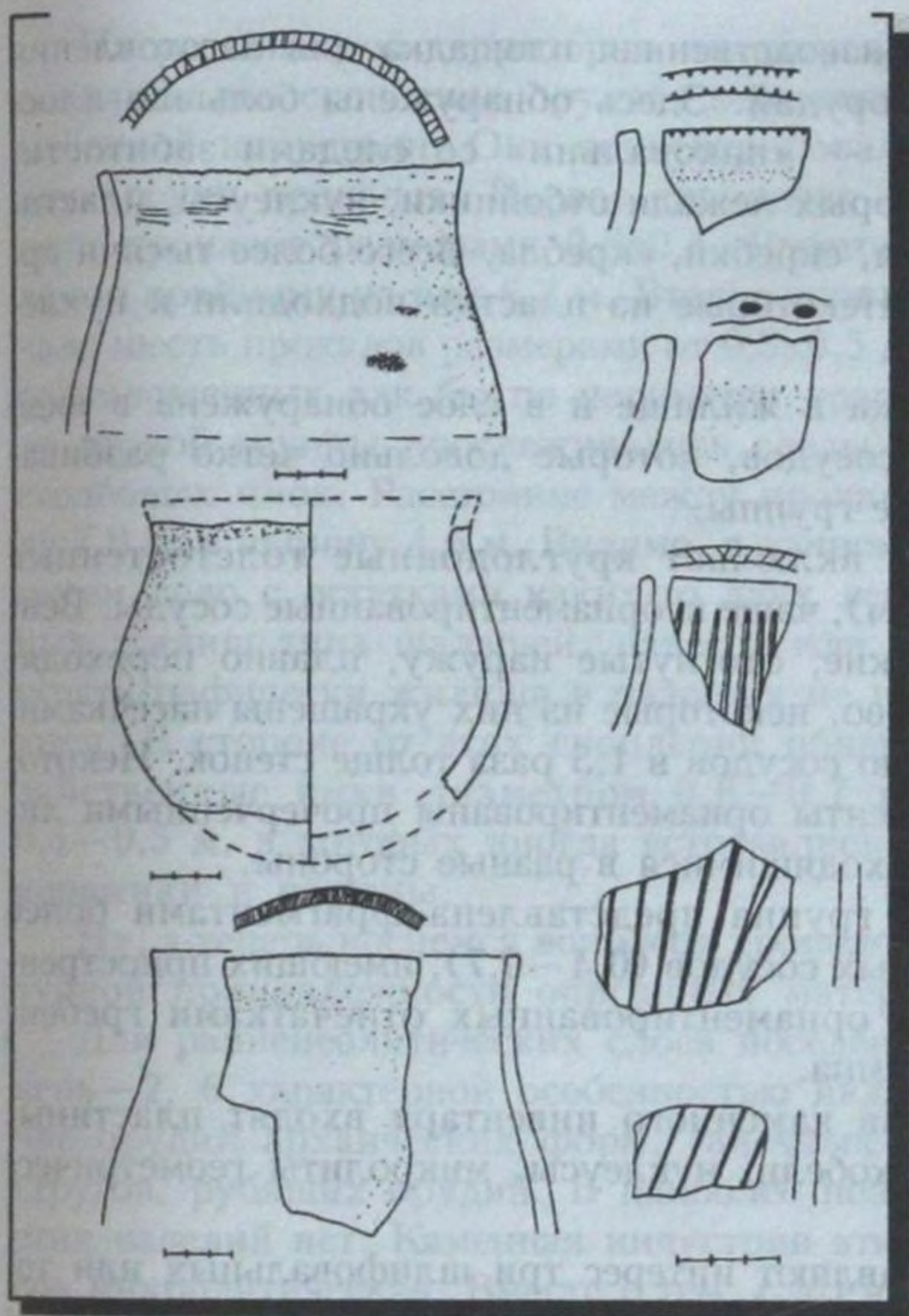
В шестом культурном горизонте поселения Тыткескенъ—2 частично вскрыты два жилища, причем наиболее хорошо изученным оказалось лишь одно из них.

Средний неолит.
Керамика поселения
Тыткескенъ—2.

Размеры вскрытой его части составили 15x7,5 м. Жилище было заглублено в грунт на 0,2 м и вытянуто с севера на юг. В полу зафиксировано 10 прокалов размерами от 0,5x0,8 до 1,2x1,3 м, мощностью 0,1—0,15 м. По контуру жилища с внешней и внутренней сторон прослежены следы столбовых ям. Внутри его расчищена производственная площадка, где происходило первичное расщепление кремня и изготовление орудий. Здесь найдено 2267 каменных артефактов, большую часть из которых составляют отщепы. Из орудий обнаружены ретушированные пластины, острия, дисковидные скребла, три отбойника и один ретушер.

Развитый неолит представлен материалами из пятого горизонта поселения Тыткескень—2. К сожалению, он вскрыт пока на небольшом участке. В слое обнаружено 57 каменных артефактов, в состав которых входили отщепы, пластины, скребла, отбойник и обломок наконечника стрелы. В этом горизонте зафиксирована оригинальная керамика, резко отличающаяся от всей остальной посуды поселения. Сосуды имеют реповидное днище. Один из них орнаментирован прочерченными волнистыми линиями, спускающимися сверху вниз по тулову. На венчике имеется небольшой налп, рассеченный с двух сторон небольшими насечками. Похожая орнаментация встречена на керамике верхнеобской неолитической культуры Новосибирского Приобья (Молодин, 1977), на Урале, в Средней Азии. Однако, наиболее близкие аналогии горно-алтайской имеются на севере Казахстана в Петропавловском Приишимье.

Поздний неолит представлен материалами из культурных горизонтов 4 и 4-А поселения Тыткескень—2. В четвертом горизонте расчищено долговременное жилище № 2 с многочисленными находками внутри и около него. Котлован его 21x16 м хорошо прослеживался с глубины 0,45—0,5 м и до 0,6—0,65 м. Внут-

ри и снаружи по контуру жилища прослеживались столбовые ямки диаметром 0,2—0,4 м и глубиной 0,2—0,4 м. Внутри жилища расчищены очаги, выложенные из мелких камней, со следами золы и прокала. В жилище вы-

Поздний неолит.
Керамика поселения
Тыткескенъ—2.

явлена производственная площадка для изготовления каменных орудий. Здесь обнаружены большие плоские камни — «наковальни» со следами забитости, вокруг которых лежали отбойники, нуклеусы, пластины, отщепы, скребки, скребла, Всего более тысячи артефактов. Некоторые из пластин подходили к нуклеусам.

Керамика в жилище и в слое обнаружена в виде обломков сосудов, которые довольно четко разбиваются на две группы.

Первая включает круглодонные толстостенные (0,8—1,5 см), чаще неорнаментированные сосуды. Венчики высокие, отогнутые наружу, плавно переходящие в тулово, некоторые из них украшены насечками. Круглое дно сосудов в 1,5 раза толще стенок. Некоторые фрагменты орнаментированы прочерченными линиями, расходящимися в разные стороны.

Вторая группа представлена фрагментами более тонкостенных сосудов (0,4—0,7), имеющих приостренное дно и орнаментированных отпечатками гребенчатого штампа.

В состав каменного инвентаря входят пластины, скребки, скобели, нуклеусы, микролиты геометрических форм.

Представляют интерес три шлифовальных или точильных бруска. На одном из них сохранились следы охры. Привлекают также внимание двусторонне обработанный нож, обломки тесла, каменного рыболовного крючка и наконечника стрелы на пластине с выемкой у основания.

К позднему неолиту относятся и материалы из горизонта 4-А. Все находки из этого слоя были сосредоточены в линзе гумусированной супеси мощностью 15—25 см, которая отделена от ниже- и вышележащих горизонтов прослойками песка мощностью 15—20 см.

На раскопанной территории планиграфически выделялись два скопления орудий, керамики и отходов каменной индустрии. Они концентрировались вокруг двух групп прокалов. Первое скопление состояло из пяти прокалов размерами 0,5x0,4. Расстояние между двумя крайними из них 6,3 м. Второе скопление включало шесть прокалов размерами от 0,3x0,5 до 0,55x0,9, расположенных как бы по периметру трапеции. Около второй группы прослеживались следы нескольких столбовых ямок. Расстояние между прокалами в длину 7,8 м, в ширину 4,6 м. Видимо, в данном случае мы имеем дело с остатками каких-то двух легких наземных жилищ типа шалашей, навесов или чумов, т.к. стратиграфически жилища в разрезах не прослеживаются. В стороне от этих скоплений обнаружены хозяйственные ямки диаметром 0,6—0,7 и глубиной 0,4—0,5 м, в которых иногда встречались фрагменты керамики и отщепы.

Ну, а теперь коснемся вопросов хронологии и культурной принадлежности описанных материалов.

Для ранненеолитических слоев поселений Тыткескенъ—2, 6 характерной особенностью является наличие орудий архаических форм: галечных нуклеусов, стругов, рубящих орудий. В наиболее поздних слоях этих изделий нет. Каменная индустрия этих комплексов микролитическая. Вместе с тем, с этими архаическими изделиями встречена керамика, что позволяет датировать эти комплексы ранним неолитом. Среди находок имеются геометрические микролиты, пластины с выделенной головкой, пластины с выемкой. Подобных изделий в мезолитических комплексах Горного Алтая нет. Вероятной датой этих культурных горизонтов будет 6 тыс. до н.э., хотя нижняя граница, если судить по архаичности материалов, могла уходить и в 7 тыс. до н.э.

Пятый культурный горизонт, отнесенный к развитому неолиту, отличается своеобразной керамикой,

которая обнаруживает наибольшее сходство с материалами из неолитических памятников Средней Азии и Казахстана. Оригинальность керамики, собственно, и послужила основанием для выделения материала этого слоя в отдельной культурно-хронологический горизонт, который предварительно можно датировать 5 тыс. до н.э. В ходе дальнейшего исследования поселения Тыткескень—2 и при получении нового массового материала эта датировка может быть уточнена.

Хотелось бы отметить, что своеобразные находки свидетельствуют о проникновении в Горный Алтай групп населения из Казахстана, а, возможно, и из Средней Азии.

Е.А. Васильев отмечает, что в позднем неолите — энеолите влияние среднеазиатских культур испытывало население всей южной периферии Западной Сибири. Вполне возможно, что это воздействие началось несколько раньше, т.е. не в позднем неолите — энеолите, а в развитом неолите и продолжалось до энеолита.

На материалах горизонтов 4-А и 4 была выделена среднекатунская культура эпохи позднего неолита, которая делится на ранний и поздний этапы. К раннему отнесен горизонт 4-А и часть неолитического комплекса поселения Куюм, к позднему — четвертый горизонт (поздний — финальный неолит) (Киришин Ю.Ф., Киришин К.Ю., 1992). Материалы из этих горизонтов существенно отличаются от материалов неолитических культур из соседних регионов — верхнеобской и кузнецкой. В орнаментации керамики среднекатунской культуры преобладают оттиски гребенчатого штампа в различных вариантах. Микролитическая техника достигает своего высшего развития. Для этого времени характерна высокая доля обработанных пластин и геометрических микролитов. Определенное сходство проявляется в орнаментации среднекатунской и афанасьевской керамики. Однако, сам вопрос о происхождении последующей афанасьевской культуры остается до сих пор дискуссионным.

С.В. Цыб видел в афанасьевцах переселившееся на Алтай древнеямное население. Один из авторов настоящей главы высказал предположение, что сходство между афанасьевской и древнеямной культурами может объясняться не переселением древнеямников на Алтай, а тем, что и те, и другие вышли из одного района древних цивилизаций Ближнего Востока (Кирюшин, 1991).

Сейчас мы можем отметить, что, по сравнению с другими районами распространения афанасьевской культуры (Тыва, Монголия, Хакассия, Минусинская котловина), поздний неолит Средней Катунки имеет больше сходства с материалами последующей афанасьевской культуры, чем на остальных территориях. В местном позднем неолите общие с афанасьевскими черты выглядят весомей и значительней. Видимо, на позднем этапе развития среднекатунской культуры на территорию Горного Алтая стали проникать группы мигрантов, контакты которых с местным населением привели к сложению во второй половине 4 тыс. до н.э. афанасьевской культуры. Таким образом, для позднего неолита вторую половину 4 тыс. до н.э. можно брать только в качестве верхней даты. Вопрос о нижней дате пока остается открытым, но, скорее всего, это конец — рубеж 5 и 4 тыс. до н.э.

Глава 4.

Горный Алтай в эпоху бронзы

В настоящее время на территории Горного Алтая открыто более 80 памятников эпохи бронзы. Кроме того, здесь зафиксировано много случайных находок, относящихся к этому периоду. Все эти свидетельства далекой истории привлекают к себе самое присталь-

ное внимание археологов, а на многих могильниках и поселениях осуществляются раскопки. К сожалению, среди них нет пока полностью исследованных, что существенно ограничивает возможности в решении проблемы культурной диагностики и хронологии, а также палеосоциологических и палеоэкономических реконструкций (Молодин, 1986).

В общем, степень изученности эпохи бронзы региона оставляет желать лучшего. В то же время усиление внимания к данной проблеме в последнее десятилетие позволило поставить вопрос о существовании здесь своеобразных культур эпохи ранней и развитой бронзы. Кроме того, Лариным О.В. и Абдулганеевым М.Т. исследовались великолепные памятники эпохи бронзы Сальдяр—I и Байтыгем—I, —2, —3, насчитывающие десятки комплексов, анализ которых может, по-видимому, не только существенно дополнить, но в чем-то и изменить наши представления об эпохе бронзы Горного Алтая.

Эпоха ранней бронзы

Уровень современных знаний позволяет говорить о двух культурах, бытовавших на территории Горного Алтая в период ранней бронзы. Наиболее яркой и хорошо изученной является афанасьевская культура. Вторая представлена керамическими комплексами на отдельных поселениях. Ближе всего эти материалы стоят к большемысской культуре ранней поры бронзового века равнинного Алтая.

Что касается предыдущей, то первые раскопки афанасьевских могильников в Горном Алтае произведены В.В. Радловым в 1856 г. у с. Онгудай, тогда как сама

афанасьевская культура была выделена С.А. Теплоуховым значительно позже — в 1927 г. после раскопок могильника у Афанасьевской горы Минусинской котловины (Теплоухов, 1927).

В Горном Алтае известно около 60 археологических памятников данной культуры, а с учетом мест случайных находок их 70.

Наиболее основательно исследованы афанасьевские могильники. На сегодняшний день раскопки проводились приблизительно на 30 памятниках, где вскрыто более 100 погребений. Это могильники Айрыдаш — I, Арагол, Балыктуюль, Бертек — 33, Бике — I, Байтыгем — I, — 2, Горно-Алтайск, Ело — I, 2, Ело-Баши, Кара-Коба — I, Каракол — I, 2, Кара-Тенеш, Каянча, Курота — 2, Кызык-Телань — I, Нижний Тюмечин — I, IV, V, Озерное — 2, Онгудай, Первый Межелик — I, Пещеркин Лог — I, Семисарт — 2, VII, Тархата — I, Теньга — 2, VI, Тогусхан — 4, Урмулык, Урсул, Усть-Куюм и др.

Афанасьевские поселения исследованы значительно слабее. Работы проводились примерно на 10 памятниках: Алты-Айры, Аскат — 2, Балыктуюль, Кара-Тенеш, Ламах, Малый Дуган, Узнезя — I. Наиболее полно раскопаны поселения Кара-Тенеш, Балыктуюль, Узнезя — I и Малый Дуган. В общей сложности вскрыта территория площадью более I тыс. м².

Новым на сегодняшний день источником по изучению афанасьевской культуры являются пещеры. В ходе реализации комплексной программы по их археологическим исследованиям (Деревянко, Оводов, Молодин и др., 1987) на всех объектах, где ведутся раскопки, изучаются самым тщательным образом голоценовые отложения. В результате, в пещерах Денисовой, Иульчак, Каминной, им. Окладникова, Яломанской обнаружены слои, связанные с афанасьевской культурой (Молодин, 1987).

В Горном Алтае выявлены два объекта, которые носят культовый характер: комплекс у с. Кара-Коба и

святилище, которое исследуется в настоящее время — Кучерла — I. Особый характер этих памятников позволяет во многом по-новому представить духовную культуру афанасьевцев.

К числу афанасьевских памятников, вероятно, может быть отнесен древний рудник у д. Владимировка на Теректинском хребте, где были найдены предметы горного дела (Кызласов, 1965; Баженов, 1987).

Наиболее значимыми случайными находками афанасьевской культуры на территории Горного Алтая следует считать каменные сверленные топоры, известные специалистам уже в XIX веке (Уваров, 1981). Эти изделия обнаружены на р. Чарыш у перевала Чакыр, близ сел Инегень и Белый Ануй в Усть-Канском районе, а также на западном Алтае в районе Усть-Каменогорска. Следует отметить и такие случайные находки, как курильницу и каменную терку, найденные у с. Усть-Муны (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982).

Картографирование афанасьевских памятников показало, что все они локализируются в горной стране. На территории равнинного Алтая выявлены лишь отдельные находки, которые можно связать с указанной культурой. Там же, несомненно, активное влияние ее носителей на лесостепных соседей, которое проявилось, например, в керамике: венчик сосудов большемысской культуры часто оформлялся в чисто афанасьевской манере (Кирюшин, 1986).

Таким образом, западная и северная границы распространения культуры совпадают с территорией горной страны, а в северо-западной части Горного Алтая концентрируется наибольшее количество известных сегодня афанасьевских памятников. Что касается восточных пределов, то это, прежде всего, предгорья Западного Саяна, Минусинская котловина и собственно Западный Саян, где на территории Тывы обнаружены афанасьевские памятники (Семенов, 1982, 1988). Южной границей

распространения культуры для Горного Алтая является Кош-Агачский район, на территории которого обнаружено и частично исследовано два могильника — Тархата — 1 (Ларин, 1992) и Бертек — 33 (Молодин, 1992). Найденная в Северо-Западной Монголии посуда и погребения позволяют считать этот район заселенным афанасьевцами.

Комплексы керамики лесостепного облика обнаружены на памятнике Балыктуюль, на поселении Усть-Куюм, Малый Дуган, а также в третьем культурном горизонте памятника Тыткескень — 2 (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгуров, 1991). Недавно обнаружено, вероятно, первое захоронение данной культуры, совершенное в пещере (Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1992). Естественно, что о границах распространения этих памятников пока говорить не приходится.

Поселенческие комплексы афанасьевской культуры Горного Алтая стали интенсивно исследоваться только в последнее десятилетие. На многослойном памятнике Кара-Тенеш вскрыта территория площадью около 450 кв. м. Здесь впервые были обнаружены остатки жилищ носителей афанасьевской культуры (Погожева, Кадиков, 1980).

По данным автора раскопок А.П. Погожевой, исследованные конструкции представляли собой полуземлянки, углубленные в материк на 0,15–0,20 м (с учетом уровня погребенной почвы глубина котлована могла быть и большей). Жилища в плане, вероятнее всего, были прямоугольной формы. В них имелось, как установлено раскопками, несколько каменных очагов. Интересно их расположение рядами вдоль стенок, благодаря чему эффективно обогревалось все сооружение. При раскопках не обнаружено ямок для опорных столбов каркаса, что позволяет предполагать наличие срубной конструкции стен. Вероятность такого предположения может косвенно подтверждаться отсутствием следов стол-

бовых ям при наличии серии каменных очагов на афанасьевском поселении Балыктуюль (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982).

Афанасьевские очаги, обнаруженные на поселениях, а также в предвходовой части пещер имеют поразительно устойчивую конструкцию. Они представляют собой каменные кольца диаметром 0,8—1,2 м. Камни обкладки врыты в грунт под углом примерно в 45° на глубину 0,05—0,1 м. Глубина очажных ям достигает 0,2 м. Дно их выложено камнями. Отдельные очаги имели устье шириной 0,3—0,5 м. Исследования поселения Балыктуюль позволяют предполагать, что афанасьевцы делали не только каменные, но и земляные очаги-ямы. Каменные конструкции очагов характерны для всего ареала афанасьевской культуры, включая Минусинскую котловину (Грязнов, Комарова, 1979). Широкомасштабные раскопки проведены на поселении Узнезя—1, где вскрыта территория площадью около 600 м² (Степанова, 1987; Абдулганеев, Алехин, Иванов и др., 1988). При раскопках афанасьевских поселений обнаружены керамика, тождественная посуде из погребальных комплексов, значительное количество костей животных, каменные орудия — песты, отбойники, нуклеусы, наконечники стрел, ножевидные пластины, отщепы, малочисленные бронзовые изделия. В этой связи, интерес представляют находки с поселения Аскат—2. Это обломки литейных форм, залегающие в афанасьевском слое. Они, несомненно, свидетельствуют о бронзолитейном производстве.

Поселенческие комплексы большемысской культуры дали первую информацию о жилищных сооружениях. Так, в третьем слое поселения Тыткескень—2 зафиксированы остатки жилищ. Они вытянутой прямоугольной формы, площадью около 80—100 м. Здесь обнаружены несколько очагов и каменные выкладки (Кирюшин, Абдулганеев, Неверов, 1992). На по-

селении Малый Дуган зафиксировано несколько очагов, один из которых окомурен каменными плитками, а остальные земляные (Степанова, Пугачев, 1989), однако, их культурная идентификация затруднена. Особый интерес представляют раскопки поселения Усть-Куюм, где исследователям, кажется, удалось зафиксировать стратиграфическое положение неафанасьевской керамики (авторы раскопок называют ее энеолитической — М.В.), залегавшей в нижней части культурных напластований под горизонтом 6 с материалами эпохи раннего железа и афанасьевской культуры (Абдулганеев, Алехин, Иванов и др., 1988). На поселении были обнаружены своеобразные жилища (Кунгуров, 1992). К сожалению, последняя публикация не вносит ясности по поводу стратиграфической привязки разновременных комплексов этого интереснейшего памятника. На памятниках Балыктуюль, Лебедь, Малый Дуган, Усть-Куюм, Тыткескень — 2 зафиксированы обычные для поселений находки — фрагменты керамики, кости животных, каменные и костяные орудия.

Раскопки голоценовых отложений пещер Горного Алтая дали ценные материалы по афанасьевской культуре. В таких из них, как Иульчак, им. Окладникова, Яломанская они ограничиваются несколькими фрагментами керамики, однако, их принадлежность к данной культуре не вызывает сомнений. Вместе с тем, в пещерах Каминная и особенно Денисова представлены мощные слои, относящиеся к афанасьевской культуре. Например, толщина слоев в Денисовой пещере местами достигала 1 м (Деревянко, Васильевский, Молодин и др., 1985). В предвходовой части обнаружено несколько каменных очагов, абсолютно аналогичных по своей конструкции очагам на афанасьевских поселениях. Выявлены остатки деревянной изгороди, перекрывавшей проход в глубь пещеры. Найдены керамика, орудия труда, кости животных. Совер-

шенно очевидно, что афанасьевцы использовали пещеры в качестве загонов для содержания скота. Об этом свидетельствует характер культурного слоя в Денисовой и Каминной пещерах, состоящего из переносимых овец капролитов. Входы в них и проходы далеко в глубь перекрывались плетнем или забором. Подобный способ содержания овец известен из этнографических источников (Кобычев, 1975). Широко используются пещеры для этих целей в Горном Алтае и в настоящее время. Сами афанасьевские пастухи располагались в предвходовой части, где можно было укрыться от непогоды и приготовить пищу. Использование афанасьевцами даже небольших гротов, какими являются пещеры им. Окладникова и Яломанская, свидетельствуют о том, что размер их стад варьировал по величине от нескольких голов до нескольких десятков и даже сотен особей.

По данным В.К. Вистингаузена культурные остатки этого периода обнаружены в карстовых полостях Археологической ниши, Ябоганской, Водяной пещер. Думается, что целенаправленное исследование пещер Саяно-Алтая даст новые свидетельства их использования афанасьевцами.

Основной на сегодняшний день материал по афанасьевской культуре обнаружен при раскопках погребальных памятников. Изучение могильников дало возможность представить погребальный обряд носителей афанасьевской культуры в Горном Алтае (Цыб, 1984). Зафиксированы как одиночные курганы, так и могильники, состоящие, как правило, не более чем из 15 сооружений.

Различают надмогильные конструкции двух основных типов. К первому относятся так называемые кромлехи — круглые ограды из вертикально стоящих плоских плит диаметром 10—13 м, высотой до 1 м. Второй тип — это кольца из блоков рваного камня. Внутри ограды имеется каменно-земляное сооружение в виде курга-

на или площадки с каменной вымосткой в центре. Некоторыми исследователями выделяются и другие варианты надмогильных сооружений у афанасьевцев (Степанова, 1991). В них находят чаще всего кости животных, фрагменты сосудов, реже остатки кострищ и орудия труда.

Архитектурный ансамбль возводился, как правило, над одной могильной ямой, расположенной в центре. Погребальные сооружения прямоугольной или овальной формы. Глубина их варьирует от нескольких десятков сантиметров до полутора метров. Могилы имели каменные или деревянные бревенчатые перекрытия, однако, известны комплексы без перекрытий. Иногда встречаются усложненные конструкции. Так, на могильнике Курота в кургане № 1 на уровне погребенной почвы было обнаружено деревянное сооружение, состоящее из перекрытия могилы в виде ряда лиственничных бревен, огороженного, в свою очередь, рамой из длинных бревен, выложенных в форме пятиугольника (Киселев, 1951). Отмечены следы ритуального кострища и тризны над погребением (Берс, 1974).

Интересный случай зафиксирован в кургане 10 могильника Бике — 1. Здесь были три ритуальных захоронения голов лошадей, очевидно, связанных с погребальными комплексами (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990). В могилах наблюдается разная степень присутствия охры. Редкие ямы имели такие конструктивные особенности, как «подушки», заплечики, небольшие подбои, ниши для сосудов. Чаще всего в могилу помещали по одному погребенному. По подсчетам С.В. Цыба, 82% погребений было одиночных и 18% парных. Еще реже встречаются коллективные захоронения.

Большинство погребенных находилось в центре могильной ямы на спине, с ногами, установленными вверх коленями. Значительно реже встречаются скелеты в скор-

ченном положении на правом боку, а также в вытянутом положении на спине и на животе. Проводя реконструкцию погребального обряда носителей афанасьевской культуры, М.П. Грязнов пришел к выводу, что умерших располагали в сидячем положении, а затем укладывали в могилу на спину. Этим объясняется фиксируемая археологами поза погребенного в могильной яме. По справедливому замечанию Э.Б. Вадецкой, труп иногда мог падать на бок и исследователи зачастую определяют уже вторичную позу. На самом же деле, афанасьевцы укладывали умерших на бок чрезвычайно редко, как правило, детей (Вадецкая, 1980). Относительно положения на спине следует иметь в виду, что ноги первоначально могли быть слабо подогнуты. Под тяжестью земли они распрямлялись, сохраняя очень слабый изгиб в коленях. Такой, например, случай зафиксирован нами на могильнике Пещеркин Лог — I (Деревянко, Молодин, Маркин, 1987).

Ориентация погребенных достаточно устойчива — преимущественно на юго-запад, реже — на запад и в виде исключений — на северо-запад, восток, северо-восток, юго-восток, юг и север. Обильная и частичная окраска охрой присутствует в более половины всех исследованных погребений.

Афанасьевские кладбища обычно невелики. Правда, следует иметь в виду, что в Горном Алтае они пока не изучались полностью, не говоря уже о вскрытии всей территории памятника. Между тем, даже небольшой опыт масштабных раскопок в данном регионе выявил перспективность таких работ (Киреев, 1989).

Исследования последних лет, производимые О.В. Лариным на афанасьевских могильниках Горного Алтая, где он вел фронтальное вскрытие территории памятника, позволили выявить большое количество детских захоронений и ритуальных конструкций.

Погребальный инвентарь в захоронениях носителей афанасьевской культуры Горного Алтая достаточно

стандартен. Основное место в нем занимали глиняные сосуды, иногда до четырех в одном погребении. Сосуды размещались, как правило, в изголовье или в ногах погребенного. Остальные предметы из камня, кости, бронзы и золота представлены единичными экземплярами. Погребальный обряд афанасьевцев Горного Алтая и Минусинской котловины, практически, совпадает. Различием служит количество погребений в одной ограде — на Алтае одна, реже две могилы, а в Минусинской котловине их количество может быть и большим. Для Алтая характерны одиночные, реже две могилы, а в Минусинской котловине встречены коллективные усыпальницы чаще всего на двух человек, реже на 5—8 взрослых и детей, причем некоторые захоронения вторичные (Вадецкая, 1986).

В настоящее время известно два варианта культовых мест афанасьевцев. В районе с. Кара-Коба исследована каменная ограда диаметром 3,54 м, сооруженная из вертикально поставленных плит. В центре конструкции зафиксирована очажная яма. Здесь же обнаружены керамика, кости животных, остатки разложившегося бронзового предмета, костяное орудие. Второй комплекс в восточной части ограды представлял собой каменное сооружение в виде треугольника, в заполнении которого найдены фрагменты керамики и кости животных. Сходное по конструкции сооружение обнаружено на могильнике Урмулык (Суразаков, 1987).

Второй вариант афанасьевского святилища представлен памятником Кучерла—I. Здесь под скальным навесом обнаружены разновременные композиции петроглифов, о которых впервые упоминал П.П. Хороших. Осмотр места показал наличие мощных культурных напластований, примыкающих к скале и несомненно связанных с петроглифами. Проведенные на памятнике раскопки показали, что нижний, наиболее древний слой святилища относится к афанасьевской

культуре. В нем обнаружены следы кострища, кости животных. Встречены также керамика, несколько каменных и костяных предметов. Не исключено, что ранний пласт изображений (крупные фигуры маралов) принадлежит представителям афанасьевской культуры (Деревянко, Молодин, 1991). Таким образом, первый вариант святилища можно, видимо, связать с погребальными культами, второй — с производственной деятельностью.

Наиболее массовыми в афанасьевских комплексах являются керамические находки. Посуду изготавливали кольцевым ленточным способом. Как показал анализ, для изготовления керамики афанасьевцы использовали в качестве примеси песок, органические вещества (Ламина, Лобова, 1994). Характерной чертой технологии является заглаживание внешней и внутренней поверхности гребенчатым штампом. Можно сказать, что по технологии афанасьевская посуда весьма своеобразна. Ее изготавливали по одинаковым рецептам как для бытовых, так и ритуальных целей. Техника изготовления посуды из Минусинской котловины и Горного Алтая сходна (Цыб, 1989). По основным параметрам эта посуда резко отличается от инокультурной, в том числе окуневской (Иванова, 1968), а в условиях Алтая — керамики периода развитой бронзы.

По форме и размерам посуда весьма разнообразна, встречаются и миниатюрные и крупные сосуды, емкостью несколько десятков литров. По подсчетам С.В. Цыба, в афанасьевской керамической коллекции из Горного Алтая 50% составляют яйцевидные сосуды с острым дном, короткой профилированной шейкой, около 20% — круглодонные «реповидные» корчаги с шаровидным туловом, резко профилированной шейкой, около 15% плоскодонные горшки. Одна группа этой посуды представляет собой плавнопрофилированные кувшины, другая отличается от яйцевидных и

круглодонных плоской формой дна. На долю остальных 15% приходятся плоскодонные баночные сосуды и курильницы, весьма разнообразные по форме.

Основные принципы оформления афанасьевцами посуды проанализированы Д.В. Деопик и П.Е. Митяевым. Установлено, что: 1) орнаментом покрывалась большая часть поверхности; 2) на сосуде присутствуют две независимые части: зона венчика и зона плечика с туловом. Более сложный орнамент наносился в верхней части сосуда. Обе зоны семантически значимы. На плечике и тулове реализуется исходный для культуры орнамент, дающий сложные и простые производные; 3) шейка и придонная часть сосуда не являются семантически значимыми.

Керамику украшали сплошь оттисками гладкого или зубчатого штампа, которые образовывали ряды горизонтальной «елочки». В оформлении встречаются древовидные фигуры, ряды насечек или отпечатков разреженного гребенчатого штампа, арочный, шахматный узор, прочерченные линии и т.д. Венчик сосуда особо подчеркивался треугольным зигзагом, весьма характерным для алтайской керамики, а шейка — наклепными валиками. Таким образом, афанасьевскую посуду следует считать характерным культуродиагностическим источником. Металлические изделия, обнаруженные в афанасьевских комплексах Горного Алтая, немногочисленны, но их значение трудно переоценить. К сожалению, до сих пор эти находки не были подвергнуты анализу. Поэтому ученые называют их по-разному: одни — бронзовыми, другие — медными, третьи — меднобронзовыми. Между тем, вопрос этот принципиален, поскольку от его решения зависит установление возраста культуры. По нашему мнению, афанасьевцы были знакомы с бронзолитейным производством. Об этом свидетельствуют, во-первых, крупные черешковые ножи длиной 7,5 и 10 см из могильников Айрыдаш — 1 и Урмулык (Суразаков, 1987),

а также из Денисовой пещеры (длина 15 см), во-вторых, обломки литейных форм с поселения Аскат (Шульга, 1987), в-третьих, данные геологов, открывших у с. Владимировка Усть-Канского района древний карьер для добычи сульфида меди (Баженов, 1987). Здесь обнаружены шкура марала, деревянная орнаментированная дубинка, кайла из кости с каменным вкладышевым лезвием, валун, напоминающий молоток, клинья для отделения блоков, роговая основа с деревянными вставками и два каменных сверленных топора. Отнесение последних к афанасьевской культуре после того, как был найден полуфабрикат такого изделия в кургане 1 памятника Пещеркин Лог, не вызывает сомнений. Впервые об этом писал Л.Р. Кызласов, справедливо обосновав и назначение подобных предметов, как орудий горного дела. К орудиям горного дела, которые могли принадлежать носителям афанасьевской культуры, следует отнести каменный молот с деревянной рукоятю из Змеиногорска (Эйхвальд, 1856), аналогичный молоту с рудника на горе Безымянной, о котором упоминает Л.Р. Кызласов и А.И. Баженов.

Обнаруженные в Горном Алтае афанасьевские ножи, несмотря на их малочисленность, можно разделить на два типа — одно- и двулезвийные. Двулезвийные обоюдоострые ножи обнаружены в могильниках Айрыдаш—I, Урмулык и в Денисовой пещере. Они массивные, с коротким широким лезвием и характерным приостренным стержнем насада. Перед нами типичные образцы морфологически наиболее ранних изделий подобного рода, встречающиеся в памятниках энеолита и раннего металла Евразии. Два других ножа обнаружены в могильниках Усть-Куюм и Каракол—I. Они однолезвийные, достаточно миниатюрные, с коротким лезвием и длинным черешком-насадом. Нож из могильника Каракол—I приострен на конце. Подобные изделия известны в средне-

днепровской культуре
эпохи ранней бронзы.
Обломок кончика брон-
зового однолезвийного
ножа обнаружен в жили-
ще поселения байрыкс-

*Материалы афанасьевской
культуры.*

кого типа Венгерово — 3 (Молодин, 1977). Таким образом, бронзовые однолезвийные ножи появились уже в период ранней бронзы и, видимо, стали характерными для сибирских культур данного периода. Ножи обеих форм встречаются в комплексах развитой бронзы, но уже наряду с другими бронзовыми изделиями.

При раскопках Денисовой пещеры в слое 11, относящемся к афанасьевской культуре, обнаружен бронзовый кельт. Он трапециевидный, со слегка расширенным и закругленным лезвием, выполнен из тонкого бронзового бруска, обоюдоострый, без отверстий и пазов для крепления. Аналогичное изделие обнаружено в Михайловском поселении ямной культуры (Шапошников, 1985).

Четырехугольное шило-проколка обнаружено на памятнике Первый Межелик — I (Цыб, 1984). Остальные бронзовые предметы представлены украшениями в виде спиралевидных сережек в 1,5 — 2,5 оборота, пронизок, пластинок. Эти предметы, несомненно, типичны для афанасьевской культуры не только Алтая, но и Минусинской котловины. В целом же, весь бронзовый инвентарь характерен для культур энеолита — ранней бронзы огромной территории Евразии. Не являются чем-либо исключительным золотые серьги, дублирующие по форме бронзовые изделия.

Особый интерес представляют предметы, обнаруженные в погребениях афанасьевской культуры Алтая (браслет из погребения 6 Усть-Куюма) и отбойницы из Минусинской котловины (Вадецкая, 1986). Из литературы известно, что на р. Катунь у ручья Карбан было вскрыто афанасьевское погребение с железными пронизками-застежками (Каширин, 1989). Поскольку сами материалы, в том числе и полевая документация не опубликованы, оценить объективность данной информации сложно. Практически, все

исследователи считают афанасьевское железо метеоритным, хотя никаких анализов на этот предмет проведено не было. На наш взгляд, железо афанасьевцы получали как вторичный продукт, когда при медеплавильном производстве железная руда использовалась в качестве флюса. Это доказано археологическими исследованиями в Тимке, этнографическими в Иране и Африке, а также экспериментально. Наличие железных предметов в могиле свидетельствует об их редкости и уникальности. По данным В.А. Шнирельмана, железо еще в начале 2 тыс. до н.э. ценилось в Передней Азии в сорок раз дороже серебра. Косвенно данное предположение подтверждается наличием куска железной руды в одном из погребений могильника Каракол — 2 (Погожева, 1988).

При недостаточно развитой металлургии у афанасьевцев процветала каменная индустрия. В качестве исходного сырья использовались окремненные сланцы, яшма, кремнь и другие породы камня, которыми богат Алтай. Можно говорить о наличии выраженной пластинчатой техники расщепления камня. Подпризматические нуклеусы, ножевидные пластины широко представлены на поселенческих комплексах и в пещерах. Форма и размеры пластин различны. Изделия подрабатывали миниатюрной краевой ретушью. Из отщепов изготавливали разнообразные орудия. Наконечники стрел были миниатюрных пропорций. По форме они подразделяются на миндалевидные и ромбовидные с выемкой в основании и закругленным основанием, тщательно ретушированные. Очевидно, афанасьевцы пользовались простым луком.

В Денисовой пещере обнаружены наконечник дротика и обломок такого изделия. Орудия лавролистной формы с закругленным основанием, поверхность тщательно ретуширована. На этом же памятнике найдена серия ножей на отщепах подтреугольной формы, рабо-

чий край которых оформлен крупной двусторонней ретушью. Здесь же обнаружены скребки на крупных отщепах. Рабочая часть двух изделий дугообразная, обработана крутой непрерывной ретушью. Третий скребок имеет длинное прямое лезвие, образующее со второй обработанной гранью острый угол. Ретушь непрерывная, крутая, многорядная. Вообще, принципы обработки камня у афанасьевцев соответствуют культуре каменного века, что свидетельствует о глубоких традициях. В погребении могильника Пещеркин Лог — 1 обнаружены мастерски выполненные полированный каменный топор, долото, кинжал (Деревянко, Молодин, Маркин, 1987). Широко использовались в горном и военном деле каменные сверленные топоры. Из крупных каменных блоков и галек изготавливались разные многофункциональные терочники в виде фаллоса, кайла и другие орудия.

Как поделочный материал афанасьевцы широко использовали рог и кость. По данным С.В. Цыба в афанасьевских комплексах имеются костяные рукоятки, гончарные ножи, шилья. Роговые кирки найдены А.С. Суразаковым на могильнике Урмулык. Крупные двулопастные наконечники с фигурным черешком обнаружены в афанасьевском слое святилища Кучерла — 1 и в Денисовой пещере. В слое 11 последнего памятника найдены обломки черешков костяных наконечников и кость со следами обработки.

Остеологический материал, а также проанализированные выше предметы дают возможность говорить о хозяйственной деятельности носителей афанасьевской культуры. Главной отраслью экономики афанасьевцев Горного Алтая являлось, по мнению большинства исследователей, скотоводство при господствующей роли овцеводства. Такая система хозяйства была сезонно-подвижной, с постоянным выпасом скота в межгорных котловинах. Ю.Ф. Кирюшин справедливо предполагает

наличие у афанасьевцев перекочевков со стадом в летнее время на высокогорные пастбища. Такой способ ведения хозяйства, основанный на вертикальном (яйлажном) кочевании специалистами считается одним из самых ранних типов номадизма (Шнирельман, 1989). Подобное можно видеть у иранских луров. Кроме овец, афанасьевцы разводили крупный рогатый скот и, видимо, лошадей.

Что касается носителей афанасьевской культуры, обитавших в Минусинской котловине, то у них, по мнению Э.Б. Вадецкой, также было скотоводческое хозяйство, но с преобладанием крупного рогатого скота. С этим положением, на наш взгляд, трудно согласиться, поскольку поселенческие комплексы изучены в этом регионе крайне слабо и концепция автора, по сути, строится на косвенных данных.

Важное место в экономике афанасьевцев занимала охота. В условиях богатого зверем Горного Алтая этот вид промысла мог обеспечить мясом, шкурами, рогом. Охотились афанасьевцы на марала, косулю, реже лося, медведя, яка, сибирского горного козла, кулана. Значительное место отводилось собирательству. Здесь всегда было много трав, кореньев, ягод, грибов, которые древнее население могло использовать в пищу. О большой роли собирательства свидетельствуют обнаруженные на памятниках многочисленные каменные орудия типа терок, пестов.

Говорить о наличии земледелия у афанасьевцев сложно. Некоторые исследователи полагают, что оно существовало (Цыб, 1984). Однако, никаких свидетельств этого мы не имеем. Поэтому правильнее всего считать эту проблему открытой.

Одним из важнейших занятий афанасьевцев была добыча сырья для производства орудий. Они получали руду, необходимую для бронзолитейного производства, каменное сырье для изготовления орудий, охру для ритуальных церемоний.

Несомненно, особое место занимали такие домашние ремесла, как выделка кож, ткачество, обработка дерева, кости и рога. Рыболовством афанасьевцы тоже занимались, но оно было явно подсобным промыслом.

Материальная культура на афанасьевских памятниках Горного Алтая представлена практически только керамикой. При раскопках поселений Балыктуюль, Усть-Куюм, Малый Дуган получен большой комплекс каменных и костяных изделий. Но поскольку публикации материалов пока отсутствуют, а памятники эти многослойные, мы не имеем возможности охарактеризовать какие-либо категории орудий.

На поселении Тыткескень — 2, в третьем слое, вместе с большемысской керамикой обнаружены большое количество пластин, ножи с двусторонней обработкой, наконечники стрел, скребки, призматические нуклеусы, обломок медного (?) шила.

Важно подчеркнуть, что уже сейчас можно говорить, по крайней мере, о двух типах неафанасьевских памятников. С одной стороны, это группа поселений, где уже проведены значительные стационарные исследования — Балыктуюль, Усть-Куюм, Малый Дуган, Тыткескень — 2, с другой — Лебедь — I.

Посуда памятников первой группы представляет собой остродонные широкогорлые слабопрофилированные сосуды, выполненные из плотного теста хорошего качества. Она принципиально отличается от афанасьевской по рецептуре формовочной массы, а визуально — по примеси слюды. Сосуды средних пропорций, тонкостенные. Орнаментом покрыта вся поверхность. Венчики часто украшены треугольным зигзагом, аналогично афанасьевским. Тулово сосуда орнаментировано рядами гребенчатой качалки, прочерченными линиями, оттисками палочки (Степанова, Пугачев, 1989). Наиболее близкие аналоги прослеживаются с керамикой большемысской культуры равнинного Алтая, открытой Ю.Ф. Кирюшиным.

Керамический комплекс поселения Лебедь — I представлен своеобразными изделиями из теста с примесью песка и слюды (Лапшин, Молодин, Петрин, 1982). Сосуды кругло- и плоскодонные, слабопрофилированные. По шейке нанесены ряды «жемчужных» наколов. Орнаментом из рядов горизонтально разреженной «елочки», нанесенной длинным гребенчатым штампом, а также волнообразных зигзагов, выполненных прочерчиванием и отступающей палочкой, покрыта вся поверхность сосуда, включая дно. Аналоги данной посуде нам не известны, хотя морфологически, по форме и орнаменту, они, несомненно, относятся к эпохе ранней (возможно, развитой) бронзы. Материалы с поселения Лебедь — I ближе всего к керамике смирновского типа, выделенного В.В. Бобровым в Кузбассе. Можно предположить, что границы данного культурного образования охватывали северо-восточную часть Горного Алтая, которая географически входит в эту более северную зону Кузбасса и Салаира.

Таким образом, на территории Горного Алтая в период эпохи ранней бронзы фиксируются как минимум три культурных образования — афанасьевская и большемысская культуры, а также памятник Лебедь — I. Ареалы двух первых культур совпадают (памятники большемысской культуры локализируются в районе центральной части Горного Алтая). Памятник Лебедь — I обнаружен в северо-восточной части горной страны, но здесь пока не найдены памятники афанасьевской и большемысской культур, возможно, из-за слабой изученности региона.

Что касается хронологии афанасьевской и большемысской культур, то для ее определения следует привлечь данные по стоянке Усть-Куюм. Здесь, по стратиграфическим наблюдениям Г.П. Сосновского, под слоем афанасьевской культуры залегал горизонт с каменными орудиями (нуклеусами, скребками, ножевид-

ными пластинами, вкладышами и основами для них) и керамикой, отличающейся от афанасьевской. Эти материалы, как считает С.В. Киселев, близки кельтеминарским.

Охранные раскопки, проведенные на памятнике в 1986 г. археологами алтайского университета, снова зафиксировали залегание большемысской керамики под афанасьевской (Абдулганеев, Алехин, Иванов и др., 1988). Таким образом, можно предположить, что большемысская культура существовала на территории Горного Алтая раньше, чем афанасьевская. Наличие же в орнаментации большемысской посуды мотивов, характерных для афанасьевской, а также поселений, где афанасьевская и большемысская керамика встречены в одних, стратиграфически нерасчлененных слоях (Малый Дуган, Балыктуюль), свидетельствует о сосуществовании на определенном этапе большемысской и афанасьевской культур. Большемысская культура бытовала в Горном Алтае в начальный период ранней бронзы, затем в этом районе появились афанасьевцы, которые вступили в контакт с аборигенами. Датировать материалы поселения Лебедь — I пока крайне сложно. Проблемы возникновения афанасьевской культуры, ее внутренней периодизации, возможности существования локальных вариантов, наконец, хронологии до настоящего времени остаются остродискуссионными. Следует учесть, что с накоплением источниковой базы взгляды исследователей претерпевают известные изменения. В силу специфики данного издания мы не имеем возможности детально проанализировать все концепции. Коснемся лишь основных точек зрения, которые представляются нам на сегодняшний день наиболее убедительными.

Афанасьевская культура, по нашему мнению, сложилась в Центральной Азии — в северной части территории Монголии и Тывы. Ее формирование про-

исходило на основе местной неолитической культуры, свидетельство чему — блестяще исследованная В.А. Семеновым многослойная стоянка Тоора-Даш, на которой открыты и неолитические, и афанасьевские горизонты. Еще в 1980 г. автор раскопок указал сходные черты в форме и орнаментации неолитических сосудов с этой стоянки и афанасьевской посуды. О сходстве комплексов свидетельствуют, по мнению исследователей, и наличие в неолитических слоях каменных кольцеобразных сооружений от I до I,5 м в диаметре, связанных, вероятно, с погребальной обрядностью. Предлагаемая концепция противоречит миграционистской теории зарождения афанасьевской культуры в Восточной Европе, связывающей ее с племенами ямной культуры. Приверженцы этой теории считают, что носители афанасьевской культуры, двигаясь по степному и лесостепному коридору, достигли Горного Алтая и Минусинской котловины. В результате смешения с местными неолитическими племенами образовалась афанасьевская культура. В данной или несколько измененной форме эта концепция была сформулирована в трудах С.П. Теплоухова, С.В. Киселева, М.П. Грязнова, В.П. Алексеева, Э.Б. Вадецкой, С.В. Цыба, С.А. Семенова и других. В основе ее лежат следующие тезисы: 1) отсутствие корней афанасьевской культуры в местном неолите, 2) сходство материальной культуры и погребального обряда ямной и афанасьевской культур, 3) тождественность антропологического типа ямников и афанасьевцев, 4) наличие на промежуточной территории памятников, оставленных мигрантами, например, могильник Алабуга на р. Ишиме, исследованный Т.М. Потемкиной, 5) домашние животные, которые были у афанасьевцев, не могли быть domesticiрованы в Сибири, по крайней мере, данных таких нет (Ермолова, 1983).

Названные доводы выглядят убедительными, однако, все они не так уж неуязвимы, как это кажется на первый взгляд. Начнем с того, что корни афанасьевской культуры в неолите Тывы, на наш взгляд, очевидны. Сходство неолитической керамики стоянки Тоора-Даш и афанасьевской видно даже на рисунках.

Сходство материальной культуры ямной общности и афанасьевской не так заметно. Отметим, что разделение культуры на ряд локальных вариантов свидетельствует о различиях в самой ямной общности. Афанасьевские материалы наиболее сопоставимы с культурой степного Поднепровья, а не Волжско-Уральского междуречья, как это должно было бы быть по логике вещей. Отличия ямной и афанасьевской культур определяются разницей в типах домов, в конструкции очагов, в составе примесей в керамическом тесте, формах керамики (особенно существенно, что реповидная корчага известна только у афанасьевцев, а их яйцевидные сосуды своеобразны по соотношению высоты и наибольшего диаметра), в орнаментации (в афанасьевской культуре чаще орнаментировалась вся поверхность сосуда, тогда как в ямной — венчик и плечико, есть масса различий и в композициях), наконец, наличием у ямников оборонительных сооружений.

Принципиальные различия имеются в технике изготовления каменных орудий. Если в афанасьевской культуре Алтая продолжала бытовать пластинчатая индустрия, характерная для неолитических слоев Тоора-Даша, корни которой уходят в поздний палеолит региона, то для ямной общности характерна индустрия отщепа. Существенные различия имеются в погребальной обрядности представителей этих культур. Ямники сооружали, как правило, земляные курганы, а афанасьевцы — разнообразные каменные конструкции. В погребениях последних находят сгоревшие деревянные перекрытия и др. (Подольский, 1980).

Сходство отдельных черт инвентаря и погребальной обрядности можно объяснить конвергентным развитием эпохи раннего металла на территории Евразии. Сравнив формы сосудов с Волги, Тобола и Ишима, а также Енисея, В.Н. Логвин и С.С. Калиева убедительно показали тождество тенденции в эволюции форм посуды от энеолита до развитой бронзы в культуре срубно-андроновского пласта. Эта тенденция была отмечена нами с учетом сибирских материалов (Молодин, 1985). Корни эпохальных смен формы сосуда следует усматривать в кардинальных изменениях в хозяйстве, которые, в свою очередь, были обусловлены резкими климатическими переменами (Хотинский, 1977). Этим же следует объяснить и близость в уровне металлургического производства, и сохранение позиций каменной индустрии, и общность в изменении способа погребения. Предлагаемое нами объяснение представляется вполне убедительным и потому, что эпохальное сходство в различных нюансах культур прослежено не только на востоке, но и на западе.

Одним из основных аргументов миграционной теории являются данные антропологов. Значимость этих материалов в исторических и этногенетических построениях определяется тем, что на них не распространяется фактор историко-культурного заимствования, которому подвержены археологические, этнографические и лингвистические источники. Антропологические исследования доказали, во-первых, принадлежность афанасьевского населения к европеоидам (Дебец, 1932; Алексеев, 1961), во-вторых, его происхождение от мигрантов с запада и тождество ямному населению (Алексеев, 1989; Алексеев, Гохман, 1984). Казалось бы, комментарию излишни. Однако, обнаружение в Монголии краниологического материала, близкого афанасьевскому, вместе с афанасьевской посудой, позволило по-иному подойти к рассмотрению данной проблемы.

Принципиально важным подтверждением данного положения являются погребения эпохи бронзы, найденные китайскими археологами в Синьцзян-Уйгурском районе КНР, вплотную примыкающего с юго-запада к Горному Алтаю и с запада к Монгольскому Алтаю. Антрополог Хань Касинь установил, что антропологический материал по своим морфологическим характеристикам близок протоевропеоидным образцам. Более того, исследователь обнаружил сходство краниологических показателей одной из выделяемых им групп и афанасьевцев, с которой, по мнению автора, у населения, оставившего могильник, существовали тесные связи (Хань Касинь, 1986).

Говоря о промежуточных звеньях между ямной и афанасьевской культурами, отметим, что в последние годы открыто несколько новых культур, в частности, терсекская (А.А. Формозов, 1946; В.Н. Логвин, 1986), ботайская (В.В. Зайберт, 1985), на Южном Урале суртандинские памятники, исследованные Г.Н. Матюшиным. Севернее — это памятники аятского типа (Косарев, 1987), байрыкская культура, занимающая огромные пространства лесостепей и южно-таежной зоны, включая Минусинскую котловину, бобрыкинские памятники. В материалах всех этих культурных образований можно найти массу черт (в форме и орнаментации керамики, в бронзовом инвентаре, каменной индустрии, погребальном обряде), сходных с ямной, и афанасьевской культурами. Выше мы уже вскрыли причину этого. Наличие вышеперечисленных энеолитических культур на территории между Горным Алтаем и самыми восточными ямниками Оренбуржья делало путешествие с запада на восток со стадами, женщинами, детьми и престарелыми — малореальным.

Что касается тезиса Н.М. Ермолаевой об отсутствии в Южной Сибири предков domesticiрованных форм животных, то, как показывают исследования на посе-

лении Ботай, это не так. Доместикация лошади происходила в районе Северного Казахстана в эпоху энеолита. Кроме того, в Средней Азии и Северном Китае овца была domestiцирована уже в эпоху неолита. В этой связи уместно вспомнить, что к одному из центров доместикации проса академик Н.И. Вавилов относил горные районы Монголии (Вавилов, 1967). Ряд исследователей считает возможным относить Монголию к одному из центров доместикации растений и животных в Восточной Азии, что прекрасно согласуется с предлагаемой нами концепцией о центрально-азиатском происхождении афанасьевской культуры.

Завершая полемику о происхождении афанасьевской культуры, хотелось бы сделать несколько общих замечаний. Носители ямной культуры были не только скотоводами, но и земледельцами. Им было известно рало. Вынудить земледельца к миграции могли только чрезвычайные обстоятельства. Предположим, что такие причины вдруг возникли, но в таком случае непонятно, почему мигранты выбрали для своего существования горную страну, экологически абсолютно отличную от той, в которой они бытовали. Ведь горы, по меткому выражению Л.С. Клейна, служили «стенками котлов», из которых выплескивались миграции. Исследователь справедливо полагает, что понто-каспийский степной район в силу наличия огромных пастбищных угодий с неиссякаемыми ресурсами не мог стать таким «котлом», не было причин (Клейн, 1974). Таким образом, нам представляется, что «миграционная» теория происхождения афанасьевской культуры не имеет убедительных аргументов для существования.

Распространение афанасьевцев из центра формирования культуры, которыми являлись Северная Монголия, Китай, а также Тыва, на север в Горный Алтай и Минусинскую котловину шло, видимо, двумя пото-

ками. В конечном итоге, это способствовало сложению двух локальных вариантов культуры: восточного – минусинского и западного – горно-алтайского. Об этом свидетельствуют, прежде всего, антропологические источники. По данным В.П. Алексеева и И.И. Гохмана, по расовому типу минусинские и горно-алтайские афанасьевцы едины, но последние отличаются массивностью черепа и шириной лица (Алексеев, Гохман, 1984). Это, в целом, подтверждено Т.А. Чикишевой, исследовавшей афанасьевские черепа из северо-западной части Горного Алтая. Некоторые различия (в посуде и погребальном обряде) афанасьевской культуры в Горном Алтае и Минусинской котловине отмечали М.П. Грязнов и Э.Б. Вадецкая. Правда, с накоплением источников по Алтаю масштаб различий существенно уменьшился. В погребальном обряде, тем не менее, отличия фиксируются. Характерной чертой алтайской афанасьевской культуры является наличие «кромлев». Некоторые региональные особенности можно видеть и в инвентаре. Так, в Минусинской котловине в погребениях пока не обнаружены бронзовые ножи, что объясняется, вероятно, своеобразием погребальной обрядности. Здесь не найдено и каменных сверленных топоров, довольно широко представленных в Горном Алтае, в том числе в комплексе. Кстати, эти изделия, обнаруженные на памятниках эпохи бронзы в Северо-Восточном Китае (Ларичев, 1961) ярко демонстрируют традиционность культурных связей обитателей данного региона с афанасьевцами Монголии и Горного Алтая, которые имели место и в последующие периоды эпохи бронзы (Окладников, 1952).

Остродискуссионной сегодня остается проблема внутренней периодизации афанасьевской культуры. Дело в том, что мы не располагаем данными стратиграфических наблюдений или хотя бы предметами, позволяющими достаточно узко датировать комплекс. В результате, в своих построениях исследователи вы-

нуждены основываться на признаках, которые даже в комплексе не могут выступать как узко датирующие. Так, М.Д. Хлобыстиной выделены памятники арагольского типа, а С.В. Цыбом разработана внутренняя периодизация культуры. Экстраполяция данной периодизации на весь ареал распространения культуры выглядит еще более неудачно, поскольку памятники, относимые им к абаканскому, наиболее позднему варианту, на самом деле принадлежат окуневской культуре, о чем неоднократно писали Г.А. Максименков, Л.А. Иванова и В.П. Алексеев (Максименков, 1965; Иванова, 1966; Алексеев, 1961). Таким образом, данную проблему следует считать открытой.

Отсутствие датирующих вещей затрудняет разработку хронологии культуры. Более 20 радиоуглеродных дат для находок из афанасьевских погребений дают колоссальный разброс — от IV до I тыс. до н.э. Несовершенство данного метода для датировки голоценовых памятников общеизвестно, поэтому вряд ли целесообразно основываться на них при разработке хронологии. Общие тенденции развития культур Евразии, которые зафиксированы в последнее время в ряде обобщающих работ, позволяют определить хронологические рамки культуры концом IV — началом II тыс. до н.э.

Несколько слов необходимо сказать о концепции сохранения афанасьевской культуры в Горном Алтае до скифского времени. Этот тезис впервые был выдвинут М.П. Грязновым и получил неожиданно широкую поддержку у специалистов. Думается, что идея эта возникла в силу слабой изученности Горного Алтая. В настоящее время, когда на данной территории открыты памятники развитой и поздней бронзы, в том числе и стратифицированные (Молодин, 1987), где культурные слои эпохи бронзы перекрывают афанасьевские, несостоятельность данного тезиса очевидна и не нуждается в детальном разборе.

Эпоха развитой — бронзы

Период развитой бронзы Горного Алтая только начинает по-настоящему исследоваться. Поселенческие объекты этого времени были впервые открыты А.П. Погожевой. На поселении Кара-Тенеш ею обнаружен своеобразный комплекс керамики, украшенной оттисками отступающе-гребенчатого и разреженного гребенчатого штампа. Эти изделия отличаются от афанасьевской посуды и отнесены к самусьско-сейминской эпохе (Погожева, Молодин, 1980). На поселении Усть-Куюм с аналогичной керамикой проводит исследования Н.Ю. Кунгурова. Она справедливо определяет материалы как елунинские. При раскопках Денисовой пещеры керамика эпохи развитой бронзы была обнаружена в четко стратифицированном слое 10 (Молодин, 1986).

Могильники периода развитой бронзы представлены курганом у с. Озерное (Погожева, Кадиков, 1979; Суразаков, 1982), Каракольским могильником (Кубарев, 1987), поздними погребениями памятников Усть-Куюм, Беш-Озек (Кубарев, Ларин, Суразаков, 1992), Школьный — I, II в с. Озерное (Кубарев, Соенов, Эбель, 1992), Бертек — 58. Не исключено, что к эпохе бронзы следует относить ряд погребений из могильника Узун-тал I—VIII (Савинов, 1973), безинвентарных и поэтому трудно датируемых, а также погребение у с. Ело (Мамадаков, Цыб, 1991).

Эпохе бронзы несомненно принадлежит несколько памятников первобытного искусства: великолепная плита из Озерного (Молодин, Погожева, 1990), стелы окуневского типа в Куруузеке (Кубарев, 1980), а также каменная «голова» с р. Елангаш и обломок изваяния из окрестностей р. Ини в Онгудайском районе. В.Д. Кубарев справедливо датирует эти памятники

ки доскифским временем и указывает на аналогии второго изваяния окуневским стелам. Возможно, к эпохе бронзы следует относить стелы и ряд композиций петроглифов из Калбак-Таша, с р. Чаганки.

К эпохе бронзы относится ряд случайных находок — бронзовые ножи-кинжалы срубно-андроновского типа, кинжал из Змеиногорска, рукоять бронзового ножа с навершием в виде головы лошади из окрестностей с. Усть-Мута, бронзовые топоры новосвободенского типа.

Поселенческие материалы, как и напластования Денисовой пещеры, не дали пока возможности судить о конструктивных особенностях жилищ, очагов и хозяйственных комплексов эпохи развитой бронзы. К сожалению, пока остаются неопубликованными материалы памятника Усть-Куюм, где проведены широкомасштабные раскопки.

Значительно больше мы можем сказать о погребальном обряде этого населения, опираясь, прежде всего, на великолепные материалы монографически изданного могильника Каракол (Кубарев, 1988), а также находки в Озерном, Усть-Куюме и др.

Курганы Каракола и окрестностей Озерного существенно пострадали от деятельности человека и были сильно разрушены. Стратиграфические данные, которые позволили бы установить синхронность или разновременность сооружений (а это принципиально важно для кургана 2 могильника Каракол, где обнаружены афанасьевское и три захоронения эпохи бронзы), отсутствуют. Скорее всего, у оставившего эти памятники населения было принято насыпать земляные курганы, как это зафиксировано в Озерном (Погожева, Кадиков, 1980), а также подхоранивать усопших в насыпи афанасьевских курганов. В могильнике Усть-Куюм погребения находятся в грунтовых ямах и каменных ящиках (Берс, 1974). Особенно показателен

тельные погребения 17 могильника Усть-Кулом в каменном склепе и 3, 4 могильника Первый Межелик—I, где безинвентарные, а потому не датированные могилы в каменных ящиках были впущены в центр афанасьевских сооружений (Кирюшин, Абдулганеев, Цыб, 1986). Были, вероятно, грунтовые захоронения и даже целые могильники, о чем свидетельствуют погребение 5, обнаруженное Кубаревым В.Д. на западной окраине с. Каракол (Кубарев, 1988), а также захоронения с квадратной оградкой в могильнике Школьное—I. Погребения представляют собой грунтовые ямы, куда вставлялись каменные прямоугольные ящики. Количество плит, из которых сооружался погребальный саркофаг, разное. Подпрямоугольные, тщательно ограненные плиты плотно подогнаны друг другу. В отдельных случаях перекрытие сделано из плоских блоков, края которых выступают за пределы ящика (Кубарев, 1988).

Некоторые каменные ящики изнутри покрыты великолепными изображениями животных, птиц и антропоморфных существ. Иногда можно видеть и целые композиции. Рисунки часто перекрывают друг друга. Они выполнены в разной технике — выбивкой, гравировкой и полихромными красками (Кубарев, 1987; 1988). Могильные ямы ориентированы по линии запад-восток. В заполнении фиксируется охра, а также остатки дерева и бересты. Погребенные, как взрослые, так и дети, находятся на спине, в вытянутом положении, головой на запад (Кубарев, 1988). В Каракольском могильнике обнаружено ярусное погребение двух взрослых мужчин. На черепах погребенных зафиксированы следы красной и черной краски. Инвентарь в могильниках неоднороден. Так, в каракольских погребениях найдена лишь заготовка каменного оружия, в Озерном — сосуд, литейная форма, бронзовый нож (?), украшения из когтей медведя (Берс, 1974).

Можно сказать, что, в целом, описанный погребальный обряд достаточно своеобразен, и отличается как от предшествующего афанасьевского, так и последующего, майэмирского. Наиболее близкие аналогии ему прослеживаются в окуневской культуре Минусинской котловины. Их сближает наличие захоронений в каменных ящиках и тождественные изображения на стенках, конструкция могил, ярусность захоронений, раскраска черепов. Однако, о полном тождестве говорить все же не приходится. Определенная близость (вытянутая поза погребенных, неровность дна могильной ямы, ярусность, раскраска черепов) прослеживается с эпохально синхронными памятниками кротовской культуры (Молодин, 1985).

Видимо, к памятникам анализируемого круга следует отнести и отдельные монументальные стелы с чашечными углублениями на них и резными изображениями людей и животных, обнаруженные В.Д. Кубаревым на р. Теньге и Калбак-Таше. Исследователь полагает, что первоначально эти сооружения стояли в древних святилищах. Серединой II тыс. до н.э. датировал подобные памятники в одной из своих последних работ академик А.П. Окладников.

Одним из диагностирующих признаков анализируемых материалов является керамика. В нашем распоряжении есть достаточно представительный комплекс из слоя 10 Денисовой пещеры и сосуд из могильника Озерное. Керамические изделия плоскодонные, баночной формы. В качестве примеси в тесте для посуды из пещеры использовался песок. Присутствуют вкрапления слюды. Сосуды украшали горизонтальными рядами отступающей гребенки, край венчика — волнистым налепом. По всем параметрам они сопоставимы с посудой кротовской и елунинской культур равнинного Алтая и вообще с керамикой самусьско-сейминского культурно-исторического пласта (Коса-

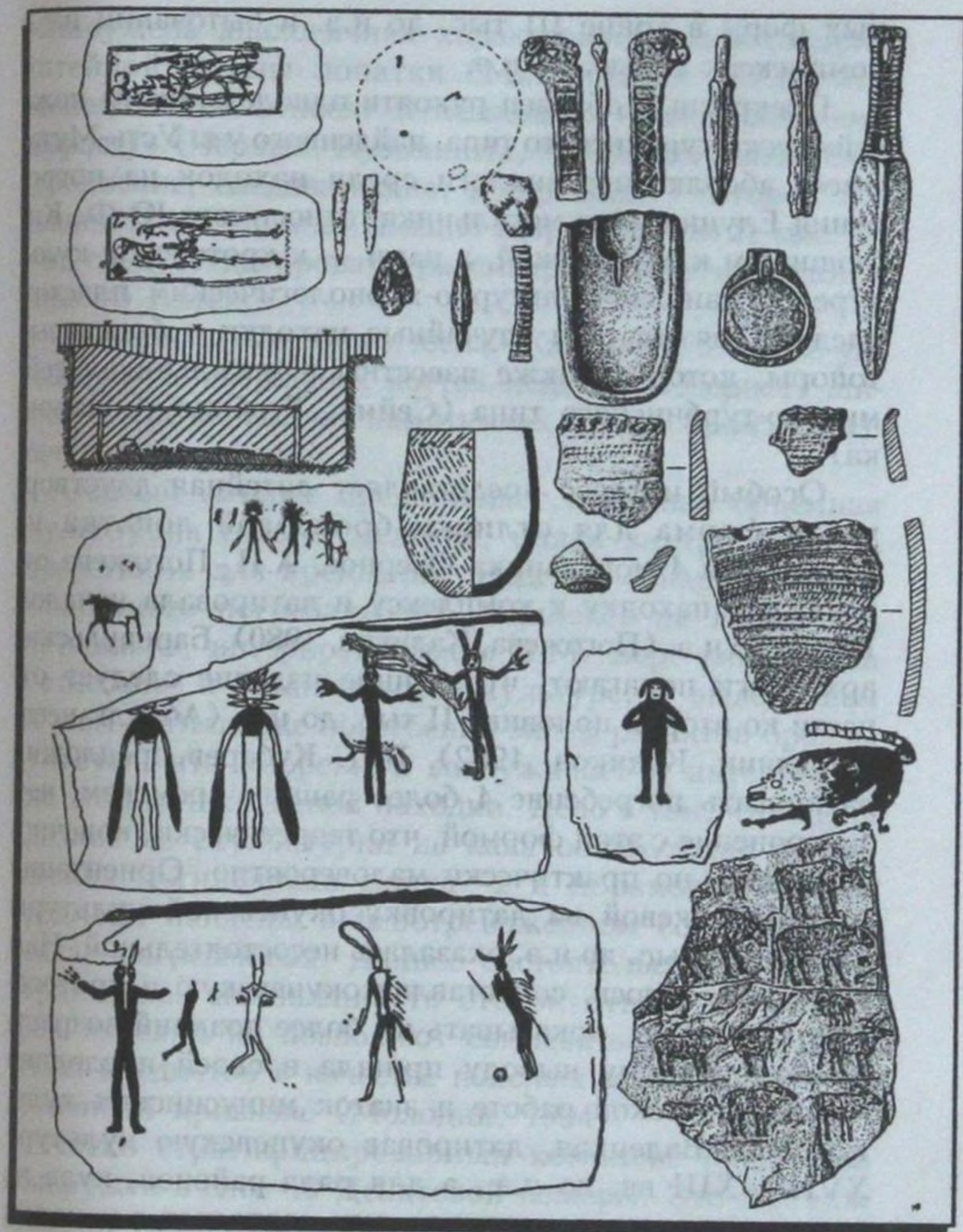
рев, 1987). Сосуд из Озерного несколько отличается от посуды из Денисовой пещеры. Он небольших размеров, плоскодонный, баночной формы, с несколько одутловатым в нижней части туловом. Венчик украшен горизонтальными рядами ямочных наколов, а все тулово — поясками из «елочных» зигзагов. Посуда сходных форм известна в окуневской культуре. Интересно отметить, что сосуды с подобной профилировкой тулова найдены в кротовском могильнике Сопка — 2 (Молодин, Лапина, 1987).

Объяснить различия рассматриваемых керамических комплексов пока сложно. Они обусловлены либо принадлежностью комплексов к разным археологическим культурам, либо функциональными особенностями конкретных сосудов окуневской и кротовской культур, где поселенческая и погребальная посуда несколько различается между собой. Это прослежено нами в могильниках кротовской культуры и позволило сделать вывод об эпохальной черте, характерной для данной общности в целом (Молодин, 1988).

Два бронзовых ножа обнаружены в комплексах Озерного и Куюмского могильников. Второй из них — однолезвийный черешковый с острым концом. Изделия подобных форм представлены в памятниках эпохи развитой бронзы Сибири (Матющенко, 1973).

Кинжалы срубно-андроновского типа, найденные в различных местах Горного Алтая, не противоречат предлагаемой датировке комплексов периодом развитой бронзы. Более того, подобные предметы обнаружены во всех без исключения сейминско-турбинских могильниках — Сейме, Турбино, Решенском и Ростовке. Широко представлены они и в кротовском могильнике Сопка — 2.

Бронзовый кинжал из Змеиногорска имеет абсолютные аналоги в коллекции из кротовского могильника Сопка — 2 (Молодин, 1986). Датируя эти кинжалы второй третью II тыс. до н.э., мы ориентируемся на

среднеазиатские парал-
лели, которые свиде-
тельствуют о возникно-
влении изделий подоб-

*Материалы эпохи развитой
бронзы.*

ных форм в конце III тыс. до н.э. и бытовании их в комплексах II тыс. до н.э.

Прекрасный образец рукояти однолезвийного ножа сейминско-турбинского типа, найденного у с. Усть-Мута, имеет абсолютные аналоги среди находок из погребения Елунинского могильника, относимого Ю.Ф. Кирюшиным к елунинской, а нами — к кротовской культуре. С данным культурно-хронологическим пластом следует связывать и случайные находки — бронзовые топоры, которые также известны в могильниках сейминско-турбинского типа (Сейма, Турбино, Соколовка).

Особый интерес представляет литейная двустворчатая форма для отливки бронзовой лопатки из погребения 4 могильника Озерное. А.П. Погожева отнесла эту находку к комплексу и датировала началом II тыс. до н.э. (Погожева, Кадилов, 1980). Барнаульские археологи полагают, что данное изделие следует отнести ко второй половине II тыс. до н.э. (Абдулганеев, Кирюшин, Кадилов, 1982). В.Д. Кубарев предложил датировать погребение 4 более ранним временем, чем захоронение с этой формой, что теоретически, конечно, возможно, но практически маловероятно. Ориентация А.П. Погожевой на датировку окуневской культуры началом II тыс. до н.э. оказалась несостоятельной. Нам уже приходилось, сопоставляя окуневскую и кротовскую культуры, доказывать их более поздний возраст. К аналогичному выводу пришла в своей последней монографической работе и знаток минусинских культур Э.Б. Вадецкая, датировав окуневскую культуру XVIII—XIII вв. до н.э., а для ряда районов, куда не дошли андроновцы, верхняя дата совпадает с началом карасукской культуры. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых склонны датировать сейминско-турбинский феномен, на котором базируется фактически вся абсолютная хронология культур эпохи бронзы Евразийской части РФ — XVII—XVI вв. до н.э. Самусь IV, где

обнаружена аналогичная характеризируемой створка литейной формы лопатки (Матюшенко, 1973), эти исследователи относят к несколько «более позднему возрасту» (Черных, Кузьминых, 1987), чем сейминско-турбинские, следовательно, к середине — второй половине II тыс. до н.э. Именно второй третью II тыс. до н.э. следует датировать рассматриваемые памятники Горного Алтая.

Заготовки каменного тесла (Каракол), а также украшения из сверленных когтей медведя (Озерное) широко встречаются на памятниках эпохи бронзы различных территорий.

Особый интерес представляет каменная объемная скульптурка головы медведя, полая внутри с тремя отверстиями для крепления. Изделие обнаружено вне конкретного погребального комплекса на Куюмском могильнике, интерпретировано Е.М. Берс как льячка и отнесено к афанасьевской культуре. С выделением на этом могильнике погребений эпохи развитой бронзы думается, что коррекции заслуживает и интерпретация этой великолепной находки. Дело в том, что очень близкие ей скульптурки из капа обнаружены в кротовских могильниках Сопка—2 и Абрамово—II. Эти предметы найдены в неповрежденном состоянии на поясах погребенных. Данное обстоятельство, а также характерная изношенность стенок отверстия у всех трех изделий не позволяют сомневаться ни в назначении предметов в качестве поясных пряжек, ни в их временной привязке (Молодин, 1994).

Четко стратифицированный комплекс предметов обнаружен в слое 10 Денисовой пещеры. Это обломок створки литейной формы из белого известняка для отливки височного кольца. Форма двустворчатая. Металл заливался в специальное отверстие, находящееся в торце. Данное изделие оригинально. Височные кольца, которые в нем отливались, характерны для многих культур эпохи развитой и поздней бронзы, в том числе

для окуневской и кротовской (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980; Молодин, 1985).

Каменные орудия представлены тремя массивными черешковыми наконечниками стрел, изготовленными из яшмы. Подобные изделия также хорошо известны по находкам из памятников разных культур эпохи развитой бронзы Евразии, в том числе самусьской, окуневской и кротовской, и свидетельствуют о наличии у их носителей сложного, усиленного лука.

Из костяных орудий обращают на себя внимание массивное острие, служившее, очевидно, проколкой для шкур, оригинальные наконечники стрел с четырехугольным в разрезе пером. Два изделия имеют выраженный упор и приостренный насад. Абсолютные аналоги данным предметам имеются только среди находок из кротовских погребений могильника Сопка—2 и Староалейка—II (Молодин, 1985; Кирюшин, 1987). Замечателен костяной игольник, выполненный в виде гофрированной трубочки с характерным отверстием в центре. Аналоги ему мы находим опять же в кротовских захоронениях на памятнике Сопка—2 (Молодин, 1987), а абсолютные аналоги — в захоронениях эпохи бронзы могильника Шумилиха.

Украшения представлены пастовой бусиной, нашивками из зуба марала и раковин. Эти изделия были весьма популярны у носителей культур середины II тыс. до н.э. на обширной территории, в том числе и в Западной Сибири.

На плитах могильников Озерное и Каракол обнаружены великолепные образцы первобытного искусства. Это изображение лосей, козлов, птицы, антропоморфных «солнцеголовых», «быкоголовых», «фаллосоголовых» фигур, а также людей в масках. Рисунки выполнены точечной выбивкой, гравировкой и красками. Их хронологии мы коснемся ниже, здесь же необходимо отметить, что благодаря находкам в Караколе В.Д. Ку-

бареву удалось датировать ряд писаниц Горного Алтая. Думается, что в свое время мы с академиком А.П. Окладниковым допустили ошибку, датировав рисунки Турачакской писаницы эпохой позднего неолита (Окладников, Молодин, 1978). Иконографически они чрезвычайно близки каракольским, к тому же нанесены красной охрой. Следует изменить точку зрения на их хронологию и потому, что недавно в Турачаке Е.П. Маточкиным обнаружены новые рисунки, выполненные в прежней манере, но с изображением быка, лося, знака в виде креста (Маточкин, 1986; Молодин, Маточкин, 1992; Молодин, 1993). Абсолютные аналоги подобным изображениям есть среди памятников окуневского искусства в Минусинской котловине и среди каракольских рисунков.

Говорить о хозяйстве носителей рассматриваемой культуры пока чрезвычайно сложно ввиду отсутствия данных по поселенческим комплексам. Базируясь на косвенных данных (рисунки на писаницах и стелах могильников), можно предположить существование комплексного хозяйства, в котором господствовало разведение крупного рогатого скота, а подсобную роль выполняла охота на лося, марала, козла и медведя. Открытие металлических орудий и литейных форм указывает на развитость бронзолитейного производства.

Остановимся на проблеме хронологии и культурной принадлежности рассматриваемых памятников. Имеющиеся в нашем распоряжении данные стратиграфических наблюдений (впущенные могилы в афанасьевские курганы, стратиграфия голоценовых слоев Денисовой пещеры, где слой 10 литологически четко отличается от афанасьевских и лежит под ними) не позволяют сомневаться в относительной хронологии обсуждаемых памятников — они, несомненно, моложе афанасьевских. Пока мы располагаем лишь одним датирующим предметом из комплекса могильника Озер-

ное — створкой литейной формы для лопатки, что позволяет датировать данный памятник, а по аналогии с ним и остальные, второй третью II тыс. до н.э. Этой дате не противоречат и случайные находки — бронзовые предметы с территории Горного Алтая. Предлагаемую датировку подтверждают аналогии погребального обряда и отдельных рисунков с памятниками окуневской культуры, которая датируется XVIII—XIII вв. до н.э.

В.Д. Кубаревым, в целом, верно определена последовательность нанесения изображений на саркофаги каракольского могильника. Однако, между выявленными хронологическими пластами, конечно же, не стояли столетия, как он считает. Корреляция отдельных деталей (например, бычьи рога) фигур, выполненных в различной технике, иконографическая близость изображений (например, поза антропоморфной фигуры в фас с расставленными рогами), наконец, сочетание разных техник исполнения (гравировка и живопись, гравировка и выбивка) одного рисунка позволяет отнести все эти изображения к единому культурно-хронологическому пласту. Другое дело, что, как справедливо отмечает первооткрыватель памятника, полихромные композиции были нанесены в последний перед погребением момент и имеют к этому событию непосредственное отношение (Кубарев, 1988). Очень жаль, что по непонятным причинам на прорисовках плит саркофагов отсутствует изображение красной полосы, оконтуривающей верхний край ящика, о которой повествует автор в тексте. Ее наличие делает несомненной связь полихромной живописи с погребением. Исходя из вышесказанного, каракольский могильник следует датировать не началом, а второй третью — концом II тыс. до н.э. Тот факт, что на территории Горного Алтая рассматриваемая эпоха сменяется культурой поздней поры бронзового века, о которой речь пойдет ниже, а андроновцы (федоровцы) вряд

ли проникали на экологически чуждую им территорию, верхний хронологический предел данных памятников следует ограничивать X в. до н.э.

Сегодня пока нельзя точно определить, относятся ли погребальные и поселенческие памятники Горного Алтая к одной культуре или разным образованиям. Этот вопрос следует считать открытым. В.Д. Кубарев считает возможным связывать каракольский памятник с локальным вариантом окуневской культуры. Однако, различия между каракольскими и окуневскими памятниками столь существенны, что даже не имея антропологических определений черепов из Каракольского могильника, можно с уверенностью говорить о самобытности запечатленной в нем культуры. Ее мы предлагаем назвать каракольской по наиболее яркому объекту.

Говорить о генезисе данной культуры без антропологических заключений сложно, да и слишком мал находящийся в нашем распоряжении материал. На лицо самобытность данной культуры среди хронологически близких ей образований Евразии. Можно лишь предположить, что рассматриваемая культура сложилась в результате синтеза пришлых в Горный Алтай афанасьевцев с аборигенами — большемысцами.

На юге Горного Алтая недавно открыты два памятника (культовый комплекс и могильник), содержащие оригинальные материалы эпохи развитой бронзы. Они позволяют предполагать наличие здесь нового, ранее неизвестного культурного образования. Комплексы керамики Кучерла—I (Деревянко, Молодин, 1991) и кургана Бертек—56 (Молодин, 1993) тождественны и, несмотря на малочисленность, могут считаться культуродиагностирующими. Оригинальный погребальный обряд свидетельствует о существовании в данном регионе особой археологической культуры сейминско-турбинского времени. Об этом же говорят находки предметов на территории южной части Горного Алтая (Киреев, Кудрявцев, 1988), Монголии (Чер-

ных, Кузьминых, 1989) и Китая (Заднепровский, 1992), а также керамика и погребальные конструкции Восточного Казахстана (Черников, 1960).

Орнаментация керамики заставляет предполагать, что данная культура сложилась на местной основе преимущественно на базе афанасьевской культурной традиции.

В северо-западной части Горного Алтая в десятом слое Денисовой пещеры обнаружена характерная керамика, весьма напоминающая кротовскую и елунинскую. Елунинская посуда обнаружена недавно и на средней Катунь (Киришин, Кунгуров, Долинин и др., 1992). Скорее всего, носители данной культуры были вытеснены с территории равнинного Алтая в горы в результате давления андроновцев (Молодин, 1992).

Таким образом, очевиден вывод, что в эпоху развитой бронзы карта Горного Алтая выглядела достаточно мозаично.

Эпоха поздней — бронзы

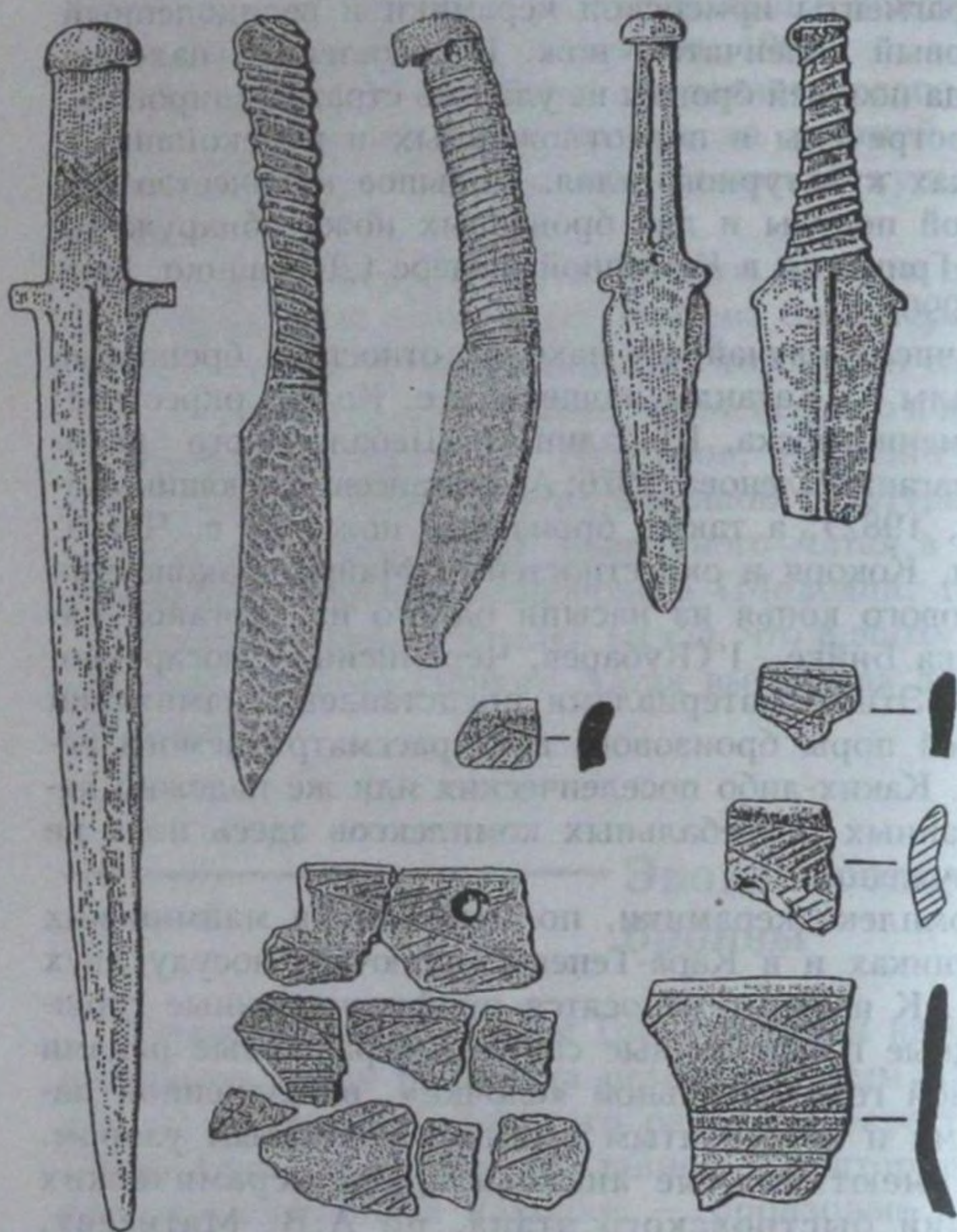
Период поздней бронзы Горного Алтая известен в настоящее время по весьма незначительным материалам из пещер Усть-Канского района и окрестностей Горно-Алтайска. Ранее на данной территории были сделаны случайные находки — бронзовые ножи и кинжалы данного периода.

К поселенческим комплексам следует отнести ирменскую и корчажкинскую керамику, обнаруженную на памятниках Майма — VII, Майма — XII (Киреев, Кудрявцев, 1988; Киреев, Кочеев, 1988). Фрагменты керамики, напоминающие корчажкинскую, найдены А.П. Погожевой при раскопках многослойного поселения Кара-Тенеш.

При исследовании Денисовой пещеры обнаружены фрагменты ирменской керамики и великолепный бронзовый коленчатый нож. К сожалению, находки периода поздней бронзы не удалось стратифицировать. Они встречены в переотложенных и перекопанных участках культурного слоя. Большое количество ирменской посуды и два бронзовых ножа обнаружены Ю.В. Гричаном в Каминной пещере (Деревянко, Гричан, 1990).

К числу случайных находок относятся бронзовые кинжалы из Катанды, пещеры у с. Келей, окрестностей Змеиногорска, Шебалино и Шебалинского района, Улагана (Членова, 1976; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982), а также бронзовые ножи из с. Черга, Чемал, Кокоря и окрестностей с. Майма, наконечник бронзового копья из насыпи одного из курганов памятника Бийке—I (Кубарев, Черемисин, Слюсаренко, 1992). Этими материалами представлены памятники поздней поры бронзового века рассматриваемого региона. Каких-либо поселенческих или же надежно датированных погребальных комплексов здесь пока не обнаружено.

Комплекс керамики, полученный на майминских памятниках и в Кара-Тенеше, включает посуду двух типов. К первому относятся профилированные горшковидные плоскодонные сосуды, украшенные рядами крупной горизонтальной «елочки», выполненной насечками и гребенчатым штампом, сетчатым узором. Они имеют прямые аналоги среди керамических изделий быстровского этапа, по А.В. Матвееву, или корчажкинской культуры, по Ю.Ф. Кирюшину и А.Б. Шамшину. Посуда второго типа (кроме найденной в Кара-Тенеш) выполнена из темно-серого хорошо отмученного теста. Ее внешняя поверхность часто залощена, со следами ангобирования. Сосуды круглодонные и плоскодонные, плавно профилированные. Орнамент нанесен по венчику и плечам. Верхняя часть сосудов украшена цепочкой штрихованных и неор-

*Материалы эпохи поздней
бронзы.*

наментированных ром-
бов, а тулово — свисаю-
щими вниз штрихован-
ными равнобедренны-
ми треугольниками. По

всем параметрам (форма, орнаментация и рецептура формовочной массы) керамические изделия близки между собой и абсолютно аналогичны материалам ирменской культуры как равнинного Алтая, так и более отдаленных на запад и восток территорий.

Бронзовые ножи, обнаруженные в Денисовой пещере и в районе с. Улус-Черга, относятся к разряду коленчатых ножей карасукского типа, к группе семь по типологии Н.Л. Членовой. Интересно, что подобные ножи обнаружены и в Монголии. Изделия, найденные в Чемале (?) и Кокоре, относятся к группе девять по Н.Л. Членовой, хотя, возможно, имели зооморфное навершие. Что касается ножа из окрестностей Маймы, то он весьма своеобразен, и более всего напоминает нож из Минусинской котловины, хотя майминский имеет орнаментированную рукоять.

Бронзовые кинжалы с территории Горного Алтая относятся к карасукским и карасук-майэмирским образцам.

О хозяйстве носителей рассматриваемых культур на территории Горного Алтая судить пока не представляется возможным ввиду отсутствия источников.

В целом, период поздней бронзы региона представлен памятниками корчажкинской и ирменской культур. Носители первой, видимо, не только активно осваивали предгорья Алтая, но и проникали далеко в глубь гор, по крайней мере, до района Кара-Тенеша. У корчажкинцев, вероятно, преобладал скотоводческий уклад, хотя большое место в экономике занимала и охота. Таежная зона Горного Алтая была им близка, поскольку данная культура тяготеет к таежным массивам Приобских ленточных боров. Насколько активно освоили племена данной культуры характеризуемый регион сказать трудно.

Хронология быстровских и корчажкинских памятников определяется ее исследователями — А.В. Матвеевым — XII—XI и А.Б. Шамшиным — XII—X вв. до н.э. Временем существования ее на данной террито-

рии следует считать XI—X вв. до н.э. Носители ее, будучи пришлыми в Горном Алтае, могли какое-то время сосуществовать с носителями выделяемой нами каракольской культуры эпохи развитой бронзы.

В IX—VIII вв. до н.э. в Горный Алтай, освоив предгорья, проникают представители ирменской культуры. Они двигались вдоль рек Катунь и Ануй, связывающих горный и равнинный Алтай. Миграция могла идти и по другим водным артериям данных регионов. Ирменская культура, распространявшаяся в период поздней бронзы на огромных пространствах Западной Сибири, была чрезвычайно мощным образованием (Молодин, 1985). Ее носители обладали развитым скотоводческим укладом, поэтому ирменцев в Горном Алтае привлекали прекрасные пастбищные угодья со стабильным травостоем. Как глубоко продвинулись ирменцы в горные районы пока сказать трудно. Самым удаленным в горы из известных сегодня их объектов является Каминная пещера.

Как видим, на сегодняшний день для периода поздней бронзы археологами зафиксированы в Горном Алтае лишь материалы, оставленные населением, продвинувшимся сюда из лесостепи. Выявление местных культурных образований того времени является делом будущего.

Глава 5.

Горный Алтай в VIII—II вв. до н.э.

По общепринятой в российской археологии терминологии данный период, как правило, называется эпохой раннего железа или скифским временем, которое датируется, главным образом, VIII—III вв. до н.э. Все это, естественно, преломляется через региональ-

ную специфику, исходя из которой для этого периода выделено значительное количество культурных образований со своими хронологическими подразделениями.

Что касается Горного Алтая, то, по устоявшимся на сегодня культурно-хронологическим схемам, все известные археологические материалы того времени сгруппированы здесь в рамках более ранней майэмирской и более поздней пазырыкской культур. В этом порядке они и будут рассмотрены ниже.

Майэмирское время

Материалы раннескифского времени стали накапливаться в частных и музейных коллекциях давно, что было связано с поиском полезных ископаемых в западных районах Алтайской горной системы, а также деятельностью краеведов, т.е. образованных любителей старины. Старинные или древние предметы и сведения об условиях их находок передавались ученым, попадая, таким образом, в поле зрения научного мира. В то же время целенаправленное изучение древних памятников, часть материалов из которых и послужила затем основой для выделения культуры раннескифского времени Горного Алтая, осуществлено А.В. Адриановым в начале XX века на территории прилегающих областей Восточного Казахстана, в том числе и в бассейне р. Майэмир (Адрианов, 1916). На базе этих данных и ряда случайных находок М.П. Грязновым был выделен майэмирский этап в культуре ранних кочевников Алтая (Грязнов, 1947). Следом за ним С.В. Киселевым выделяется уже собствен-

но майэмирская культура, охватывающая памятники весьма широкого хронологического диапазона (Киселев, 1949).

В 1986 г. В.А. Могильников, используя вновь накопившиеся данные, разработал для майэмирской культуры подробную культурно-хронологическую схему (Могильников, 1986). Наконец, в 1997 г. Ю.Ф. Кирюшиным и А.А. Тишкиным предпринято обширное монографическое обобщение материалов раннескифского времени Горного Алтая (Кирюшин, Тишкин, 1997). По мнению большинства исследователей, общие хронологические рамки данного культурного образования определяются в пределах VIII — середины VI вв. до н.э., хотя нижняя хронологическая граница может заходить и в IX до н.э. Кроме того, предлагается внутреннее членение культуры на более узкие хронологические периоды (Кирюшин, Тишкин, 1997), а также подразделение ее на культурные варианты, в частности, усть-куюмский и куртусско-катонский (Могильников, 1986).

Здесь надо заметить, что раннескифское время региона изучается, главным образом, на основе исследованных в разные годы древних погребальных сооружений, так что имеет смысл дать их обобщенную характеристику, не вдаваясь, в то же время, в дискуссионные подробности.

Итак, для памятников майэмирской культуры характерны небольшие округлые в плане каменные насыпи, по периферии которых часто проходят кольца, выложенные в один слой или в виде стенки из крупных камней. В центре курганов на уровне древнего горизонта размещались погребальные камеры, сооруженные из вертикально установленных каменных плит, реже крупных скальных обломков. Изредка они впускались в неглубокую яму, выкопанную на их высоту. Те

камеры, что устанавливались на поверхности, в отдельных случаях имели два — три отсека.

Человеческие костяки в камерах лежат преимущественно скорченно на левом боку и ориентированы в большинстве случаев на запад с отклонениями. Надо сказать, что с этого времени в погребальной практике начинает достаточно широко распространяться тенденция сопроводительного конского захоронения. Коней в большинстве случаев размещали вблизи уровня древнего горизонта с юго-восточной стороны погребальных камер, часто устраивая для этого дополнительные камеры или же укладывали их в специально выкопанные ямы за пределами курганов у юго-восточных кромок.

Инвентарь погребальных комплексов беден и представлен роговыми и металлическими частями конской сбруи, бронзовыми двухлопастными наконечниками стрел, а также каменными зернотерками и фрагментами керамики из насыпей.

В целом, памятники майэмирской культуры распространены по всей территории Горного Алтая, однако, наибольшая их концентрация выявлена исследователями в бассейне среднего течения Катунь. На востоке майэмирцы соседствовали с населением Тывы, оставившим памятники алды-бельской культуры, к югу расселялись многочисленные племена саков Казахстана, в степной части Алтая проживало население, оставившее после себя памятники большереченской культуры.

В антропологическом отношении состав майэмирцев был смешанным. По данным антрополога С.С. Тур в серии известных на сегодня материалов выделяются монголоидные, европеоидные, а также метисные европеоидно-монголоидные комплексы признаков (Кирюшин, Тишкин, 1997).

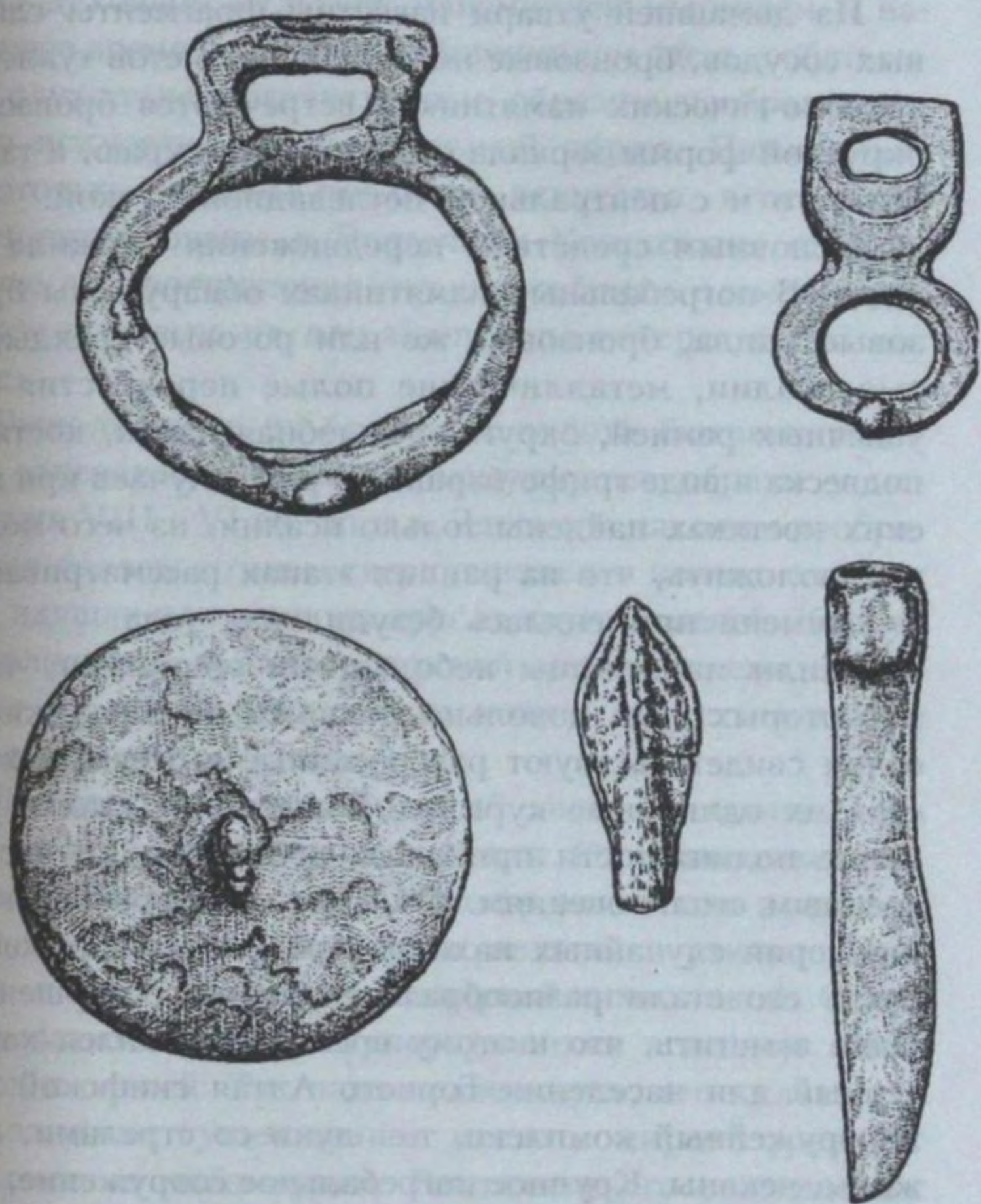
Хозяйство майэмирцев носило многоотраслевой характер. Ведущей отраслью у них было скотоводство с существенной ролью коневодческого направления. Судя по материалам, на базе преимущественного занятия скотоводством у них сложились подвижные элементы быта.

По мнению ряда исследователей предпосылки становления подвижного скотоводства в горных районах Алтая и Саян складывались в течение всей эпохи бронзы, т.е. II тыс. до н.э., а начальный этап этого процесса восходит к эпохе раннего металла или к племенам афанасьевской культурной общности.

Кроме лошадей, разводили мелкорогатый и крупнорогатый скот. Продолжала развиваться земледельческая отрасль, о чем свидетельствуют находки каменных зернотерок в насыпях курганов. Причем, соотношение удельного веса скотоводства и земледелия у разных общин, как показали исследования поселенческих комплексов, менялось в зависимости от окружающей природной обстановки.

Развивались и такие отрасли хозяйства, как охота и собирательство. Основным охотничьим оружием служил лук со стрелами.

На новую ступень развития поднялось металлургическое производство. Бронза, освоенная еще в предшествующую эпоху, продолжала господствовать как материал для изготовления всевозможных металлических изделий. В то же время, расширился и усложнился сам набор производимых из металла предметов. Для хозяйственных нужд горно-алтайские металлурги изготавливали бронзовые ножи, топоры, металлические части конской сбруи, для воинов и охотников — оружие, из предметов туалета — зеркала. Из домашних производств развивались выделка шкур и кож, ткачество, изготовление керамики и т.д. О типах жилищ майэмирцев мы в настоящее время почти ни-

чего не знаем. Можно лишь предполагать, что они имели и капитальные зимники, и легкие переносные сооружения.

Бронзовые предметы
майэмирской культуры.

Из домашней утвари известны фрагменты глиняных сосудов, бронзовые ножи. Из предметов туалета в археологических памятниках встречаются бронзовые округлой формы зеркала с бортиком по краю, а также без него и с центральной петлевидной ручкой.

Основным средством передвижения служила лошадь. В погребальных памятниках обнаружены бронзовые удила, бронзовые же или роговые трехдырчатые псалии, металлические полые перекрестия для уздечных ремней, округлая налобная бляха, костяная подвеска в виде грифо-барана. В ряде случаев при конских костяках найдены только псалии, из чего можно предположить, что на ранних этапах рассматриваемого времени применялась безудильная узда.

Жили майэмирцы небольшими общинами, часть из которых вела довольно подвижный образ жизни, о чем свидетельствуют разбросанные в отдельных местах их одиночные курганы. Увеличение стад и усиление подвижности приводило к достаточно частым военным столкновениям. Об этом красноречиво говорит серия случайных находок предметов вооружения. Виды его стали разнообразнее, формы совершеннее. Надо заметить, что к этому времени сложился характерный для населения Горного Алтая скифской эпохи оружейный комплекс, т.е. луки со стрелами, кинжалы, чеканы. Крупное погребальное сооружение, воздвигнутое, видимо, для представителя лидерского слоя того общества, исследовано на плоскогорье Укок (Полосьмак, 1993). Несмотря на разграбленность, в нем обнаружены изделия из бронзы, кости, золота. В целом же, в связи с исследованием кургана Аржан в соседней Тыве можно говорить о возникновении в пределах Саяно-Алтая в тот период каких-то мощных объединений, вероятно, на уровне союзов племен.

О духовной культуре майэмирцев мы знаем в настоящее время очень мало. Источником здесь, собственно, служат немногочисленные образцы изобразительного искусства и погребальный обряд. Памятники, в которых найдены предметы искусства, в основном сконцентрированы в Восточном Казахстане, однако, в зоне распространения горно-алтайских племен и мы можем привлечь их для анализа по интересующей нас теме.

Выполненные из бронзы и золота бытовые изделия запечатлели наиболее популярные образы у населения VIII—VI вв. до н.э. Здесь мы находим изображения головы птицы, свернувшихся в кольцо хищников, идущих или летящих друг за другом оленей. Кстати, выполненные в раннескифской манере олени и стоящие на вытянутых ногах козлы известны также в наскальных рисунках.

Любопытен крестообразный знак, воспроизведенный на одном из бронзовых зеркал. Он свидетельствует о том, что с самого начала своего появления в данном регионе предметы эти играли не только утилитарную роль, но и связывались с солярной символикой. С ней увязываются и образы свернувшихся в кольцо хищников и оленей. Тут надо подчеркнуть, что культ солнца занимал существенное место в мировоззренческой системе майэмирцев. Различные его воплощения говорят о бытовании у них разнообразных мифов, связанных с дневным светилом.

Большой интерес представляют оленные камни. О том, что это антропоморфные изваяния указывает наличие на отдельных экземплярах в верхней их части изображения человеческого лица. Чаще оно замечалось знаком из косых линий. На плоских сторонах изображались серьги, в области шеи — ожерелье или

гривна, ниже — пояс с оружием. Кроме оленей, на изваяниях выбивались образы коней, козлов, хищников, кабанов. Появились они, судя по последним исследованиям, еще в предшествующее майэмирскому время. Однако, отсутствие в оформлении части горно-алтайских камней ранних черт позволяет отнести их к раннескифскому периоду. Тем более, что такие камни входили в структуру майэмирских курганов могильников Кызык-Телань — I, Ак-Алаха.

У исследователей нет пока единого мнения по поводу смыслового содержания описываемых изваяний. Исходя из характера эпохи, в которую они создавались, можно лишь предположить, что оленные камни отразили бытование культа героизированных предков. По наблюдениям В.Д. Кубарева в процессе исследований на р. Юстыд они могли устанавливаться не только у погребений, но и группами в родоплеменных святилищах и сопровождаться системой каменных колец, в которых производились жертвоприношения (Кубарев, 1979).

Представления об отдельных сторонах мировоззренческой системы майэмирцев дает запечатленный в их памятниках погребальный обряд. Усопших они укладывали скорченно, т.е. придавая им, по мнению отдельных исследователей, эмбриональную позу. Сами захоронения находились на уровне древнего горизонта или в неглубокой яме вблизи него, в чем могли отразиться представления о локализации потустороннего мира.

С усопшими в мир иной уходили их личные вещи, в частности, луки со стрелами, зеркала, украшения. Соответствующие изменения в области хозяйства своеобразно отразились в мировоззренческой системе, где проявились элементы представлений подвижных ско-

товодов. Вместе с усопшим стали погребать коня, т.е. в мир предков он должен был теперь отправиться на своем ездовом животном. Причем, целого коня можно было заменить его шкурой с оставленными в ней черепом и костями конечностей. В общем, нужен был его символ, поскольку вместе с хозяином уходил не сам конь, а его духовный двойник. Там, где мы находим полные костяки лошадей, иногда отсутствуют их черепа, хотя остатки узды здесь имеются. Иными словами, перед захоронением лошади голову ее специально отделяли от туловища для каких-то ритуальных целей.

Исследования показали, что в погребальных конструкциях в той или иной мере отразились общие космогонические представления их создателей. Прослеживаемые в курганах кольца не были крепидами в собственном смысле, а выполняли ритуальную функцию, увязанную с определенными мировоззренческими идеями. Проходят они не по краю насыпей, а находятся внутри них, т.е. как бы перекрыты каменными набросками после совершения определенной части обряда. В отдельных случаях в них имеются своеобразные «ворота», оформленные из более крупных камней. В структуру колец раннескифских курганов могильника Кызык-Телань — 1 входили обломки белого мрамора, взятые с вершины близлежащей горы, а внешнее пространство вымощено на уровне древнего горизонта белыми плитками. Получался как бы своеобразный «световой» или светлый круг, в центре которого находилась погребальная камера. После совершения обрядовых действий, все это сооружение перекрывалось.

История научного изучения памятников этого времени уходит в XIX век, начинаясь, главным образом, с раскопок В.В. Радлова в 1865 г., однако, наиболее яркие материалы были добыты уже в XX веке в результате исследований М.П. Грязновым и С.И. Руденко больших горно-алтайских курганов с каменной наброской, содержащих захоронения вождей племен (Грязнов, 1950; Руденко, 1958, 1960). В последние десятилетия археологическими экспедициями Института археологии СО РАН, Алтайского и Горно-Алтайского университетов, Горно-Алтайского института гуманитарных исследований (ныне Институт Алтаистики) и других научных организаций здесь раскопана большая серия рядовых курганов интересующего нас периода, давших обильные сведения для изучения материальной и духовной культуры основного социального слоя населения данного региона той эпохи — рядовых общинников. В целом же, период VI—II вв. до н.э. относительно древней истории Горного Алтая является одним из наиболее обеспеченных археологическими данными и на его характеристике следует остановиться подробнее.

Итак, хронологические рамки со второй половины VI по II вв. до н.э. выделены в пределах данной главы не случайно. Дело в том, что в результате эволюции многих черт материальной и духовной культуры населения Горного Алтая предшествующего времени, а также возможной миграции племен извне, ко второй половине II в. до н.э. на этой территории произошло сложение новых культурных образований, просуществовавших затем вплоть до II в. до н.э. (Суразаков, 1989). К концу I тыс. до н.э. под влиянием как внут-

ренних, так и внешних факторов общий облик материальной культуры горноалтайского населения изменился.

Глиняные кувшины и бронзовые зеркала пазырыкской культуры.

В целом, все исследованные на сегодня памятники Горного Алтая VI—II вв. до н.э. объединены в рамках пазырыкской культуры, названной по раскопкам больших каменных курганов урочища Пазырык Улаганского района. Если взять самый массовый, т.е. рядовой слой памятников, то они характеризуются следующими чертами. Курганы в могильниках сгруппированы в небольшие цепочки, вытянутые в большинстве случаев в меридиональном направлении с отклонениями.

Во многих случаях к западу от таких групп и параллельно им устроены цепочки поминальников, сооруженных в виде каменных колец. К востоку от погребальных комплексов изредка устанавливались ряды балбалов.

Насыпи рядовых курганов представляют собой округлые в плане каменные наброски, часто обведенные по периметру каменными же кольцами. В центре курганов имеются глубокие ямы, на дне которых установлены погребальные камеры в виде бревенчатых срубов или каменных склепов из вертикально установленных плит. Вдоль северных стенок ям на специально оставленных материковых приступках часто устраивались сопроводительные конские захоронения.

Человеческие костяки в камерах лежат вдоль южных их стенок на правом боку с подогнутыми ногами и ориентированы на восток. Усопших снабжали их личными вещами, т.е. украшениями, предметами туалета, оружием. Причем часть этих вещей, в частности, кинжалы, чеканы, зеркала, специально изготавливались для погребального ритуала, т.е. делались в виде миниатюр или уменьшенных копий настоящих предметов. Кроме того, в камеры помещалась пища — мясная на деревянных блюдах и жидкая в глиняных кувшинах и кружках.

Надо отметить, что погребальные сооружения вождей неизмеримо более грандиозны по сравнению с рядовыми. Каменные насыпи их курганов достигают в диаметре 60 м, глубина ям доходит до 7 м, а высота срубов — до 2 м. Вождей мужчин сопровождают насильственно умерщвленные женщины. В конских захоронениях здесь насчитывается до 22 лошадей, уложенные в камеры вещи качественные и многообразны, среди них имеется импорт из весьма удаленных территорий (Руденко, 1958, 1960).

Как уже было сказано, весь массив рядовых памятников пазырыкской культуры объединяется между собой серией схожих черт. В то же время, в их характеристиках наблюдаются устойчивые различия, что и послужило основой для подразделения всей культуры на два варианта — собственно пазырыкский и кара-кобинский (Могильников, 1983; Суразаков, 1983). Помимо всевозможных деталей, главное различие между этими двумя группами памятников усматривается в особенностях конструкций погребальной камеры. Кара-кобинцы на всем протяжении своего существования придерживались архаичного обычая сооружать в курганах каменные склепы, тогда как у собственно пазырыкцев, напротив, в погребальной практике с самого начала широко распространилась идея срубного жилища.

Судя по ряду наблюдений, можно предположить, что кара-кобинцы являлись потомками предшествующего майэмирского населения, тогда как вопрос о происхождении носителей собственно пазырыкских традиций дискуссионен. Как бы там ни было, но в дальнейшем и тех, и других мы будем обобщенно называть пазырыкцами. На более высоком уровне они входили в ареал распространения саяно-алтайской культурной общности, охватывающей, кроме Горного Ал-

тая, территории Тывы, Северо-Западной Монголии и Восточного Казахстана (Суразаков, 1989).

Как показывают исследования антропологов, пазырыкское население было смешанным. В его физическом облике фиксируются и европеоидные, и монголоидные черты (Алексеев, 1975; Дебец, 1948; Левин, 1954 и др.).

Расселялись пазырыкцы по всей территории Горного Алтая, причем южные границы ареала их распространения охватывали северные области Восточного Казахстана, а юго-восточные, скорее всего, заходили в прилегавшую часть Монголии. Занимались горно-алтайские племена преимущественно скотоводством. Подсобную роль играло земледелие, большой удельный вес в хозяйстве занимала охота. Исходя из данных археологии, пазырыкцев обычно называют подвижными скотоводами. О преимущественном развитии скотоводства у них свидетельствуют многочисленные сопроводительные захоронения лошадей, большое количество находимых в древних памятниках изделий из овечьей шерсти, широкое использование шкур и кож домашних животных для шитья одежды и всякого рода бытовых поделок.

Развитию, главным образом, скотоводческой отрасли хозяйства способствовала среда обитания. Весьма неблагоприятная для занятий земледелием, она открывала широкие возможности для разведения скота. Обширные долины с их полынно-злаковой растительностью, расположение нагорных плато в субальпийской полосе с богатейшими горными лугами, малоснежные зимы в ряде районов — все это чрезвычайно благоприятствовало развитию скотоводства. Смена различных растительных формаций на сравнительно небольших участках открывала возможности для содержания одновременно различных пород домашних жи-

вотных. По имеющимся данным в хозяйстве горно-алтайского населения интересующего нас времени имелись лошади и крупнорогатый скот, включая яков, козы и овцы, в Чуйской степи и других местах разводили верблюдов.

Большой удельный вес в хозяйственной системе занимало коневодство. Разводили в то время как малорослых, табунных, так и крупных, высокопородных, типично верховых коней ростом 150 см и более, которые не уступали по своим качествам лучшим легкоаллюрным лошадям древнего мира. В свое время высказывалось мнение, что высокопородных коней горно-алтайские племена получали путем обмена из Средней Азии. Однако, значительное количество особей, обнаруженных в больших курганах Горного Алтая дает основание рассматривать этот регион не только как место использования, но и разведения лошадей этого типа. Следует добавить, что костяки крупных коней найдены помимо захоронений вождей племен и в рядовых курганах. По заключению гипполога В.О. Витта, исследовавшего данные по пазырыкским лошадям, наиболее благоприятными для разведения высокопородных коней являются долины рек Урсула и Каракола. Большинство лошадей из оледеневших гробниц урочища Пазырык оказалось рыжей и бурой масти, иногда золотистых оттенков. Реже встречаются гнедые, изредка вороные лошади. Замечено, что у рыжих коней нет белых отметин на голове и ногах, столь обычных в настоящее время. Специалисты объясняют это обстоятельство тем, что у животных с белыми отметинами копытный рог более слабый и пока коневоды не овладели искусством ковки, они избегали выводить коней этой масти.

Коневодством занимались не только для получения продуктов питания, т.е. мяса и молока. Шкуры

*Деревянные украшения
конской узда.*

шли на шитье одежды, из конских кож выделявали сосуды, ремни и т.д. Особое значение лошади имели как средство передвижения. Использовали их как в упряжке, так и под верховую езду. Последнее нашло отражение в погребальном

обряде, когда по устоявшейся традиции и в потусторонний мир верховой конь должен был сопровождать своего хозяина.

Наличие в большинстве курганов крестцовых позвонков овец, а в оледеневших гробницах вождей племен и их шкур указывает на то, что не менее важную роль в хозяйственной системе населения того времени играло овцеводство. Животные эти давали мясо, шкуры, шерсть, возможно, молоко. Изучение остеологических материалов показало, что овцы пазырыкцев принадлежали к типу слабожирнохвостных, приспособленных, видимо, к длительным передвижениям. Наряду с тонкорунными разводились и грубошерстные овцы, из шерсти которых катали войлок. По масти преобладали белые, но были также овцы темно-коричневого, преимущественно черного цвета. Значительно меньше разводили в хозяйстве коз. Имелся и крупнорогатый скот, в том числе яки. Судя по наскальным рисункам, а также изображениям на бытовых предметах, в Чуйской степи разводили двугорбых верблюдов. Встречаются, кстати, их изображения и в Центральном Алтае.

Земледелие у рассматриваемых племен играло подсобную роль. О его наличии свидетельствуют находки зернотерок. На северо-западе Горного Алтая в процессе раскопок и разведочных работ выявлена серия поселений (Шульга, 1990, 1992). Земледелие у оставившего их населения играло большую роль, чем у жителей высокогорных районов. Этому способствовали лучшие для занятий этой отраслью природные условия.

Большое место в хозяйственной системе пазырыкцев занимала охота. Она давала им мясо, шкуры и мех зверей ценных пород. Обнаруженные в курганах охотничьи трофеи свидетельствуют о том, что в те време-

на промыслили маралов, кабанов, горных козлов и других животных. Из пушных зверьков добывали соболя, горностая, белку, выдру. Основным охотничьим оружием служили лук и стрелы. О способах охоты мы пока ничего не знаем, однако, судя по изобразительному материалу евразийских скотоводов, в то время получила распространение конная охота с собаками. Об использовании охотничьих собак непосредственно в Горном Алтае свидетельствует изображение их на рукояти железного кинжала, случайно найденного в долине Ачик.

Наличие в горной местности богатой и разнообразной флоры склоняет к мысли, что у пазырыкцев было развито и собирательство съедобных, а также лекарственных растений.

В соответствии с основным направлением хозяйства из домашних производств были развиты выделка кож и шкур животных, ткачество. Приемы обработки кож нам неизвестны, поскольку они не подвергались технологическому анализу, однако, следует допустить, что помимо механических, применялись и химические способы их переработки, в частности, молочными продуктами. Кожи шли на изготовление одежды, конской сбруи, сосудов и других, необходимых в быту предметов. Меха выделялись из шкур почти всех домашних животных, т.е. овцы, козы и лошади. Из обледеневших гробниц больших курганов происходят различные изделия их меха леопарда, выдры, сурка, степной кошки, соболя, горностая.

Обнаруженные в курганах шерстяные ткани позволяют судить о довольно высоком уровне развития ткачества того периода. Технологический анализ шерсти показал, что она происходит от лучших культурных пород овец. Выделялись ткани в основном двустороннего саржевого и простого полотняного пере-

Деревянные бараны

Голова барана

Грифон
с полосатыми крыльями

Золотые украшения

Из
мис
суш

Шибинские курганы

Золотые украшения

Навершие
головного убора

2 Sm

Бронзовый чекан

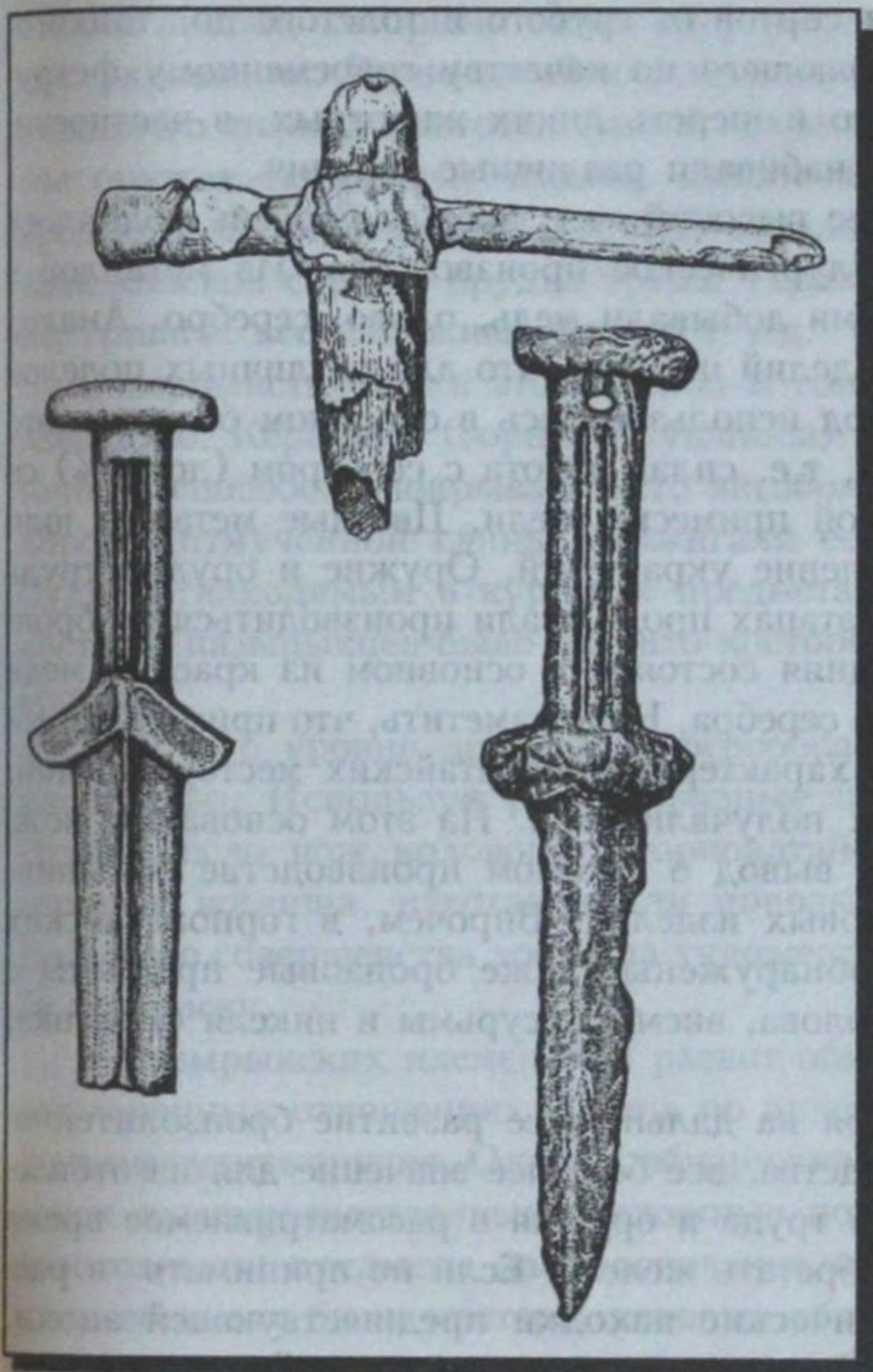
2 Sm

Бронзовый кинжал
и деревянные ножны

Бронзовые кинжалы

2 Sm

плетения. Для их окраски применялись красители, дающие темно-коричневый, красный и зеленый цвета. Из шерсти также валяли войлок. Изготавливался он

*Бронзовое оружие
пазырыкцев.*

различных сортов от грубого и толстого до тонкого, мало уступающего по качеству современному фетру. Шла в дело и шерсть диких животных, в частности, оленя. Ею набивали различные изделия.

На более высокий, чем прежде уровень поднялось горнометаллургическое производство. Из металлов в данное время добывали медь, олово, серебро. Анализ золотых изделий показал, что для различных поделок в тот период использовалось в основном белое золото (электрум), т.е. сплав золота с серебром (до 20%) со значительной примесью меди. Цветные металлы шли на изготовление украшений. Оружие и орудия труда на ранних этапах продолжали производиться из бронзы. Последняя состояла в основном из красной меди с примесью серебра. Надо заметить, что примесь серебра вообще характерна для алтайских месторождений, из которых получали медь. На этом основании можно сделать вывод о местном производстве большинства бронзовых изделий. Впрочем, в горноалтайских курганах обнаружены также бронзовые предметы с примесью олова, висмута, сурьмы и никеля (Руденко, 1960).

Несмотря на дальнейшее развитие бронзолитейного производства, все большее значение для изготовления орудий труда и оружия в рассматриваемое время стало приобретать железо. Если не принимать в расчет эпизодические находки предшествующей эпохи, то самые ранние железные изделия найдены в курганах, датирующихся второй половиной VI в. до н.э. Конкурируя на протяжении V—IV вв. до н.э. с бронзой, к концу III в. до н.э. железо становится основным материалом в процессе производства хозяйственных орудий. Из бронзы затем стали изготавливать, главным образом, различные украшения. При обработке металлов применялись холодная и горячая ковка, штамповка (выдавливание), чеканка. Из золота делали довольно

тонкие листки, которыми затем покрывались деревянные украшения. Горно-алтайские металлурги рассматриваемого периода изготавливали охотничье и боевое оружие (кинжалы, чеканы, наконечники стрел), предметы бытовой утвари (котлы, металлические детали конской сбруи), орудия труда, украшения (серьги, гривны, всевозможные бляхи) и т.д.

Совершенствуется в этот период и гончарное производство. Керамику (горшки, кувшины) лепили ленточным способом, покрывая часто ангобом, т.е. слоем хорошо отмученной глины. Обжигали ее на костре. Судя по находимым в курганах предметам из рога и кости, у пазырыкцев было развито косторезное производство.

Высокого уровня достигло деревообрабатывающее мастерство. Используя разнообразные инструменты (топор, тесло, нож, коловорот), горноалтайские мастера строили жилища, изготавливали повозки и утварь. Большого совершенства достигла художественная резьба по дереву.

У пазырыкских племен был развит обмен. О внутриплеменных отношениях обмена по археологическим данным судить трудно. Однако, обнаруживаемые в курганах высококачественные и сложные по технологии изготовления предметы дают основание полагать, что в их общинах были мастера, которые обладали высокими производственными навыками. Они еще не выделялись из основной массы населения, но вполне могли снабжать ближайшую округу более качественными по тем временам предметами обихода. В некоторых случаях мы можем говорить и о высоком уровне специализации отдельных семейно-родственных групп, к примеру, тогда, когда речь заходит о довольно развитом на тот период металлургическом производстве.

Больше имеется данных о межплеменном обмене. В курганах пазырыкских вождей обнаружены китайский шелк и зеркала, а также семена посевного кориандра, шкуры леопардов, переднеазиатские ковры и ткани (Руденко, 1953). С юга в Горный Алтай поступали раковины, украшения. Характер материалов позволяет заключить, что основной статьей импорта были изделия ремесленного производства, поступавшие сюда, скорее всего, путем многоэтапного обмена из более развитых в экономическом отношении южных областей, где уже происходил процесс выделения ремесла в отдельную отрасль. Горно-алтайские племена, в свою очередь, поставляли соседям, очевидно, золото, скот и продукты скотоводческого хозяйства.

Насколько глубоко проникли отношения межплеменного обмена в среду рядовых общинников Горного Алтая нам пока неизвестно, но о регулярных торговых контактах с другими племенами лидерского слоя пазырыкцев археологические материалы свидетельствуют убедительно. Да и приобретать дорогостоящий импорт могли лишь достаточно зажиточные семьи.

О типах поселений этого времени ввиду недостаточности материалов судить в настоящее время трудно. Однако, имеются данные, позволяющие составить некоторое представление о жилищах пазырыкских племен. Судя по погребальным камерам из больших курганов, дома были капитальными, рубленными из лиственничных бревен. Разметка камер из второго и пятого курганов свидетельствует об определенном строительном навыке, когда срубы изготавливались на стороне и только затем привозились на место, где и собирались по отметкам. Внутренняя сторона бревен жилищ отесывалась. Пол делали из толстых плах, потолок был бревенчатым. Сверху потолки выстилались

слоем курильского чая (утепление?), полотнищами бересты и лиственничной корой.

Развитые навыки обработки бересты, которую для эластичности проваривали и сшивали в большие полотнища, а также снятие с деревьев больших пластов коры наводят на мысль о наличии у пазырыкцев и более легких, переносных, покрытых указанными материалами конусообразных жилищ, которые могли закрывать и войлоком. На это, в частности, указывает конусообразная конструкция обнаруженных в курганах пазырыкских вождей приспособлений для курения конопли.

Стены в срубных жилищах зажиточных семей завешивались местными войлочными или же привозными ворсовыми коврами. Застилали ими и пол. Из домашней утвари, по археологическим данным, мы знаем каменные светильники с желобками для стока жира, глиняные узкогорлые кувшины, деревянные и глиняные кружки, бронзовые сосуды и котлы, кожаную посуду, низкие деревянные столики-блюда, на которых подавали мясо, деревянные подушки, на которые одевались меховые чехлы, а также шкуры различных животных.

Питались пазырыкцы мясом домашних и диких животных, употребляли в пищу молочные продукты. В курганах находятся кости лошадей, крупно — и мелкорогатого скота. Как и у других скотоводов, излюбленной пищей у них была баранина, особенно крестцовая часть. О заготовке впрок молочных продуктов свидетельствует наличие в ряде обледеневших усыпальниц больших курганов остатков сыра. Имея, видимо, небольшие посевы, пазырыкцы в какой-то мере обеспечивали себя и зерном. Зерна проса, к примеру, в значительном количестве обнаружены в первом Туэктинском кургане. Несомненно, шли в пищу и продукты собирательства.

Одежду шили из войлока, кожи, меха, шерстяных и полотняных тканей. Причем, мех для прочности прошивали сухожильными нитями, а саму одежду украшали аппликациями.

Из мужской наплечной одежды шились просторные рубахи, короткие войлочные или меховые кафтаны, шубы. Рукава у шуб знати зачастую имели декоративный характер. На войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана изображен всадник, сзади которого развевается короткий плащ. В большом Катандинском кургане обнаружена одежда, по своему крою напоминающая фрак. Сшита она из собольего меха и покрыта сверху шелком. Известны нам и богато украшенные женские шубы, которые носились с меховым нагрудником.

На сегодняшний день известно несколько типов пазырыкских головных уборов. Одним из наиболее распространенных, судя по всему, был войлочный, островерхий, широкие поля которого прикрывали затылок и уши, а длинные лямки внизу позволяли подвязывать его под подбородком. На такие уборы нашивались украшения, в частности, вырезанные из дерева и покрытые золотой фольгой фигурки животных. Носили их и мужчины, и женщины, и дети (Полосьмак, 1994). В одном из больших пазырыкских курганов обнаружен плотно облегающий голову мужской головной убор, сшитый из кожи и войлока.

Большой оригинальностью отличались женские уборы. Один тип представлял собой кожаную шапочку, покрытую мехом черного жеребенка. Пришитая к ней меховая полость закрывала плечи. Второй — имел

вырезанную из целого куска кедра и покрытую кожей деревянную основу. Третий из могильника Ак-Алаха — III представлял собой сложное сооружение, включавшее парик, покрытые золотой фольгой деревянные

украшения и длинное навершие из ткани и войлока на деревянном каркасе (Полосьмак, 1994).

Из обуви известны мягкие женские полусапожки с короткими голенищами раструбом. Подошвы одной пары украшены черным бисером и кристаллами пирита. Мужские сапоги отличались длинными прикрывающими колени голенищами.

В кургане — кенотафе № 2 могильника Уландрык — 1 близ с. Ташанта сохранились остатки верхней, вероятно, зимней детской одежды, в комплект которой входили плотно облегающий голову меховой головной убор, кожаная куртка, возможно, глухого покроя с меховой опушкой в верхней части, на рукавах и подоле, а также мягкие кожаные сапожки с длинными голенищами.

Наиболее распространенными украшениями головных уборов были вырезанные из дерева и обтянутые золотым листком фигурки животных. В некоторых курганах обнаружены деревянные диадемы. В систему украшений также входили бусы, золотые и бронзовые серьги, деревянные или бронзовые, обтянутые золотой фольгой гривны. Интерес представляют бусы из бирюзы. Они могут служить показателем торговых связей племен Горного Алтая с населением Средней Азии (Руденко, 1960). Пояса украшались плоскими подчетырехугольной формы бляхами со всевозможными врезными орнаментами. Из женских украшений нам известны орнаментированные с внешней стороны и покрытые листовым золотом деревянные наконечники.

Из предметов туалета в то время были распространены разных типов металлические зеркала. К этой же категории вещей, видимо, относятся рожок и деревянная ложечка из пятого Пазырыкского кургана. В древних памятниках обнаружены также деревянные и роговые гребни.

Основным средством передвижения служила лошадь. О важной роли, которую она играла в этом качестве, свидетельствует то, что взнузданных и оседланных коней мы находим в большинстве пазырыкских курганов. Кроме того, образ их прочно обосновался в сфере мировоззрения. Гривы верховых лошадей подстригали, хвосты заплетали или же завязывали узлом. Седла в те времена не имели деревянной основы, т.е. их изготавливали в виде набитых оленьей шерстью или травой кожаных подушек. Использовались кони и как упряжные животные. К примеру, в обнаруженную в пятом Пазырыкском кургане повозку запрягалась четверка лошадей. В качестве транспортного животного выступал и верблюд. Изображения его известны на различных предметах, найденных в памятниках Кош-Агачского района. Фигурирует он здесь и в наскальных рисунках. Вполне возможно, тягловым животным был крупнорогатый скот.

Для перевозки тяжестей пазырыкцы применяли волокуши и примитивной конструкции телеги. Последние представляли собой рамы из квадратных в сечении брусьев, соединенных между собой перекладинами. Колеса были цельными, т.е. изготавливались из обрубков дерева с выбранной сердцевинной.

Особого внимания заслуживает повозка из пятого Пазырыкского кургана. Сделана она исключительно из березового дерева. Гнутые многоспицевые колеса достигают в диаметре 160 см. Верхний борт представлял собой деревянную решетку, а четырнадцать стоек поддерживали верх. В повозку, как уже говорилось, впрягалась четверка лошадей. Для горной местности такой вид транспорта вряд ли был удобен. Очевидно, в Горный Алтай данная повозка попала из смежных степных областей. У пазырыкского вождя, в кургане которого она была найдена, повозка могла использоваться в различных церемониальных целях.

В сумме имеющегося на сегодняшний день материала в образе жизни пазырыкцев можно выделить как оседлые, так и подвижные элементы быта. Об оседлости горно-алтайского населения рассматриваемого времени можно судить по наличию у него рубленых жилищ, возведенных с прекрасным знанием плотничьего дела. Об этом же говорят данные о подсобном занятии их земледелием, а также содержании крупнорогатого скота, не приспособленного сколько-нибудь к дальним перекочевкам.

Вместе с тем, в их культуре прослеживаются и подвижные черты, например, широкое использование под верховую езду лошади, а также наличие в обиходе переметных сум, кожаных мешков и посуды. О подвижности говорит и основное занятие — скотоводство, причем с преимущественным развитием коневодства и разведением мелкорогатого скота. В целом, необходимость в перекочевках зависела от количества животных, которыми обладали конкретные семейно-родственные группы. Иными словами, при многочисленности имеющегося скота в условиях экстенсивного ведения хозяйства использовалась система сменных сезонных пастбищ, чтобы сохранить корм на зиму у постоянных зимников.

Судя по немногочисленным по своему составу цепочкам курганов, рядовые скотоводы жили небольшими общинами, т.е. у них не было крупной концентрации стад в одном месте. Отсюда они могли использовать в своем хозяйственном обороте ближайшую систему пастбищ. Другое дело родо-племенная знать. Материалы из курганов этого социального слоя свидетельствуют о многочисленности их стад. В усыпальницах вождей племен, к примеру, мы находим большое количество лошадей. Здесь же обнаружены крупные войлочные изделия, для изготовления которых

*Конский головной убор
из первого Пазырыкского
кургана.*

требовалось значительное количество шерсти, а также дорогостоящий импорт, на приобретение которого шло большое количество скота. В общем, стада у зажиточных семей имелись немалые

и пасти их приходилось с использованием сезонных пастбищ. Оценивая хозяйственную систему пазырыкцев в целом, можно использовать уже применяемый к ним емкий термин — подвижные скотоводы, однако, нельзя игнорировать и прослеживаемые в их хозяйстве черты оседлости.

Скот находился у пазырыкцев в частно-семейной собственности. Об этом свидетельствуют довольно развитые отношения обмена, а также заметная имущественная дифференциация населения. По изученному на сегодня погребальному ритуалу можно составить представление о социальной стратификации пазырыкского общества. В основном нам известны курганы, возведенные некогда для рядовых общинников и предводителей различного социального статуса, среди которых выделяются главы семейно-родственных групп в пределах рода и вожди племен. Их погребальные комплексы отличаются размерами, конструктивными деталями, некоторыми особенностями зафиксированного в них обряда, а также составом сопроводительного инвентаря (Суразаков, 1983). Увеличение грандиозности и усложнение конструктивных особенностей возводившихся для вождей курганов свидетельствует о повышении их престижной роли в обществе и, возможно, об увеличении подвластных коллективов. По подсчетам М.П. Грязнова, например, только на сооружение первого Пазырыкского кургана потребовалось затратить около 2500—3000 человеко-дней. И это при том условии, что в погребальной церемонии могла участвовать лишь часть возглавлявшегося данным вождем племени, допустим, по несколько представителей от каждой общины.

Вожди выполняли функцию военных предводителей, занимались регулированием всевозможных хозяйственных и общественных проблем, отправлением культа.

О семейных отношениях пазырыкцев мы знаем мало. Строились они, в основном, между близкими по культуре социальными организмами, поэтому захоронения во многих курганных группах однотипны. Вместе с тем, некоторые цепочки курганов неоднородны, т.е. состоят из сооружений как носителей собственно пазырыкского, так и кара-кобинского вариантов культуры. Жен брали иногда из удаленных территориально инокультурных общин. Допустим, изредка встречаются курганы с не характерными для Горного Алтая подбойными захоронениями представительниц, возможно, степных племен.

Судя по малочисленности курганов в каждой отдельно взятой группе, пазырыкцы жили небольшими общинами, состоявшими от одной до нескольких родственных семей. Такие общины наиболее соответствовали скотоводческому способу ведения хозяйства. На более высоком уровне они были организованы в родоплеменные объединения, т.е. несколько большая концентрация населения была возможна при ставках вождей.

В процессе освоения окружающей среды у пазырыкцев сложилась определенная сумма знаний о полезных свойствах всевозможных растений, повадках тех или иных животных, местонахождениях и свойствах разных материалов и т.д. О развитии духовной культуры свидетельствуют обнаруженные в ряде больших курганов музыкальные инструменты. Из бычьего рога, например, изготавливали небольшие односторонние барабаны. Во втором Пазырыкском кургане найден струнный музыкальный инструмент типа арфы.

Одним из ярких показателей уровня культурного развития является изобразительное искусство, в своеобразной форме отражающее духовное состояние создавшего его общества. В скованных льдом грандиоз-

ных усыпальницах пазырыкских вождей до наших дней дошли всевозможно украшенные предметы из таких нестойких материалов, как мех, кожа, войлок, дерево. В зависимости от исходных свойств сырья применялась различная техника его обработки. Из дерева и рога, к примеру, вырезались скульптурные фигуры или же на них наносились рельефные изображения. Из меха, кожи, войлока делали силуэтные или ажурные украшения, сцены, выполненные аппликацией, мозаичные узоры. Для раскрашивания художественно выполненных предметов применялись черная, красная, желтая, зеленая, коричневая, голубая краски. Деревянные фигурки животных нередко обтягивали тонкой золотой фольгой. Из ценных металлов изготавливали ювелирные изделия. Фантазия пазырыкских мастеров воплотилась в целом ряде причудливых геометрических орнаментов и замысловатых украшениях, выполненных в растительном стиле. Однако, наиболее ярко искусство древних горноалтайцев характеризуют изображения различных животных и фантастических существ. Реже встречаются в нем антропоморфные образы.

Одной из основных функций пазырыкского изобразительного искусства является декоративно-прикладная. Здесь прослеживается эстетическое начало художественного творчества, т.е. стремление древних мастеров тем или иным путем украсить бытовые вещи. В то же время, как и любой другой вид искусства, оно складывалось на основе той мировоззренческой системы, которая была характерна для создавших его людей. Отсюда изобразительное искусство пазырыкцев является важным источником по изучению характера их воззрений, т.е. выступает в роли своеобразной знаковой системы, в которой сконцентрированы основные идеи населения того отдаленного времени.

Характеристику мировоззрения, видимо, лучше всего начать с наиболее общих космогонических представлений. Так, вселенная представлялась в тот период трехчастной по вертикали и четырехугольной или круглой в горизонтальной плоскости. Показательны сохранившиеся в виде пережитка представления более архаичной поры о зооморфном или антропоморфном космосе. Наиболее ярко идея зооморфного космоса отразилась в образе коня. Об этом свидетельствует анализ декора сбруйных принадлежностей (Суразаков, 1998).

Идея антропоморфности космоса наиболее выразительно запечатлена в татуировке вождя из второго Пазырыкского кургана. В верхней части туловища здесь изображены существа верхнего мира, на ноге — цепочка копытных, персонифицирующих собой среднюю сферу мироздания и существо нижнего мира — мифическая рыба.

Одухотворяя различные силы природы, древние горноалтайцы населили разные миры своей космической модели духами и божествами. От выявления сколько-нибудь полного их пантеона мы в настоящее время еще очень далеки и все же кое-какие суждения по этому поводу высказать можно. В первую очередь обращает на себя внимание изображенная на войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана сидящая на троне богиня. Наличие в ее руке цветущей ветви, как символа древа жизни, ставит ее в ранг занимавших важное место в мифологических системах многих народов мира богинь плодородия или матерей прародительниц. В орнаментации окаймляющих изображения богини бордюр заключена идея плодородия растительного и животного мира, чем дополнительно подчеркивался характер ее функциональной нагрузки. Кстати, в данном случае проявляется и другой эле-

мент представлений пазырыкцев — о древе жизни. Образ его фигурирует не только в указанной изобразительной схеме, но и в других орнаментальных композициях.

Небесная сфера по представлению пазырыкцев была населена духами солнца, луны, звезд (созвездий) и т.д. В большинстве своем они имели зооморфный облик.

Важное место в мировоззренческой системе горно-алтайского населения занимал культ солнца. Искусство их пестрит изображениями солнечного диска, солярных символов, различных воплощений солнечного божества. Роль солярных символов обычно играли крестообразные знаки, ромбические фигуры с вогнутыми сторонами. Воплощениями солнца выступали лось, олень, баран, тигр.

Закат его на ночь осмысливался как проглатывание светила существом нижнего мира. В изобразительном искусстве пазырыкцев имеется много сцен терзания гением тьмы копытного животного — одного из воплощений солнца. Есть в нем и сцены противостояния мифического хищника и солярного божества, в чем, видимо, отразилась идея вечной борьбы света и тьмы. Анализ некоторых сцен показывает, что у пазырыкцев сохранялись пережитки тотемистических представлений.

В камерах больших курганов урочища Пазырык обнаружены небольшие мешочки с зашитыми в них человеческими волосами и остриженными ногтями. Обычай этот отражает вполне определенные анимистические представления о наличии в различных частях тела частной, парциальной души, завладев которой можно было влиять на судьбу человека. Отсюда остриженные ногти и волосы не выбрасывали. Как обереги использовались клыки животных. К области

военной и охотничьей магии можно отнести бытовавший обычай привязывать к оружию клык кабана или изображение птичьей головы. Тем самым, по мнению пазырыкцев, оружию передавалась сила их удара.

Большое место в системе представлений населения занимала вера в потустороннюю жизнь. Собственно, идея эта лежала в основе всего погребального обряда. Усопшего сородича укладывали в погребальную камеру на лежанку в позе спящего, т.е. на правом боку с подогнутыми ногами. Под голову клали каменную или деревянную накрытую мягким материалом подушку. При погребенных сохранились украшения, предметы туалета, оружие, т.е. в мир иной их снабжали всеми необходимыми вещами. Обращает внимание то обстоятельство, что многие предметы (ножи, кинжалы, чеканы) имеют не настоящие, а миниатюрные размеры, т.е. специально изготовлены для погребального ритуала.

Вместе с усопшим сородичем в курган помещали взнузданного и оседланного коня, который должен был доставить его в общину предков.

С западной стороны курганов выкладывались небольшие каменные кольца, которые обычно связываются исследователями с поминальным ритуалом.

В отличие от рядовых общинников, как уже говорилось, захоронения вождей племен отличаются большая грандиозность и сложность сооружения, а также разнообразие сопровождающего инвентаря. Тела их бальзамировались и укладывались в выдолбленные из толстого ствола лиственницы саркофаги-колоды.

Подытоживая тему о духовной культуре, можно сказать, что у пазырыкцев была разработана весьма сложная система мировоззренческих представлений, закрепленных как в устных мифах, так и в образах изобразительного искусства. Кроме всего прочего, в после-

днем начал фигурировать образ мифо-эпического конного воина-богатыря. В общем, устное творчество их уже имело в своей сокровищнице яркие и самобытные эпические произведения.

Глава 6.

Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э.

История Горного Алтая этого периода протекала на фоне важных политических событий, имевших место в Центральной Азии в связи со сложением государственного образования гуннов. Сформировавшись в конце III в. до н.э., держава эта затем стала определяющим фактором не только политического климата, но и этногенеза родоплеменных групп всего центральноазиатского региона и сопредельных территорий.

По широкой региональной периодизации, разработанной для европейского степного пояса, интересующее нас время делится на гунно-сарматский (с конца III в. до н.э.), предтюркский (IV — V вв. н.э.) и раннетюркский (середина V — середина VI вв.) периоды (Археология СССР, 1989; Савинов, 1984).

До конца 70-х гг. XX в. все они изучались на основе анализа данных из нескольких десятков раскопанных памятников, которые, в свою очередь, подразделены исследователями на одинцовский, берельский, кудыргинский типы, а также древнетюркские каменные оградки. Все составляющие этой классификации, кроме одинцовского типа, сохранились в археологической систематике до сегодняшнего дня.

В то же время, интенсивные раскопки в 80-е гг. прошлого века внесли в нее существенные дополнения и коррективы. Так, выделены новые типы памятников — балыктуюльский и кок-пашский. Памятники кудыргинского типа, датировавшиеся ранее VI — началом VII вв., обнаружены во многих районах Горного Алтая и дали материалы, позволяющие опустить нижнюю хронологическую границу их бытования до рубежа эр с заходом ее в более ранний период, т.е. конец I тыс. до н.э.

Чтобы можно было составить представление об имеющемся на сегодня источнике исследования по интересующему нас отрезку времени, дадим краткую характеристику перечисленным группам памятников.

Берельский тип представлен округлыми в плане каменными курганами с человеческими погребениями в ямах с восточной или западной ориентировкой, сопроводительными захоронениями лошадей на материковых приступках. По мнению ряда исследователей, эти памятники оставлены той частью населения, которая вела свое происхождение от племен, обитавших на этой же территории в позднескифское время, т.е. пазырыкцев.

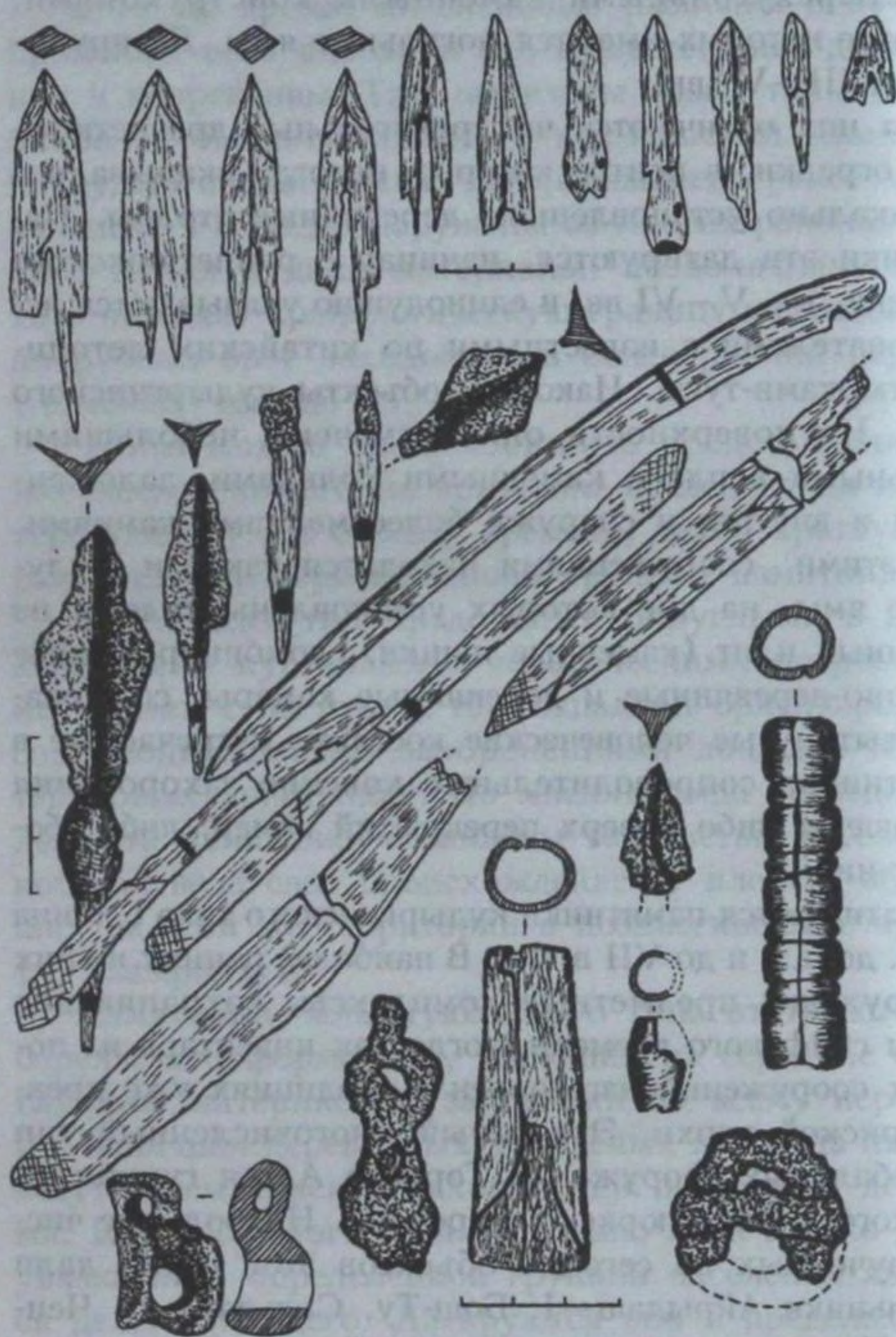
Памятники балыктуюльского типа отличаются от берельского формой ям, имеющих на середине своей глубины материковые заплечики по всему периметру, наличием деревянных долбленых колод на их дне, отсутствием конских захоронений и другими деталями. Курганов этого типа раскопано пока только два и увязка их с определенной группой населения является делом будущего. Датируются они в пределах II—IV вв.

Кок-пашский тип в свое время был выделен на основе раскопок разнокультурных объектов в устье р. Чулышман, поэтому название это предлагается закрепить за памятниками, отмеченными на поверхнос-

ти четырехугольными каменными конструкциями, в центре которых имеются могильные ямы. Датируются они III—V вв.

От них отличаются четырехугольные древнетюркские оградки, в центре которых некогда вкапывались вертикально установленные деревянные столбы. Памятники эти датируются, начиная с раннетюркского времени, т.е. V—VI вв. и единодушно увязываются исследователями с известными по китайским летописям тюрками-тугю. Наконец, объекты кудыргинского типа. На поверхности они отмечены небольшими овальными в плане каменными кольцами, заложенными и внутри, и снаружи более мелкими камнями. Под этими сооружениями находятся узкие и неглубокие ямы, на дне которых установлены склепы из каменных плит (каменные ящики), комбинированные каменно-деревянные и деревянные камеры, содержащие вытянутые человеческие костяки. Встречаемые в памятниках сопроводительные конские захоронения совершены либо поверх перекрытий камер, либо сбоку от них.

Датируются памятники кудыргинского типа с конца I тыс. до н.э. и до VII в. н.э. В наиболее ранних из них обнаружены предметные комплексы, сохраняющие черты скифского времени, тогда как инвентарь из поздних сооружений изготовлен в традициях уже древнетюркской эпохи. Это самый многочисленный тип погребальных сооружений Горного Алтая гунно-сарматского и раннетюркского времени. Наибольшее число изученных на сегодня объектов этой серии дали могильники Айрыдаш—I, Бош-Ту, Сальдяр—II, Чендек, Кудыргэ, причем последний является самым поздним из них. Раскопки на этих памятниках производились в разные годы А.А. Гавриловой, В.Д. Кубаревым, Ю.Т. Мамадаковым, В.А. Могильниковым, С.И. Руденко, В.И. Соеновым, А.С. Суразаковым,

Вещи из захоронения № 21
мог. Айрыдаш — I.

Ю.С. Худяковым, А.В.
Эбелем и другими ар-
хеологами.

Массовое накопление материалов разбираемого времени стимулировало попытки исследователей систематизировать их на более высоком уровне, т.е. в рамках археологической культуры. Так, памятники верховий Чулышмана были объединены В.Н. Елиным и А.С. Васютиным в кок-пашскую культуру, а объекты Центрального Алтая по схеме Ю.Т. Мамадакова вошли в состав булан-кобинской культуры. В то же время, учитывая схожесть между собой подавляющего числа изученных памятников, а также связь их с широко известным в литературе могильником Кудыргэ, было предложено назвать культуру населения Горного Алтая первой половины I тыс. кудыргинской, что и будет принято в данной работе (Суразаков, 1992). Другой вопрос, что подразделение этого культурного образования на отдельные варианты и хронологические этапы является делом будущего, так как большинство касающихся его материалов еще не введено в научный оборот.

Итак, состав населения региона с конца I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. был достаточно сложным. Одну его часть представляли потомки предшествовавших пазырыкцев, другую — родоплеменные группы, мигрировавшие сюда с обширных центрально-азиатских территорий.

Оставленные тем населением памятники, как сказано, по ведущему типу объединены в рамках кудыргинской культуры, в основном синхронной кокэльской культуре соседней Тывы и таштыкской — Минусинской котловины. В широком этническом плане это было время появления в Горном Алтае родоплеменных групп центрально-азиатского происхождения. Взаимодействуя с ранее здесь проживавшими, они составили тот прототюркский этнический субстрат, на основе которого сложилось тюркоязычное население второй половины I тыс., условно названное Д.Г. Савиновым «алтае-телеские тюрки» (Савинов, 1984).

Основным занятием населения Горного Алтая рассматриваемого времени оставалось подвижное скотоводство. Судя по археологическим материалам, главное внимание здесь уделялось коневодству и овцеводству, хотя состав стада того периода был, конечно, шире. Подсобную роль играли земледелие, собирательство, охота. Развивалась выделка шкур и кож животных, ткачество, деревообрабатывающее и косторезное мастерство.

Как основной материал для изготовления орудий труда и оружия в металлургии прочно господствует железо. Из бронзы изготавливались украшения, изредка поясные пряжки, отливались котлы. Совершенствуется оружейный комплекс. Горно-алтайские кузнецы выработали формы наконечников стрел, соответствовавших новому типу более сложного и дальнобойного лука.

Благодаря раскопкам мастерской на р. Юстыд, мы теперь довольно много знаем о керамическом производстве той части населения, которая появилась в регионе в связи с западной экспансией гуннов. Юстыдские мастера использовали гончарный круг с верхним диском, закрепленным на прямоугольной в сечении оси, которая в свою очередь крепилась в гнезде нижнего круга. Для облегчения снятия готовых сосудов верхний диск перед работой покрывали тонким слоем песка или золы. Тулово формировали ленточным способом при одновременном вращении гончарного круга. Внешнюю поверхность тщательно заглаживали, после чего на нее наносили различные виды орнаментов (Кубарев, Журавлева, 1986).

После сушки готовые изделия обжигали в специально сооруженных печах, обкладывая сосуды со всех сторон древесным углем. Практика сооружения таких печей, а также использование гончарного круга свидетельствуют о значительном прогрессе в керамическом

производстве описываемого времени. Однако, следует напомнить, что в данном случае мы имеем дело с традицией части пришлого населения. О характере этого производства у других родоплеменных групп известно пока очень мало. Высокий уровень развития гончарного дела юстыдских мастеров предполагал определенную их специализацию, т.е. в данном случае, видимо, можно говорить о зачатках ремесленного производства, ориентированного на заказ.

О бытовой сфере можно сказать то, что в состав домашней утвари входила разнообразная глиняная и деревянная посуда, железные черешковые ножи, а в пищевом рационе часто присутствовала баранина. Как и в предыдущий период, основным средством передвижения являлась верховая лошадь.

О социальной структуре горно-алтайского общества мы пока не располагаем достаточными материалами. Несколько больше данных имеется о военном деле родоплеменных коллективов. Комплекс вооружения воинов того времени включал средства ведения дистанционного боя и защиты. Дистанционное оружие представлено в основном луками и стрелами. Лук в этот период применялся сложносоставной, т.е. на деревянную его основу (кибить) крепились роговые концевые и срединные накладки. Последнее увеличивало мощность этого вида оружия. Такому луку соответствовали стрелы с массивными железными наконечниками. Из оружия ближнего боя были известны железные кинжалы, однолезвийные палаши. Среди защитного оружия имелись пластинчатые металлические панцири, служившие эффективным средством защиты тела воина от стрел и колющих ударов в дистанционном и ближнем бою.

В целом горно-алтайское войско представляется относительно однородной массой легковооруженных конных лучников. Оно могло применять тактику рассыпного строя, осыпая противника стрелами с определен-

ной дистанции, маневрировать по фронту, стремясь обойти неприятеля или пускаться в притворное бегство с целью спровоцировать его на атаку в невыгодных условиях. Вместе с тем, наличие в составе войска отборных подразделений, вооруженных, помимо лука и стрел, колюще-рубящим оружием и имевших некоторые средства защиты, позволяло атаковать противника лавой, противостоять прицельной стрельбе в момент сближения, успешно сражаться в ближнем бою (Худяков, 1986).

Как и в предшествующее время, у населения Горного Алтая имелась определенная сумма положительных знаний. Однако, дать более или менее полную их характеристику мы в настоящее время не можем. Развивалось изобразительное искусство. Так, в курганах могильника Белый Бом—II, к примеру, обнаружено несколько костяных изделий с врезными украшениями в виде циркульного орнамента, спиралей, геометрических фигур.

Как всегда, яркую картину мировоззренческих представлений дает погребальный обряд, в котором запечатлелась вера в потустороннюю жизнь. С усопшим укладывали необходимые вещи, а в погребальную камеру ставили пищу. Во многих курганах обнаружены сопровождающие конские захоронения.

По представлениям древних горно-алтайцев окружающий мир был населен большим числом духов, часть из которых несла людям беды. Для защиты от их козней использовались обереги. В частности, по материалам могильника Белый Бом—II можно судить, что в этой роли выступали когти медведя.

В заключение надо отметить, что изучение этого важного в истории Горного Алтая периода, по сути дела, по настоящему только еще начинается и в последующие годы относительно его содержания следует ожидать основательных разработок.

Горный Алтай в эпоху средневековья

В хронологическом плане раздел охватывает период с середины I тыс. до середины XVIII в. характерной чертой этого крупного отрезка истории было то, что на всем его протяжении Горный Алтай входил в те или иные государственные образования, создававшиеся в Центральной Азии вначале тюркоязычными, а затем монголоязычными народами. Исходя из этой специфики и будет построено дальнейшее изложение материалов.

Древнетюркское время

В середине и второй половине I тыс. историческое развитие горно-алтайского населения, как уже сказано, было тесно связано с Центральной Азией, где складывались государственные образования тюркоязычных племен. Отсюда этот промежуток времени получил в научной литературе название древнетюркской эпохи. Охватывает она целых полтысячелетия, поэтому вполне естественны попытки исследователей разделить этот хронологический отрезок на более мелкие части. Наиболее широко признанными сейчас являются две периодизационные схемы. Одна из них предполагает деление древнетюркской эпохи на раннетюркское (V — середина VI вв.), тюркское (середина VI — середи-

на IX вв.) и позднетюркское (середина IX — конец X вв.) время. По второй схеме внутренняя периодизация древнетюркской эпохи согласуется со временем сложения в Центральной Азии государств: 552—630 гг. (Первый Тюркский каганат), 579—742 гг. (Второй Тюркский каганат), 745—840 гг. (Уйгурский каганат), 840 — конец X в. (Каганат енисейских кыргызов) (Савинов, 1984).

Одним из основных источников по истории Горного Алтая этого времени являются археологические материалы, добытые в разные годы А.А. Гавриловой, А.С. Васютиным, Л.А. Евтюховой, С.В. Киселевым, В.Д. Кубаревым, В.В. Радловым, С.И. Руденко, Д.Г. Савиновым, А.С. Суразаковым, Ю.С. Худяковым и другими исследователями. Наиболее крупные обобщения археологических данных предпринимались С.В. Киселевым в его фундаментальном труде «Древняя история Южной Сибири», А.А. Гавриловой в связи с публикацией материалов могильника Кудыргэ, В.Д. Кубаревым, суммировавшим данные по каменным изваяниям, Д.Г. Савиновым, монографически проанализировавшим источники по истории южносибирских народов того периода. Крупное обобщение археологических материалов по древнетюркской эпохе Алтая осуществлено В.А. Могильниковым в связи с подготовкой многотомной серии «Археология СССР».

С привлечением широкого круга этнографических источников разбираемое время достаточно полно освещено в работах Л.П. Потапова. Многие для понимания особенностей духовной культуры населения Горного Алтая этой эпохи дают исследования по фольклору С.С. Суразакова. Ну и, конечно, огромное значение имеют разнообразные письменные источники, позволяющие судить о тех или иных сторонах жизни древнетюркских народов в целом. Обобщены и проанализированы они были в разное время Н.Я. Бичуриным, С.Е. Маловым, Л.Н. Гумилевым и многими другими выдающимися исследователями.

Период древнетюркских каганатов

Поскольку историческое развитие горно-алтайского населения в середине и второй половине I тыс. было тесно связано с событиями, развернувшимися на обширной территории азиатского региона, изложение материалов по Горному Алтаю имеет смысл предварить краткой характеристикой этнополитической истории Центральной Азии в целом.

Как известно, ведущую политическую роль здесь во второй половине I тыс. играли объединения племен теле и тюрков (тугю или туюю по китайским летописям). Этноним «теле» появился в китайских летописях Суйской (581—618 гг.) и Танской (618—907 гг.) династий и применялся к большой группе племен, кочевавших по северную сторону пустыни Гоби между Большим Хинганом на востоке и Тянь-Шанем на западе. Правда, авторы известной монографии «Китайский этнос на пороге средних веков» называют телеутов в числе восставших в 430 г. против сяньбийской династии государства Северная Вэй. Жаль только, что в книге нет ссылки на соответствующий источник и не расшифровано, как этот этноним записан в оригинале, ведь приведен он явно в более позднем звучании.

В целом следует отметить, что интересующие нас племена появились на исторической арене намного раньше, чем их самоназвание стало фигурировать в китайских летописях. Отдельные специалисты склонны увязывать термин «теле» с названием более древних групп азиатского населения — динлинами. Синологи пришли к выводу, что в наиболее ранних письменных источниках теле фигурируют под наименова-

нием гао-гю, которое было дано им китайцами по одному из бытовых признаков. В переводе оно означает «высокие повозки», так как при перекочевках интересующие нас племена пользовались этим видом транспорта. Гао-гю кочевали в IV в. по северную сторону Гоби на территории современной Монголии, смыкающейся с Саяно-Алтайским нагорьем. Главное их племя Юаньхе (Вэйхо, Хуйхо) или Уйгур, обитало в бассейне Селенги.

Наиболее древние этнические корни теле уходят в гуннское время. Китайские летописи называют их прямыми потомками гуннов, повествуя, кроме того, и о схожести их языков. Связь теле с гуннской средой подтверждается этнографическими параллелями в сфере хозяйства и быта, а также духовной культуры. Прослежена эта связь и на археологическом материале (сходство керамики, конструкции сложного лука, погребальной практики и др.).

Теле враждовали с племенами жужаней, в зависимости от которых находились. Эта борьба обострилась во второй половине V в., в результате чего гаогюйский вождь Афучжило увел свой народ численностью в 100 тыс. кибиток на запад через Монгольский Алтай на территорию современной Джунгарии. Начиная с VI в., история племен теле была уже тесно связана с государством тюрков.

Истоки формирования тюрков уходят на юг, видимо, на территорию Восточного Туркестана. С.Г. Кляшторный, исследовавший древнетюркские генеалогические легенды и сопоставивший их с письменными источниками, предложил разделить их раннюю историю на два периода: ганьсуйско-гаочанский (III в. — 460 г.) и алтайский (460—552 гг.). В первый, южный, период из позднейших родоплеменных групп гуннов и, возможно, местного ираноязычного населения происходила консолидация древних тюрков. О том, что их ранние

этнические корни, как и у теле, связаны с гуннской средой вполне определенно говорят китайские летописи. Так, в династийной хронике Чжоушу (551—583 гг.) имеются сведения, указывающие, что предки тюрков — тугю под названием Ашина представляли собой отдельную ветвь дома Хунну (Бичурин, 1950). Во второй период основное их ядро переселилось на территорию Монгольского Алтая (Савинов, 1984). Здесь тюрки попали в зависимость от господствовавших в те времена в Центральной Азии жужаней, которым платили дань железными изделиями. Это положение не устраивало тюрков, которые стремились к созданию собственной государственности. Однако, сил для этого не хватало, нужен был союзник. Вскоре одному из тюркских правителей, Бумыню, удалось покорить большую группу теле численностью в 50 тыс. кибиток. Объединенные силы тюрков и теле разгромили жужаней и в 552 г. создали свое государственное объединение — Первый Тюркский каганат (552—630).

В 554 г. тюрки двинулись в Среднюю Азию и, подчинив Семиречье, Центральный Казахстан и Хорезм, к 555 г. достигли Аральского моря. В союзе с Сасанидским Ираном (563—567 гг.) они разгромили в Средней Азии государство эфталитов. Граница между Ираном и каганатом была установлена по Аму-Дарье, а различные среднеазиатские владения оказались в вассальной зависимости от тюрков. В 70-х годах VI в. власть Первого Тюркского каганата распространилась до Северного Кавказа. Были установлены дипломатические отношения между каганатом и Византией. Заключил с тюрками союз и Китай, который при кагане Тобо (572—581 гг.) обязался доставлять им в виде ежегодной дани 100 тыс. кусков шелковой ткани.

Племена теле, оказавшиеся в подчинении у древних тюрков, составляли в каганате большую силу. При

кагане Шаболио восточно-телесскими племенами управлял его брат Анло, кочевья которого находились в бассейне р. Толы. Удержать под единой властью столь огромную, к тому же населенную разнообразными племенами территорию, естественно, было невозможно. В результате разгоревшихся междоусобиц в 581 г. древнетюркское государство распалось на два каганата — Восточный, с центром в современной Монголии и Западный, с центром в Семиречье. Алтай вошел в состав Восточного каганата.

Существование последнего было недолгим. Его могущество быстро пошло на убыль, чему во многом способствовали восстания подвластных племен теле. В 630 г. Восточно-тюркский каганат был разбит китайскими войсками и как самостоятельное политическое объединение прекратил свое существование.

После его крушения, по северную сторону пустыни Гоби сложился каганат теле во главе с племенем сеяньто. В целом, он известен под названием токуз-огуз, т.е. «девять огузов» или «девять племен» (Потапов, 1969). Политическое влияние каганата распространилось на территории Монголии, Тывы, Алтая, Минусинской котловины. В результате междоусобной борьбы, а также ряда поражений от китайских войск племена теле в 648 г. вынуждены были временно признать власть Китая.

Западный каганат после разделения, напротив, укрепил свои позиции в Средней Азии. В первые десятилетия VII в. в среднеазиатских землях при кагане Туншеху была реорганизована система управления. Ранее покоренные местные владельцы получили титул селифа и считались тюркскими наместниками. Для контроля и сбора дани к ним были приставлены тутуки. В то же время междоусобная борьба периодически разгоралась и здесь. Пытаясь восстановить политическое равновесие, пришедший в 634 г. к власти Шаболо-Хилиши провел административную реформу и законодательно

закрепил существовавшее племенное деление западных тюрков на 10 частей. Пять из них под общим названием нушиби обитали к юго-западу от р. Чу, пять других под названием дулу жили в междуречье Чу-Или. Кочевавшие в степях между Алтаем, Иртышем и Или карлуки и тюргешы вошли в состав союза дулу.

В 651 г. основные силы западных тюрков были разбиты китайскими войсками. Однако, зависимость этих владений от Китая была номинальной. Тибет, усилившийся в 70-х годах VII в., фактически отделил Среднюю Азию от Китайской империи.

Господство Китая над восточными тюрками длилось несколько десятков лет. Однако, они постоянно стремились к возрождению самостоятельной государственности. Наконец, в 682 г. одно из наиболее крупных восстаний окончилось для кочевников успехом. Во главе его стоял происходивший из знатного древнетюркского рода Ашина — Ильтерес (по китайским летописям Гудулу), объявивший себя каганом. В Центральной Азии возникло новое государственное объединение, получившее в научной литературе название — Второй Тюркский каганат (682—744 гг.).

Ставка кагана сначала находилась к югу от пустыни Гоби, однако, после победы над уйгурами она была перенесена в бассейн р. Орхон. Алтай и Тыва представляли собой северную окраину каганата.

В 692 г. после смерти Ильтереса каганом стал его брат Мочжо. В 711 г. его войско совершило успешный поход против возникшего на месте Западного Тюркского каганата государства тюргешей, а в 712 г. войска восточных тюрков ходили на помощь осажденному арабами Самарканду.

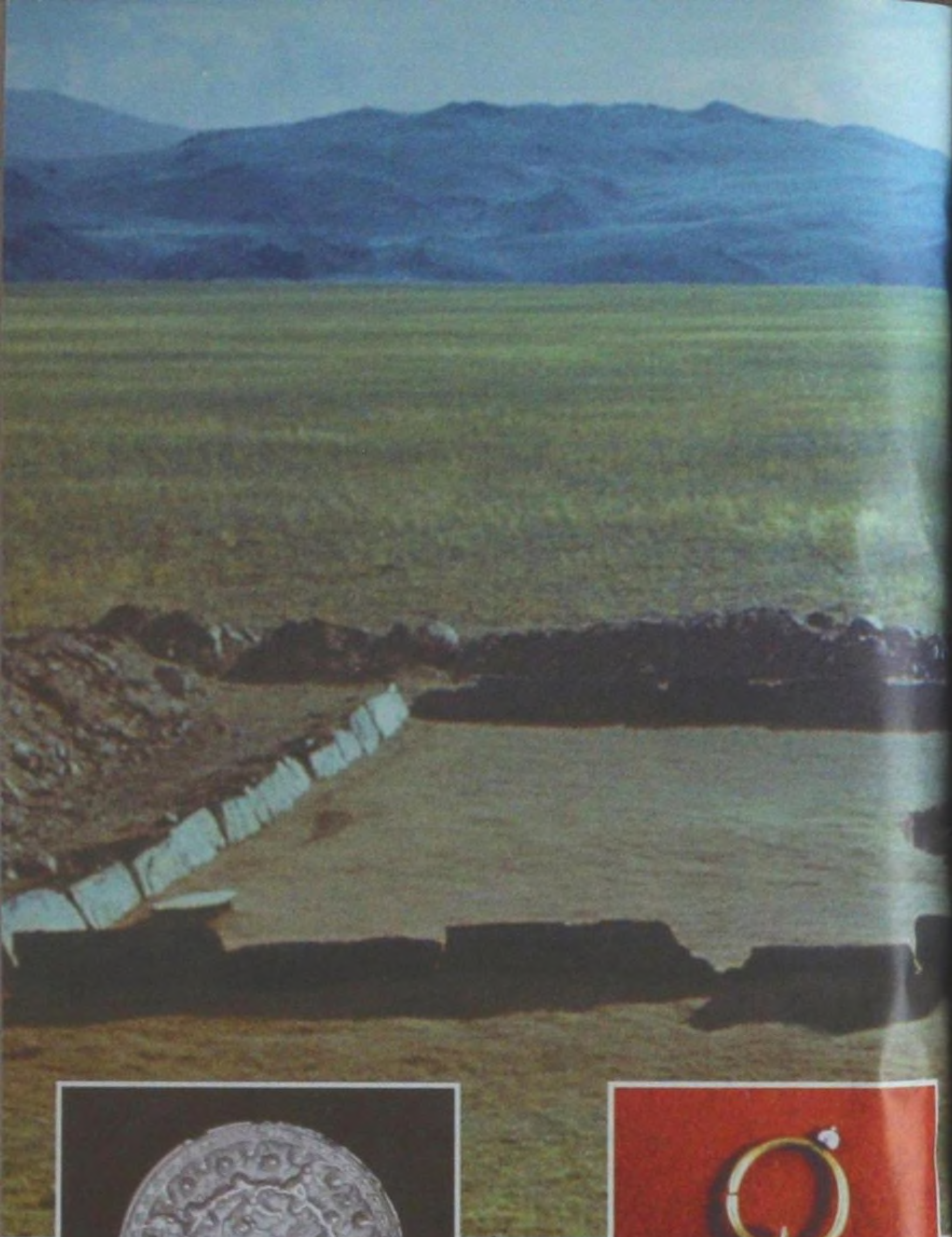
После гибели Мочжо центрально-азиатские племена были объединены сыном Ильтереса Кюль-тегином, который стал главнокомандующим войсками. Каганом он объявил своего старшего брата Бильге (Могиляна).

Китай, встревоженный ростом могущества восточных тюрков, пытался разгромить их с помощью киданей и басмылов. Однако, последние были разбиты, а затем тюрки разгромили и китайские войска. Каганат в результате этих действий окреп, но после смерти Бильге в 734 г. из-за престола начались междоусобицы. Воспользовавшись ослаблением центральной власти, объединенные силы уйгуров, карлуков и басмылов выступили против восточных тюрков. Второй Тюркский каганат рухнул, а на его месте возникло государство уйгуров.

Итак, после краткого изложения политической истории Центральной Азии, с которой описываемый регион был связан теснейшим образом, попытаемся в самых общих чертах охарактеризовать этнический состав населения Горного Алтая интересующего нас времени. Начнем с письменных и связанных с ними этнографических источников. Как показывает анализ всевозможных письменных материалов, ближайшие предки современных алтайцев в XVII—XVIII вв. объединялись в четыре родственные этнические группы — теленгитов, тубаларов, кумандинцев, чалканцев (Самаев, 1991), состоявших, в свою очередь, из множества более мелких родовых групп (по-алтайски — сеоков). Наиболее многочисленную группу представляли теленгиты (телеуты по русскоязычным источникам), расселявшиеся не только в горных областях, но и на обширных равнинных участках бассейнов верхних течений Оби и Иртыша. В основе их этнонима лежит термин «теле».

Последнее дало основание Л.П. Потапову утверждать, что в истоках формирования этнического состава населения региона лежат тюркоязычные компоненты, связанные с носителями древнего этнонима «теле», обитавших в древнетюркскую эпоху в Центральной Азии по северную сторону пустыни Гоби. Через средневеко-

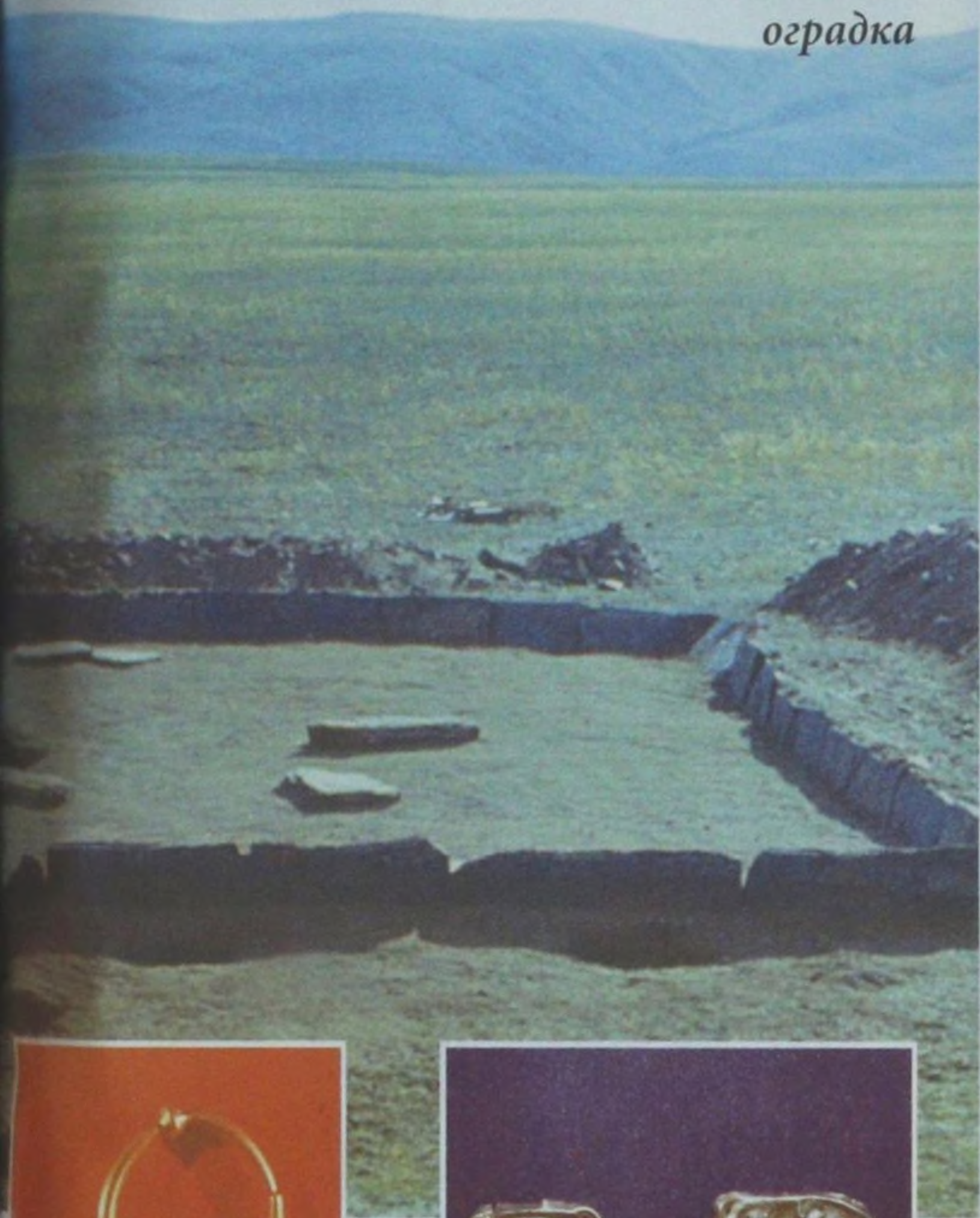

Металлическое зеркало

Серьга с подвеской

Древнетюркская
каменная
оградка

Золотая серьга

Бляхи наборного пояса

Серебряные кубки

Каменное
изваяние

вых теле этнические корни современного тюркоязычного населения Алтая уходят в еще более раннюю гуннскую эпоху, поскольку летописи прямо называют теле середины I тыс. потомками гуннов.

Исходя из анализа письменных источников, мы можем и более подробно охарактеризовать те древние корни современных алтайцев, которые восходят к племенам теле.

Так, древние предки теленгитов (толанко или доланьго по китайским летописям) после крушения Восточно-тюркского каганата входили в объединение токуз-огузов. В середине VII в. они кочевали в районе близ современного Улан-Батора. В 581 г. брат кагана Шаболио — Анло, кочевавший в бассейне р. Толы, управлял племенами аба. Их потомки «абинские татары» сохраняли свое имя до XIX в. Название рода телес перекликается с обозначением восточной половины древнетюркского государства.

Далекие предки представителей родов — сеоков титас и байлагас — азы упоминаются в древнетюркских рунических надписях как проживавшие в западной части Тывы. Затем в Семиречье они слились с западными тюрками — тюргешами. Часть азов, как свидетельствует этнографический материал, осела на Алтае. Усматривается древняя основа и в названии рода чыгат. Судя по древнетюркским надписям, чики жили на территории Тывы, а позднее, к северу от Горного Алтая, в степях Приобья. К группе племен теле древнетюркского времени восходит и кумандинский род со (Потапов, 1969).

Этнические корни тубаларов уходят к племенам, обитавшим в VI—VII вв. в районах, прилегавших к оз. Косогол и на запад до верховьев Енисея. В целом, они представляли тюркоязычную группу, родственную уйгурам. К концу I тыс. предки тубаларов переселились в Саяно-Алтай. Та часть туба, которая осела на востоке Тывы, ассимилировала жившие там самодийс-

кие и кетоязычные группы, а в дальнейшем дала название тувинской народности (туба, тува, тыва) (Вайнштейн, 1991). Однако, в этногенезе населения Алтая в рассматриваемое время участвовали не только родоплеменные группы теле. В процесс этот были включены и древние тюрки (тугю). К примеру, современное название рода тодош, возможно, происходит от термина, обозначавшего когда-то западное крыло древнетюркского государства. К древнетюркской среде восходят и этнические корни кыпчаков, отдельные группы которых в VII—VIII вв., вероятно, обитали в Саяно-Алтайском нагорье. Позднее они расселились в Прииртышье и далее на запад. Название рода тиргеш увязывается с наименованием одной из групп западных тюрков — тюргешей.

Таким образом, древнетюркская эпоха была временем этногенеза древнейших предков современных алтайцев, происходившего на основе смешения различных родоплеменных групп теле и древних тюрков (тугю), которые, кроме того, проникали на севере в угро-самодийскую среду. Памятники последних имеются в верховьях Оби и объединены археологами в рамках одинцовской культуры V—VI вв.

Расселялись указанные группы на обширных пространствах Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана. Из-за ограниченности имеющихся материалов мы не можем пока воссоздать подробную картину проникновения их на Алтай.

Археологические памятники Горного Алтая рассматриваемого времени представлены каменными четырехугольными оградками, изваяниями, погребальными сооружениями кудыргинского и катандинского типов. Древнетюркские оградки сооружались в виде четырёхугольников из поставленных на ребро каменных плит, заложенных, в свою очередь, как с внутренней, так и с внешней стороны более мелкими камнями. В центре оград часто находятся неглубокие ямы,

в которые вертикально устанавливались деревянные столбы, реже высаживались деревья (Кубарев, 1978). С восточной стороны сооружений находятся изваяния или стелы, а также ряды вертикально вкопанных камней — балбалов. На стелах и плитах ограждения, в редких случаях, имеются петроглифы, изображающие различных животных и сцены охоты. С внешней стороны оград иногда вкапывались дополнительные деревянные вертикальные столбы. По отдельным конструктивным признакам эти сооружения отличаются друг от друга, в чем, видимо, проявляются хронологические или этнические особенности. Ограды, сооруженные для горно-алтайской знати того времени, окружены дополнительным валом и рвом.

В древнетюркских оградках встречаются угли, зола, кости животных (лошади, овцы), причем кости лошади представлены, в основном, обломками черепов и конечностей. Очевидно, здесь вывешивали шкуры жертвенных животных. В памятниках обнаружены также железные ножи, металлические детали конской упряжи, глиняные и металлические сосуды, наконечники стрел, детали колчанов, костяные накладки на лук, панцирные пластины, кинжалы, изредка зернотерки.

По этим предметам описываемые сооружения датируются в пределах V—VIII вв. Однако, для отдельных горно-алтайских оград получены радиоуглеродные даты, исходя из которых, их верхняя хронологическая граница отодвинута до X в. (Кубарев, 1978).

Большинством исследователей распространение памятников этого типа связывается с тюрками-тугю. Последние появились в пределах Монгольского Алтая, как говорилось, во второй половине V в., т.е. к концу этого века и уже определенно в VI в. древнетюркские ограды могли распространиться на рассматриваемой территории. В вопросе о назначении описываемых памятников у исследователей общего мне-

ния нет. Одни считают их погребальными, другие — поминальными объектами.

С оградками связана многочисленная серия обнаруженных в Горном Алтае каменных изваяний, изображавших преимущественно мужчин, часто с усами и бородой. Нередко на каменных блоках выбивалось только лицо человека. На ряде изваяний изображены дополнительно головные уборы и детали одежды, различные украшения, наборные пояса с подвешенным к ним оружием (кинжалы, сабли) и другими предметами (мешочки, точильные камни и т.д.). В правой руке запечатленные на изваяниях образы людей, как правило, держат сосуд, тогда как левая рука лежит на поясе или оружии. В целом, изваяния передают облик усопших людей и стоят в местах, где когда-то происходили посвященные им поминально-погребальные действия.

Вторая группа археологических памятников Горного Алтая времени Первого Тюркского каганата представлена поздними погребальными сооружениями кудыргинской культуры, характеризующими традиции населения, проживающего здесь с предшествовавшего периода (Суразаков, 1992). В погребении № 15 могильника Кудыргэ обнаружена медная монета 575—577 гг. (Гаврилова, 1965).

В отдельную группу выделяются каменные курганы с широтной ориентировкой человеческих костяков и сопроводительными захоронениями, которые также можно связать с населением, проживавшим здесь с предшествующего периода и оставившим более ранние объекты берельского типа.

В период Второго Тюркского каганата в Горном Алтае были распространены памятники катандинского типа VII—VIII вв., представляющие собой округлые в плане каменные курганы с сопровождающими конскими захоронениями, ориентированными в противоположную, чем человеческий костяк сторону.

Итак, вместе с письменными источниками, а также этнографическими данными, археологические материалы свидетельствуют о том, что этногенез населения Горного Алтая эпохи древнетюркских каганатов базировался на основе взаимодействия различных групп теле и тюрков, проникавших на эту территорию в разное время. Определенную роль в этом процессе сыграли и отдельные родоплеменные группы, проживавшие здесь с предшествующего периода.

Ведущую роль в хозяйстве горно-алтайского населения продолжало играть скотоводство. Наиболее часто в памятниках встречаются кости овец и лошадей, реже крупнорогатого скота. В течение всего года скот находился на подножном корме. В связи с этим использовалась система сезонных пастбищ, когда летом его угоняли на высокогорные луга, а ближе к зиме перегоняли в долины к зимникам. Можно предположить, что в этот период уже производилась, хотя и в ограниченных размерах, заготовка корма на зиму. По этнографическим данным известно, что алтайцы использовали для этого кривой нож — «оргуж», которым нарезали пучки травы, свивали их в жгуты и подвешивали затем на деревьях. О существовании подобных форм заготовки сена в интересующее нас время может свидетельствовать находка железного серповидно изогнутого ножа в одной из древнетюркских оградок могильника Кудыргэ.

Подсобную роль в хозяйстве играло земледелие. Собственно, как подсобная отрасль, оно развивалось у населения Горного Алтая предшествующей эпохи. С земледелием были знакомы и включившиеся здесь в этногенетический процесс центрально-азиатские скотоводы. Сеяли, в основном, просо, а само земледелие было мотыжным. В курганах древнетюркской эпохи обнаружены железные наконечники от мотыг в виде подтреугольной лопатки (Киселев, 1951). Там, где позволяли

природные условия, под посевы этими орудиями обрабатывались небольшие участки. В отдельных местах эта отрасль могла играть и более существенную роль. Об этом свидетельствует наличие в ряде районов Горного Алтая (Курай, нижнее течение Чулышмана и т.д.) остатков оросительных систем, часть которых, по мнению специально занимавшегося этим вопросом С.В. Киселева, может относиться к древнетюркской эпохе.

Значительную роль в хозяйстве играла охота. Судя по находкам в археологических памятниках, охотились на диких козлов, маралов, кабанов, пушных зверьков. Промысел этот пополнял пищевые запасы, а также давал дополнительное сырье, т.е. шкуры и мех для всевозможных поделок. Основным охотничьим оружием служил лук со стрелами. Как и в предшествующее время, лук использовался сложносоставной, снабженный роговыми накладками, что увеличивало его дальность. В памятниках найдены берестяные колчаны со стрелами, имеющими железные наконечники с костяными свистунками. Попадаются роговые, а также тупые деревянные наконечники стрел, использовавшиеся для охоты на пушных зверьков. Судя по изобразительному материалу, в это время были известны как пешие, так и конные способы охоты. Кроме лука и стрел, вероятно, использовались всевозможные ловушки, капканы и т.д. Определенную роль в хозяйстве играло собирательство различных съедобных, а также лекарственных растений.

Основное направление хозяйственной деятельности стимулировало развитие таких домашних производств, как выделка шкур и кож животных, ткачество, обработка дерева и резьба по кости.

Археологические исследования свидетельствуют о широком распространении у населения Горного Алтая горнометаллургического производства. Изученные памят-

ники черной металлургии демонстрируют высокий уровень развития производства железа, а также позволяют говорить об особенностях прошлой металлургической технологии. Наиболее хорошо исследованы сыродутные горны в Кош-Агачском районе. Они представляют собой шахтные печи, сооруженные в ямах из камней и плит. Толщина каменной кладки равняется 20–30 см. Внутри печи обмазывали глиной, в нижней части передней стенки имелось небольшое отверстие для выпуска шлака. В плане сыродутные горны имели овальную форму, в высоту достигали 180–190 см. На уровне около 1 м поперек длинных стенок располагалось воздухоподводящее устройство из 20–22 отверстий диаметром 3–4 см, выходивших наружу под углом 45–50°.

Анализ железных шлаков и руд при хорошей сохранности сыродутных печей дает возможность с достаточной полнотой осветить вопросы, связанные с техникой получения в них железа. В сыродутный горн загружалась специально приготовленная шихта – смесь железной руды и древесного угля. Сгорающий уголь создавал в рабочем пространстве печи высокую температуру, при которой руда, состоявшая, в основном, из окислов железа, подвергалась химическим изменениям. В результате, одна часть окислов восстанавливалась до металлического железа в виде отдельных зерен, которые сваривались в рыхлую губкообразную массу – крицу, другая – восстанавливалась до закиси железа и, соединяясь с различными окисями, образовывала железный шлак. Образование закиси предшествовало появлению металлического железа, благодаря чему, вначале выплавлялся шлак, который стекал в нижнюю часть печи.

Важнейшим условием сыродутного процесса являлось создание на всем протяжении рабочего пространства печи температур свыше 1000°, что достигалось при небольшой (до одного метра) ее высоте. Если высота сыродутного горна была больше, то шихта нагревалась

неравномерно и, в силу определенных химических реакций, вместо железа древние металлурги получали чугун. При отсутствии навыков обработки он не мог применяться в кузнечном промысле и по этой причине считался браком. Вместе с тем, большая потребность в железе как местных, так и степных племен требовала увеличения объемов его производства. Последнее было возможно за счет конструктивных изменений сыродутного горна. И выход был найден. Горно-алтайские металлурги почти в два раза увеличили высоту сыродутной печи за счет усовершенствования воздухоудного устройства. Новизна заключалась в увеличении количества сопел и расположении их на высоте около 1 м или посередине рабочего объема печи. Этим достигалась равномерность прогревания всего пространства рабочей шахты. Полезный объем таких горнов достигал 1 куб. м, т.е. по своим параметрам они значительно превосходили печи многих других металлургических центров того времени.

Горно-алтайские металлурги дробили руду на фракции до 0,5—1 см в диаметре. Химический анализ компонентов металлургического процесса показал, что из 100 кг железной руды в таких печах получали 22 кг железа. Из этого металла кузнецы изготавливали орудия труда, оружие, всевозможные предметы быта. Развивалась в описываемый период и цветная металлургия. Из бронзы, серебра, золота изготавливали различные украшения одежды, конской сбруи, другие предметы.

Об образе жизни и быте средневековых тюрков имеются обобщенные сведения в письменных источниках. «Обычаи тукюесцев: распускают волосы, левую полу наверху носят; живут в палатках и войлочных юртах, переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде... питаются мясом, пьют кумыс; носят меховое и шерстяное одеяние» (Бичурин, 1950). Но это все в общем и относительно степных кочевников. Из чего складывался образ жизни средневеко-

вых жителей Горного Алтая в его региональной специфике можно только предполагать. Тем не менее, отдельные его стороны на базе археологических материалов реконструируются достаточно отчетливо.

Так, в захоронениях находятся большие глиняные горшки. Из металлической посуды известны серебряные кувшины. В быту употреблялись находимые в памятниках железные черешковые ножи, каменные оселки, железные топоры с несомкнутой втулкой типа известных в этнографической давности керги. В могильнике Кудыргэ обнаружены фрагменты деревянного прибора для добывания огня. От него сохранились нижняя сосновая дощечка с углублениями, в которые вставлялось лучковое сверло и желобками для подсыпания какого-то горючего материала, а также изготовленный из березового дерева верхний упор для лучкового сверла.

Об одежде населения можно судить по изобразительному материалу, воспроизведенным деталям на каменных изваяниях, а также фрагментам из древних захоронений. Носили в те времена низкие, облегающие голову шапочки, а также высокие головные уборы конической и цилиндрической формы. На кудыргинском валуне изображена женщина в трехрогом уборе.

Наплечную одежду шили из меха, кожи, привозного шелка. Образы женщины и ребенка на кудыргинском валуне воспроизведены в длинных распашных халатах из узорчатой ткани, из-под которых выглядывает другая, также длинная одежда с наглухо застегивающимся воротником. Мужчины носили длинные шубы или халаты, детальный покрой которых в настоящее время установить не удастся.

Больше сведений имеется о поясах. Их делали из толстой кожи. Застегивались они пряжками с подвижным язычком и украшались всевозможными брон-

зовыми бляхами и наконечниками. К поясам подвешивали кожаные мешочки, оружие. Разнообразными металлическими бляхами украшали и другие части одежды. Из личных украшений были распространены металлические серьги, гривны, ожерелья, браслеты, колты, перстни. Из предметов туалета известны металлические зеркала.

Основным средством передвижения служил верховой конь. Конная сбруя включала железные удила, снабженные роговыми, реже металлическими псалиями, седла с низкими или высокими луками, к которым иногда крепились роговые накладки, железные стремяна с восьмерковидным или пластинчатым ушком для ремня. От подпружных ремней сохранились массивные роговые пряжки с подвижным язычком. Сбруя украшалась всевозможными металлическими бляшками, а роговые седельные накладки — врезным орнаментом.

Пользовались в то время, видимо, и различными типами повозок. Из древних письменных источников известно, что у племен теле таковые имелись. Однако, были ли они у племен этой группы в горной местности, неясно. Возможно, здесь использовались различного рода волокуши, а основные грузы перевозились на вьючных лошадях. В Чуйской степи для этих целей мог использоваться верблюд, который известен здесь издавна.

Основное достояние древних горно-алтайцев — скот находился в частносемейной собственности. Земля же, скорее всего, принадлежала родоплеменным группам и отдельным общинам, которые занимались распределением пастбищ, организацией коллективного сооружения оросительных систем и т.д. При этом, надо думать, отдельные выпасы и возделываемые участки более или менее постоянно закреплялись за семьями.

О внутренних отношениях обмена среди населения Горного Алтая рассматриваемого времени судить

по археологическим материалам трудно, тогда как о существовании внешней торговли можно говорить вполне определенно. Через юго-восточных соседей в регион поступали китайский шелк, металлические зеркала и другие предметы ремесленного производства. В обмен, скорее всего, шли продукты скотоводства, меха ценных пушных зверей. Учитывая известные по этнографическим и археологическим данным традиционные занятия местного населения, можно предполагать, что большую долю во внешнем обмене составляли железные изделия. Судя по найденным монетам, развивались торговые связи и с юго-западными территориями, т.е. с населением Казахстана и Средней Азии.

Жило население Горного Алтая небольшими, состоящими из нескольких родственных семей общинами, что наиболее соответствовало основному направлению его хозяйственной деятельности — скотоводству. Эти общины владели определенными системами пастбищно-лесных угодий, могли довольно долго проживать на одном месте и входили в различного уровня родоплеменные объединения. В целом же, Горный Алтай на протяжении рассматриваемого периода являлся составной частью складывавшихся в Центральной Азии древнетюркских государств.

Об обычаях и традициях основной массы населения каганатов известно немного. В древних летописях о них говорится: «По смерти отца, старших братьев и дядей по отце женятся на мачехах, невестках и тетках». При свадебных сговорах выплачивался калым, одной из главных составляющих которого был скот. По уголовным законам «бунт, измена, смертоубийство, прелюбодеяние с женою чьею-либо, похищение спутанной лошади — наказывается смертью. За увечье в драке платят вещами, смотря по увечью. Повредивший глаз повинен отдать дочь, а если нет дочери, должен

отдать женино имущество; изувечивший какой-либо член тела платит лошадь; укравший лошадь и другие вещи платит в десять крат против стоимости покражи» (Бичурин, 1950).

Как видим, в процессе заключения брачных договоров не только выплачивался калым, но и жена приходила со своим имуществом. Из уголовных законов также следует, что они были направлены на ограждение частносемейной собственности на скот — главное достояние скотоводческих народов.

Во главе древнетюркского государственного объединения стоял каган, избираемый тюркской знатью из своей среды. Зачастую он происходил из правящего рода Ашина. Входявшие в состав государственного объединения племена были обязаны выполнять ряд повинностей — платить подати, доставлять предписываемое количество людей, скота и т.д.

Для покоренных каганатом племен назначались специальные наместники (ябгу, шад), а также сборщики дани (тарканы). В целом, в древнетюркском государственном объединении существовала довольно разветвленная иерархия власти с наследственными должностями. Высшие из них занимали ближайшие родственники кагана.

Для реализации внутренней и внешней политики древнетюркские каганы располагали большим войском. Основу его составляли выполнявшие воинскую повинность рядовые общинники. В письменных источниках упоминаются телохранители, которых называли «волк» в знак того, что они помнят свое происхождение от волка. Видимо, наиболее приближенная к кагану часть войска подбиралась из близких ему в родственном плане родоплеменных групп. «Из оружия, — гласит древняя летопись, — имеют роговые луки со свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши. Знамена с золотой волчьей головой.... Искусно стреляют из лука с лошади...».

Все перечисленные виды оружия найдены археологами в процессе раскопок курганов древнетюркского времени. В Горном Алтае, в частности, обнаружены сложносоставные луки, снабженные роговыми накладками, увеличивавшими их упругость и дальность. Стрелы имели массивные трехлопастные наконечники для стрельбы по легковооруженному противнику. В это время появились также трехгранные и четырехгранные наконечники, приспособленные для пробивания защитного металлического доспеха. Хранили стрелы в берестяных колчанах, которые крепили ремнями с левого бока воина. В ближнем бою применялись различные виды рубяще-колющего оружия, т.е. мечи, палаши, копья, кинжалы, боевые топоры. Из защитного доспеха горно-алтайские воины использовали металлические пластинчатые панцири и кольчуги. Перечисленный комплекс вооружения выглядит значительно более разнообразным по сравнению с оружием предшествующей эпохи (Худяков, 1983). Воины древнетюркского времени Горного Алтая обладали широким набором средств дистанционного боя, защитным доспехом, разнообразным арсеналом рубяще-колющего оружия.

Опираясь на свои войска, древнетюркские каганы проводили довольно активную как внутреннюю, так и внешнюю политику. Внутренняя деятельность, в основном, была направлена на поддержание государственной целостности. В письменных источниках часто встречаются сведения о борьбе каганов с центробежными силами. Внешняя политика была направлена на завоевание новых территорий, в основном, на западе.

В процессе освоения окружающей среды горно-алтайские племена накопили определенную сумму положительных знаний о свойствах различных природных материалов и лекарственных растений, повадках животных и т.д., что, безусловно, помогало им в повседневной жизни.

Одним из крупных культурных достижений населения Горного Алтая рассматриваемого периода было появление у него письменности. Древние летописи по этому поводу дают противоречивые сведения. В одном из источников, к примеру, говорится, что тюрки «Письмен не имеют. Количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве. Вместо предписания на бумаге, употребляется стрела с золотым копьем, с восчаною печатью». Однако, далее эта летопись указывает, что «Буквы письма их походят на буквы народа Ху...» (Бичурин, 1950).

Как бы там ни было, но наличие письменности у древнетюркских племен было доказано археологическими материалами, включающими надписи на скалах и надгробных камнях, а также бытовых предметах из древнетюркских курганов. Стимулом для расшифровки письменности явились найденные Н.М. Ядринцевым в долине Кошо-Цайдам на берегу Орхона в Монголии стелы с надписями в честь тюркского кагана Могиляна и его брата Кюль-Тегина. Ключ к их расшифровке нашел датский ученый В. Томсен. Пользуясь его открытием, академик В.В. Радлов дал свой перевод этих больших надписей. Так был найден новый источник по изучению истории и культуры древнетюркских государственных образований. К настоящему времени надписи обнаружены на большинстве территорий расселения древнетюркских племен, в том числе и в Горном Алтае. Характер их, по мнению исследователей, убеждает, что письмом в рассматриваемое время пользовались достаточно широко.

Наибольшее распространение получила гипотеза о том, что образцом для древнетюркского 38-значного рунического алфавита послужила одна из разновидностей согдийского письма (Кляшторный, 1964). В процессе приспособления к тюркскому языку в согдийский алфавит были внесены существенные изменения. К примеру, кур-

сивное написание отдельных букв заменено раздельным их написанием. Под влиянием родовых тамг и идеографических символов, а также исходя из особенностей служившего для письма материала (камень, дерево, металл), закругленные начертания согдийских букв были заменены геометризованными и т.д. Вопрос о времени и месте появления древнетюркской письменности пока не решен. Существует мнение, что она возникла во второй половине VII в. и употреблялась до XII в.

С накоплением эпиграфических материалов исследователями выделяется несколько руноподобных алфавитов, за которыми некогда стояли самобытные письменные школы. Причем, разнообразие традиций выявляется и для самого Горного Алтая (орхонское, енисейское письмо). Делается также вывод, что основное применение письма было не в виде вырезания на дереве, камне и кости, а в форме написания на мягких материалах (Кызласов, 1992).

Развивалось в рассматриваемое время и изобразительное искусство. В курганах обнаружены разнообразно украшенные бытовые предметы. Выделяется древнетюркский пласт среди многочисленных наскальных рисунков. На них можно встретить схематические изображения горных козлов, напоминающие тамги тюркских каганов, охотничьи и батальные сцены.

Нельзя не сказать и о монументальном искусстве, представленном каменными изваяниями, входившими в состав погребально-поминальных комплексов. Для их изготовления древние мастера специально подбирали каменные блоки, внешне напоминающие человеческую фигуру. Для придания большего сходства камни обычно подтесывались, их грани округлялись обивкой. На полученных таким образом заготовках каменотесы с большим мастерством выбивали контуры лиц, рук, детали одежды.

Бытовал у древнетюркских племен богатый фольклор. В чистом виде он, естественно, до нас не дошел, поскольку отдельные его образы и сюжеты дополнялись, конкретизировались, видоизменялись, иными словами, трансформировались с переходом от одной исторической эпохи к другой. Они органически вплетались в общую фольклорную ткань, существуя параллельно или же искусно дополняя новые сюжеты. Прослеживая в устном народном творчестве разновременные напластования, современные исследователи выделяют фольклорные традиции, сложившиеся в глубокой древности. Большая работа в этом направлении проведена относительно алтайского героического эпоса. В нем выделены различные по времени возникновения пласты, восходящие порой к первобытнообщинной эпохе. Эпос выдвинул свой тип героя — конного богатыря-охотника (Суразаков, 1985). В древнетюркское время образ этот получил дальнейшую разработку, о чем свидетельствует изобразительное искусство той поры, в частности, костяные накладки на переднюю луку седла из могильника Кудыргэ. На них вырезан несущийся во весь опор на коне и стреляющий из лука всадник. На уровне копыт коня воспроизведен образ рыбы. От всадника убегает кулан, горный баран, заяц, лиса, косули, маралы, медведь. В центре композиции показаны тигры. В этой охотничьей сцене запечатлены как водные, так и сухопутные животные, обитающие, кроме того, в степных, горных, таежных областях, а также в южных и северных широтах. Сама собой напрашивается интерпретация кудыргинских изображений как путешествие эпического охотника-богатыря через тайгу и горы, южные и северные страны.

Древнетюркская эпоха — это время сложения и крушения обширных государственных образований, обостренных социальных конфликтов. Все это отразилось в древнетюркских текстах, высеченных на ка-

менных стелах, установленных в погребальных комплексах древнетюркских каганов и их приближенных в бассейне Орхона в Монголии. Они содержат сведения о всевозможных походах и сражениях, а также покорении разных племен. Все эти события повлияли на эпическое творчество, где на первый план стала выдвигаться воинская героика.

В эпосе разворачиваются обширные батальные сцены. Враги эпических богатырей наделяются чертами и устремлениями реальных завоевателей, стремящихся к подчинению родоплеменных групп. В сказаниях они рисуются алчными, ведущими постоянные войны за обладание богатством и властью. Отрицательным каанам-поработителям противостоят конные воины-богатыри, выступающие против покорения и наложения дани, а также за освобождение и возвращение на родину плененного народа.

В древнетюркское время бытовали и другие жанры фольклора, к примеру, обрядовая поэзия (сыгыты), благопожелания (алкышы), пословицы и поговорки. Исследование орхонских рунических текстов показало влияние этих жанров на стиль их изложения. Была развита у древнетюркских племен и мифология.

Мировоззренческой базой в те времена выступал шаманизм. Главным божеством древнетюркского пантеона вообще и верхнего мира в частности являлся Тенгри (небо). В целом, культ неба зафиксирован историческими хрониками еще у предшественников тюрков — гуннов. Сохранился он у многих тюркоязычных народов вплоть до этнографической давности. По представлениям средневековых тюрков Тенгри распоряжался всем происходящим в мире, в частности, даровал власть, силу и мудрость каганам, а самих каганов народу, через различных посредников решал военные и государственные дела, наказывал согрешивших против кагана и т.д. Летописи сообщают, что для

испрашивания благодати у своего верховного божества тюрки ежегодно совершали различные моления и жертвоприношения,

Другим божеством древнетюркского пантеона была Умай — богиня плодородия и покровительница новорожденных, олицетворявшая собой женское начало. Имя ее фигурирует в рунических письменах, а сам культ сохранился до этнографической давности. Почитались тюрками и другие небесные божества, в частности, духи основных светил. Вход в ставку кагана, к примеру, находился с востока из благоговения к стране солнечного восхождения. Лицом к востоку, т.е. к восходящему солнцу, ставились у погребальных комплексов древнетюркские изваяния. «Обыкновенно пред полнолунием, — говорится в летописях, — производят набеги и грабительства». Вероятно, время для крупных мероприятий древнетюркские племена вычисляли по состоянию луны.

Средний мир по их представлениям был местом обитания собственно людей и разных божеств этого уровня вселенной, главными из которых считались духи земли и воды (Йер-Су). Впрочем, существует мнение, что Йер-Су обозначает не множество, а единое божество Земли-Воды, частью общего культа которого был развитый у древних тюрков культ священных гор.

В письменных источниках, кроме того, упоминается два божества, имена которых в буквальном переводе означают «бог путей на пегом коне» и «бог путей на вороном коне». По мнению С.Г. Кляшторного они осмысливались как посланцы верховного божества Тенгри, непосредственные исполнители его воли, т.е. являлись младшими божествами, младшими родичами Тенгри, которые постоянно находились в пути и связывали верхний и средний миры.

Анализ древнетюркских текстов позволяет предположить, что в них неоднократно упоминается вла-

дыка нижнего мира Эрлик, в функции которого входило обрывать жизнь и забирать души людей (Кляшторный, 1981). Развит был у древних тюрков и культ предков, в честь которых приносили всевозможные жертвы.

Вера в потустороннюю жизнь наиболее ярко отразилась в погребальном обряде. Средневековые летописи донесли до нас описание погребальных церемоний относительно знатных тюрков, во время которых их сжигали вместе с лошадью и необходимыми вещами. В здании, построенном при могиле, ставили облик усопшего, а также воспроизводили сцены сражений, в которых он участвовал при жизни. Сведения эти подтвердились археологическими раскопками в Монголии, где в 1957—1958 гг. в процессе работы чешско-монгольской экспедиции был исследован погребально-поминальный комплекс в честь выдающегося древнетюркского полководца Кюль-Тегина. В Горном Алтае в это время распространились связываемые с тюрками сооружения в виде заложенных камнями четырехугольных оград из поставленных вертикально каменных плит. По поводу назначения этих памятников, как уже говорилось, у исследователей нет единого мнения. Одни считают их поминальными сооружениями, другие связывают с обрядом сожжений. Исследования последних лет, кажется, делают более предпочтительной вторую точку зрения, которая согласуется с данными древних письменных источников и перекликается с этнографическими сведениями. Интересно то, что в конструкции древнетюркских оградок в общих чертах отразились представления их создателей о структуре вселенной. Сама оградка символизировала четырехугольный план горизонтального космоса, а высаженное в ее центре дерево или установленный вертикально деревянный столб — мифологическое мировое древо, соединяющее вертикально

расположенные миры. К столбам, которые осмысливались как своеобразная дорога в потусторонний мир, и привязывали в мешочках остатки сожжений. С восточной стороны сооружений изредка устанавливали изображавшее усопшего изваяние. Здесь же во многих случаях вкапывали ряды балбалов, символизировавших количество убитых при жизни врагов.

В курганы вместе с усопшими помещали взнузданных и оседланных коней, а также пищу, оружие и другие личные вещи.

Сложение в древнетюркское время государственных образований не могло не повлиять на мировоззренческую систему общества. Анализ рунических текстов показывает, что в этот период сложились мифы о небесном происхождении государства. В древних письменных источниках подчеркивается особое положение главы государственного объединения. Так, сам каган часто сравнивается с верховным небесным божеством Тенгри, а его супруга — с богиней Умай, земной ипостасью которых они и осмысливались в мире людей.

В целом, этно-ранговая иерархия социальной системы центрально-азиатских кочевников остается малоизученной. Вместе с тем, анализ письменных источников позволил некоторым исследователям уловить связь между особенностями построения древнетюркской государственности, в частности, их правящей коалиции и мировоззренческими представлениями об окружающем мире. Определяя вселенский миропорядок как гармоничное взаимодействие небесных и земных сил, тюрки переносили понимание космического устройства на структуру организации высшей власти своего государства.

Особыми составляющими общегосударственного культа являлись жертвоприношения в пещере предков, где главную роль играл сам каган, почитание умерших предков — каганов, освящение их погребальных комплексов и т.п.

Исследование рунических памятников выявило существование у древнетюркских племен развитой мифологии, в которой содержались как весьма архаичные, так и более поздние пласты, формирование которых завершилось в условиях древнетюркских государств с их ярко выраженным сакрализированным характером власти.

Период Уйгурского каганата

С 745 г. лидерство в Центральной Азии перешло к уйгурам, древнейшему тюркоязычному народу, происходившему от одного из подразделений племен теле. В предшествующее время они, как и большинство телеских племен, входили в состав древнетюркских каганатов, однако, постоянно боролись за свою политическую независимость и создание собственной государственности. Последнее стало возможным после распада Второго Тюркского каганата, чему в большей мере способствовали как уйгуры, так и другие союзные им племена теле. Уйгурский каганат был сложным полиэтническим образованием, в который, кроме уйгуров, входило большинство телеских племен, а в отдельные периоды истории и другие покоренные ими народы. Анализ письменных источников позволил исследователям предположить, что в процессе создания своего государства уйгуры низвергли не тюрок вообще, а их правящий род Ашина. Присутствие в уйгурской среде древнетюркского этнического субстрата доказывается на основе того, что в их отдельных рунических надписях эпическими предками названы тюркские каганы,

а после поражения и переселения в Турфан уйгуры в своих генеалогиях называли предком известного государственного деятеля Второго Тюркского каганата Тоньюкука. Имея свое письмо, наиболее значимые надписи уйгуры выполняли древнетюркским руническим алфавитом.

Западная граница уйгурского каганата проходила по Монгольскому Алтаю, восточная достигла верховий Амура и современной территории Манчжурии, южная — танского Китая, а северная — оз. Байкал. Главный город этого государственного образования Орду-Балык находился в бассейне р. Орхон на территории Монголии. В 750—751 гг. уйгуры завоевали Тыву, а в 758 г. совершили походы против енисейских кыргызов. Наиболее хорошо уйгурские памятники изучены на территории соседней с Горным Алтаем Тывы, где в те времена была сооружена огромная система пограничных укреплений, защищавшая каганат с севера. Это была выгнутая дугой на север длинная пограничная стена с встроенными в нее опорными пунктами. Значительная часть населения государства занималась скотоводством, однако, уйгурам было известно плужное земледелие с применением тягловой силы животных и искусственным орошением, а также с использованием, кроме зернотерок, ручных каменных мельниц. Уйгуры начали развивать в Центральной Азии оседлую цивилизацию с обширными городами и крепостями. Земля (пашни, пастбища) и скот находились в собственности уже на основе феодального права.

Важным достижением уйгуров в области культуры было наличие своей письменности. В сфере мировоззренческих представлений был развит культ предков. В среду уйгуров проник буддизм, а с 763 г. их государственной религией стало манихейство. Важной частью манихейской доктрины было почитание основных небесных светил. Оно проповедовало изначально-

ность и вечность света и мрака, белого и черного. Результатом ожесточенной борьбы между ними должно было стать господство света над силами тьмы. Своеобразная демократичность манихейства заключалась в том, что оно включило в свой пантеон и местные божества. Это способствовало довольно быстрому распространению новой религии в Уйгурском каганате.

Из археологических памятников на территории Горного Алтая рассматриваемого периода известны сооружавшиеся и в предшествующее время подчетырехугольные каменные оградки. Наряду с ними археологами изучены также древние захоронения туэктинского этапа выделенной Д.Г. Савиновым курайской культуры. Это, в основном, погребения с сопровождающими конскими захоронениями, совершенные в ямах под курганными насыпями. Этническая привязка их пока затруднена. В целом же, учитывая ту общность, которая сложилась в результате взаимодействия собственно тюркских групп и племен теле на северной периферии центрально-азиатских государств, оставившее памятники курайской культуры население предложено условно именовать алтае-телескими тюрками (Савинов, 1984). Кроме Горного Алтая, курганы курайской культуры распространены на территории Западной Тывы и в прилегающих районах Монголии.

Бурные события в Центральной Азии, в частности, образование и крушение крупных государственных объединений, не могли не сказаться на историческом процессе населения Горного Алтая. В результате перегруппировки алтае-телеских тюрков периодически происходил отток части их родоплеменных групп в степные области Алтая и другие районы Западной Сибири. Проживающие там угро-самодийские племена постепенно ассимилировались ими. Смещение старых и новых компонентов населения создавало тот этнокультурный

субстрат, на основе которого формировалась впервые выделенная М.П. Грязновым сrostкинская культура, распространившаяся в степных районах Приобья, Притомья и Обь-Иртышского междуречья.

На юго-западе от Горного Алтая расселялись многочисленные племена кимаков, курганные могильники которых обнаружены вплоть до Верхнего и Среднего Прииртышья. На р. Алее открыты остатки небольших становищ кочевников с незначительным культурным слоем. В Центральном Казахстане обнаружены кимако-кыпчакские городища, обнесенные рвами и массивными стенами из сырцового кирпича. Внутри находились открытые площадки, где располагались шатры и юрты.

Основой хозяйства родоплеменных групп Горного Алтая Уйгурского времени оставалось скотоводство в сочетании с охотой и собирательством. Существовало и земледелие. Вполне вероятно, что в этот период развивалось бортничество. Изображения пчел найдены в 1935г. С.В. Киселевым в кургане № 3 четвертой группы Курая.

Судя по основной отрасли хозяйства, важное место в производственной системе занимали ткачество, изготовление войлока, выделка кож и шкур животных. Развивалось косторезное и деревоотделочное мастерство. Совершенствовали свои навыки горно-алтайские металлурги, изобретавшие новые формы металлических изделий, а также украшавшие их более сложными орнаментальными мотивами.

О быте и этнографическом облике населения Горного Алтая того периода известно мало, что объясняется недостаточной изученностью археологических памятников уйгурского времени. Из бытовой утвари мы имеем представление о некоторых категориях посуды — железных котлах, фрагментах грубой лепной керамики, изящных серебряных кувшинах. Охотничье снаряжение представлено роговыми накладками на лук

и железными трехлопастными наконечниками стрел с костяными свистунками.

Как и в предшествующее время, основным средством передвижения служила лошадь, что нашло свое отражение в погребальном обряде. В курганах найдены отдельные предметы конской сбруи, например, железные удила с эсовидно изогнутыми железными же псалиями, имеющими расширенные окончания в виде «сапожка», металлические тройники для перекрестных уздечных ремней, железные стремяна.

От одежды сохранились в основном пояса. К поясным наборам относятся всевозможные металлические бляхи-оправы, которые, в отличие от предметов этого типа предыдущего времени, покрывались витиеватым растительным орнаментом, а также лировидные подвески с сердцевидной прорезью.

О торговых связях горно-алтайских племен свидетельствуют обнаруженные в их памятниках остатки шелковых тканей и китайские металлические зеркала, поступавшие сюда через восточных соседей.

Развитие производства и торговых связей вело к появлению денежного обращения в тюркской среде. В наиболее экономически развитом Семиречье отдельные тюркские правители с конца VII века наладили собственную чеканку монет. В 704—766 гг. чеканили монету каганы тюргешей. Монеты находят также в Монголии и Тыве. Непосредственно в Горном Алтае одна из наиболее ранних монет выпуска 575—577 гг. обнаружена в могильнике Кудыргэ на Чулышмане, а другая, тюргешская, 740—742 гг. — в могильнике Катанда — II.

Дальнейшее развитие получила духовная культура. В изобразительном искусстве распространились сложные растительные орнаменты. Имеются воспроизведения образов животных. На металлическом наконечнике ремня, найденном в одном из курганов, обнаружена древнетюркская надпись.

В Минусинской котловине в древнетюркское время сложилось довольно сильное объединение енисейских кыргызов, создавших высокую по тем временам культуру, которая базировалась на плужном и орошаемом земледелии, а также скотоводстве. Они имели довольно обширные внешнеполитические связи, в частности, с центрально-азиатскими государственными объединениями, Китаем, Тибетом. Усилившись к началу IX в., в 840 г. они перевалили через Саяны, разгромили уйгуров и заняли лидирующее положение в Центральной Азии.

Ставка главы кыргызов была перенесена в Северо-Западную Монголию южнее современного хребта Танну-ола. В 841–848 гг. их экспансия была направлена на восток в сторону Забайкалья. В результате завоеваний они распространились на обширной территории от верховьев Амура на востоке до Тянь-Шаня на западе. Минусинская котловина постепенно стала самой северной окраиной вновь созданного государственного образования.

Существует предположение, что в Горном Алтае в рассматриваемый период сохранился обычай сооружения подчетырехугольных каменных оградок с установкой каменных изваяний. Основанием для такого заключения послужила радиоуглеродная дата (945 г.), полученная для ограды IV комплекса Дьер-Тебе, раскопанного В.Д. Кубаревым в 10 км к северу от с. Кокоря. Отсюда следует важный вывод о том, что никакие завоевания не смогли вытеснить алтайских тюрок с их территории, и они продолжали обитать здесь в IX–X вв., причем сохраняя свои обычаи в погребально-поминальном обряде (Кубарев, 1978).

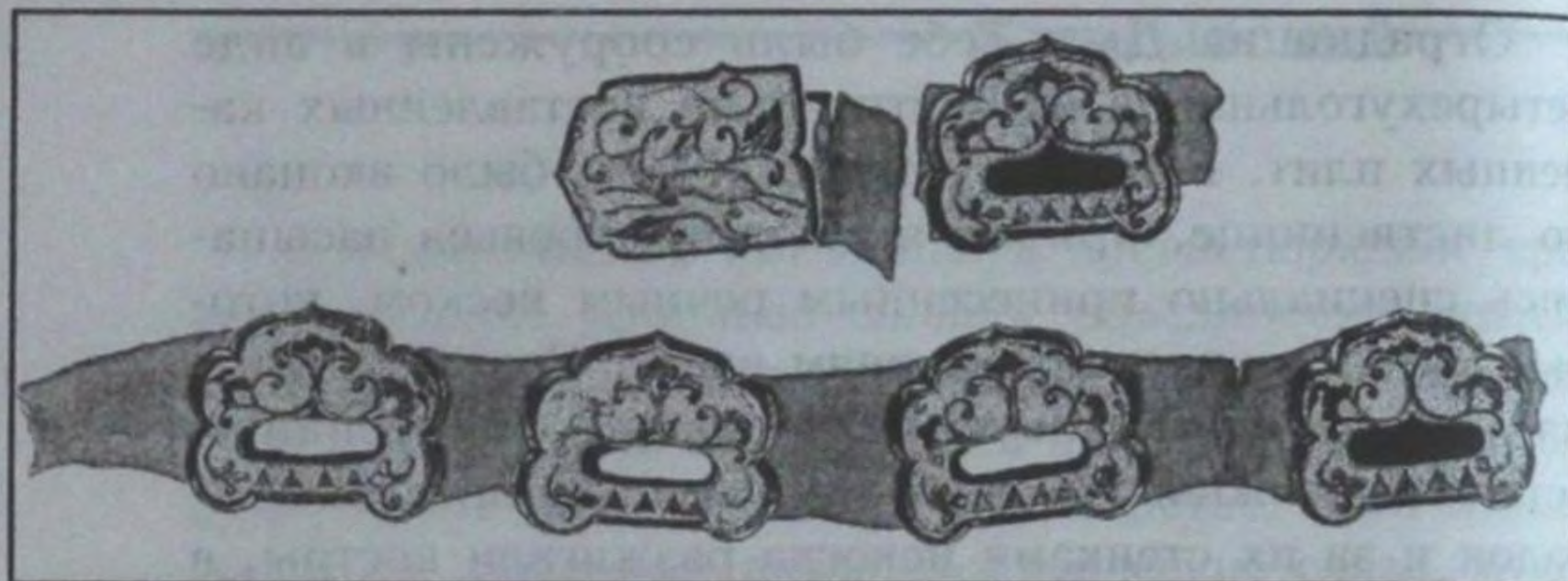
Оградки на Дьер-Тебе были сооружены в виде четырехугольников из вертикально поставленных каменных плит. В центре каждой ограды было вкопано по лиственнице, причем ямки для деревьев засыпались специально принесенным речным песком, который легко пропускал к корням влагу. Создателям памятников, видимо, было важно, чтобы лиственницы оставались «живыми» или зелеными. В пределах оградок и за их стенками некогда разжигали костры, в остатках которых найдены обгоревшие кости животных. После совершения обрядовых действий, сооружения закладывались камнями.

Продолжали возводить в это время и округлые в плане каменные курганы, которые исследователи относят к позднему этапу курайской культуры, т.е. и этот массив населения продолжал проживать на территории Горного Алтая.

В Прииртышье к рассматриваемому периоду сложилось раннефеодальное государственное образование кимаков с главным городом на Иртыше. Можно предположить, что в это время оттуда в состав населения Горного Алтая вошли кыпчаки. Предполагается, что в сложении кимако-кыпчакского объединения приняла участие часть племен, входивших ранее в состав Уйгурского каганата и продвинувшаяся после его разгрома в Восточный Казахстан.

В степной части Алтая окончательно оформляется сросткинская культура. Население, оставившее памятники этой культуры, было неоднородным. Предполагается, что носителями ее были в основном племена кимако-кыпчакского объединения, ассимилировавшие часть проживавшего здесь ранее угро-самодийского населения.

Как и в предшествующие времена, основным занятием горно-алтайских родоплеменных групп остава-

Фрагменты пояса
из урочища Узун-Тал.

лось скотоводство в сочетании с охотой и собирательством. О занятиях земледелием в этот период свидетельствуют найденные в насыпи одного из курганов Курайской степи каменные жернова ручной мельницы. Дальнейшее развитие получили домашние промыслы. Существовали торговые связи, на что указывает обнаруженная в 1985 г. у р. Кучерла танская монета.

Большой интерес представляет раскопанный Д.Г. Савиновым в долине Узунтал за с. Кокоря Кош-Агачского района курган-кенотаф, сооруженный для усоп-

ших на стороне сородичей. В нем в определенном порядке было положено снаряжение для двух мужчин-воинов. Здесь обнаружены фрагменты двух берестяных колчанов, железные трехлопастные наконечники стрел, напильник для их затачивания, две пары костяных срединных накладок на лук, крупный фрагмент железного пластинчатого доспеха, состоящего из 30 с лишним длинных налегающих друг на друга панцирных пластин, два пояса, один из которых украшен крупными позолоченными бляхами, покрытыми сложным растительным орнаментом. На лицевой стороне металлического наконечника этого пояса изображена пятнистая лань, а на обратной стороне нанесены отдельные руноподобные знаки. К поясам были подвешены железные ножи и кресала. По мнению автора раскопок, наиболее богатый вещевой комплект мог принадлежать воину-кочевнику, входившему в состав дружинного слоя (Савинов, 1982).

Состав горно-алтайского общества усложнился в связи с подчинением его Кыргызскому каганату. На территории Горного Алтая раскопано несколько памятников IX—X вв., которые по всем своим основным чертам повторяют погребальный обряд енисейских кыргызов.

Захоронения эти совершали по обряду сожжений, которые помещали затем вблизи уровня древнего горизонта и над ними возводили округлые в плане каменные насыпи. Среди остатков сожжений, в ряде случаев, найдены побывавшие в огне металлические предметы — оружие, фрагменты конской сбруи. Это говорит о том, что кыргызы сжигали своих усопших вместе с их личными вещами и конем. Многие из этих предметов, а также тех, которые относятся к случайным находкам, имеют типичный для кыргызской культуры облик (Худяков, 1990).

О пребывании кыргызов на территории Горного Алтая свидетельствуют также отдельные топонимы и на скальная надпись, обнаруженная у с. Мендур-Соккон (Баскаков, 1966).

В целом, рассмотренные материалы подтверждают факт вхождения Горного Алтая в состав кыргызского каганата в IX—X вв. Судя по всему, в Горный Алтай проникли сравнительно небольшие группы кыргызов, которые вошли в состав алтае-телеских тюрок, оставивших, как упоминалось, подчетырехугольные оградки и подкурганные захоронения позднего этапа курайской культуры. Памятники эти отличаются разнообразием набора вещей и обилием предметов вооружения. Последняя особенность позволила Ю.С. Худякову сделать предположение, что алтае-телеские тюрки, по всей вероятности, выступили в качестве союзников кыргызов против уйгуров, благодаря чему сохранили свое прежнее положение.

Итак, древнетюркская эпоха явилась важным этапом в истории Горного Алтая. Его население, входя в состав различных кочевых объединений, приобщалось к культурным достижениям многих центрально-азиатских племен, ярким проявлением чего было широкое распространение здесь письменности. Главное же значение этой эпохи заключается в том, что она явилась начальным этапом в этнической истории многих тюркоязычных народов России, в том числе и коренного населения Горного Алтая — алтайцев.

Горный Алтай в монгольское время.

— Политическая и этнокультурная ситуация в Горном Алтае в XI—XIV вв.

Рубеж I—II тыс. был ознаменован большими изменениями в политической, этнической и культурной истории Горного Алтая, а также всей Центральной Азии. В середине IX в. территорию Центральной Азии покинули большие массы тюркоязычного кочевого населения. Уйгуры и другие телесские племена ушли на восток — в Забайкалье и Манчжурию, на юг — в Ордос, Приалашанье и Восточный Туркестан, на запад — в Прииртышье. В Монголию переселилась значительная часть кыргызов из Минусинской котловины и подвластных им кочевников Саяно-Алтая. В миграционные процессы были втянуты монголыязычные кочевники. Во второй половине IX в. из Восточной Монголии и Манчжурии в Прииртышье переселились племена кумохи, татары, байандуры, объединившиеся с тюркоязычными племенами и кыпчаками и создавшие Кимакский каганат. Территории Южной Сибири и Центральной Азии вошли в состав Кыргызского каганата.

После разгрома Уйгурского каганата из Монголии в Горный Алтай была уведена какая-то часть уйгуротелесского кочевого населения. В конце I тыс. на его

территории появились характерные для уйгуров захоронения по обряду трупоположения со шкурой коня.

Кыргызский каганат на территории Центральной Азии просуществовал недолго. В начале X в. здесь появились киданьские войска. Принято считать, что кидани продвинулись вплоть до территории обитания «племен иртышских гор». В Восточной и Центральной Монголии ими была воздвигнута система пограничных крепостей, населенных военными гарнизонами. Киданьское завоевание способствовало широкому расселению в Центральной Азии монголоязычных кочевников. Под их давлением произошел отток кыргызского населения из Монголии в Минусинскую котловину и Причулымье. Возможно, енисейские кыргызы попали в зависимость от киданьской империи Ляо. С киданьским влиянием связывается часть новаций в кыргызской культуре XI—XII вв. Часть кыргызского этноса была отрезана киданями от основного этнического массива и осталась в Восточном Туркестане. В западные районы Центральной Азии и Саяно-Алтая, кроме кыргызов, были вытеснены и другие тюркоязычные кочевые племена.

Вероятно, в этот период началось переселение из восточных районов Монголии теленгитов. Теленгиты (доланьго) принадлежали к конфедерации телесских племен и принимали в VII в. активное участие в центрально-азиатских событиях. В тот период они обитали по соседству с другими телесскими племенами в восточных районах Монголии «по реке Тунло» (Бичурин, 1950). В VIII в. теленгиты уже не входили в состав создавших Уйгурский каганат племен. Нет сведений и о том, что они покинули Монголию после разгрома уйгуров (Малявкин, 1983). Вполне возможно, что теленгиты были частью тюркоязычных племен, подчинявшихся кыргызским каганам и ушедших с мест своего обитания под давлением монгольских групп. О длительном периоде этнокультурных контактов между кыргызами и отдаленными предками алтай-

цев свидетельствуют сходство в языке, культуре, родоплеменном составе. В алтайском фольклоре упоминаются и кидани. После разгрома киданьской империи Ляо чжурчженями в начале XII в., часть киданьских войск во главе с принцем Елюй Даши ушла на запад. Достигнув южных отрогов Монгольского Алтая, они смогли подчинить некоторые местные племена и столкнулись с кыргызами, отвоевав в Восточном Туркестане города Кашгар, Хотан и Бешбалык. Горный Алтай не вошел в состав империи Си Ляо.

В конце XII в. земли Западной Монголии от Орхона до Иртыша, включая Монгольский Алтай, заняли найманы. Найманские правители Эниаат-каан и Наркыш-Таян «разбили племя киргизов» (Рашид-ад-Дин, 1952). С этого времени кыргызское влияние в Саяно-Алтае ослабло и здесь образовалось несколько княжеств. Но когда в 1199 г. монголы разбили найманов, их правитель Боюрук «ушел в область Кэм-Кэмджиут, принадлежащую к местностям, входившим в область киргизов».

Политические и этнические изменения в Центральной Азии на рубеже I—II тыс. повлекли за собой значительную трансформацию кочевнических культур древнетюркского времени.

В XI—XII вв. Горный Алтай входил в состав одного из княжеств, на которые распался Кыргызский каганат. Помимо кыргызов, численность которых бала невелика, здесь проживали телесы, которых многие исследователи считают потомками древних тюрков, теленгиты и другие телесские племена, в том числе и потомки уйгуров.

На памятнике Ак-Таш исследовано два киргизских кургана. Они представляли собой пологие, округлые каменные насыпи с крепидой из массивных камней по периметру. В центре насыпи находилась выкладка из массивных камней, под которой была неглубокая могильная яма. В яме обнаружены масса разрозненных полуобгоревших костей человека, угольки, желез-

ные сбруйные наклад-
ки, наконечники стрел,
фрагмент керамического
сосуда (Мартынов, Ку-

лемзин, Мартынова, 1985). Эти курганы близки киргизским погребальным памятникам хыргыстар суук-тэр в Минусинской котловине. В курганах найдены железные детали сбруи — пряжки, петли, обоймы, застежка с раздвоенным концом, накладки прямоугольной и треугольной форм, сердцевидные бляшки. В акташских курганах сохранились плоские железные и ромбические наконечники стрел ассиметрично-ромбической и боеголовковой форм.

Подобный инвентарь типичен для кыргызских курганов XI—XII вв. в Тыве и Минусе. На развеедном поселении Куях-Танар найдена железная сбруйная накладка, пинцет, шило, застежка в виде двух склепанных железных шариков и каменная биконическая бусина (Худяков, 1990). Подобные предметы характерны для кыргызских памятников начала II тыс. в Минусе (Худяков, 1982).

К XI—XII вв. относятся и погребения с конем, принадлежащие потомкам древних тюрков — толисам (Потапов, 1969; Гумилев, 1967). Один из таких памятников был раскопан еще в начале XIX в. К.Ф. Ледебуром на р. Чарыш. Само захоронение оказалось разграбленным.

Среди найденных в нем предметов отмечены железные удила, стремяна с прорезью в уплощенной дужке, костяная подпружная пряжка и костяной ромбический наконечник начала II тыс. Возможно, они попали в состав коллекции уже после раскопок.

К рассматриваемому периоду относится погребение со шкурой коня, раскопанное Е.М. Берс на памятнике Бийикту-Бом в долине р. Каракол. Насыпь отсутствовала. Могильная яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ. На уступе в ней находились череп, кости ног лошади, железные удила и накладки от сбруи. Могила была отделена наклонно стоящими плитами. На дне ямы стояла лиственничная колода, внутри которой лежал костяк женщины в вытянутом положении с ориентировкой на СЗ. Здесь обнаружены остатки

расшитого бисером головного убора, височные кольца, бусы (из пасты, раковин, халцедона), подвески из ляпис-лазури и перламутра, железный нож, сланцевая плитка, роговая пряжка и шелковый мешочек. Это погребение может относиться к потомкам уйгуров (Худяков, 1990).

К началу II тыс. принято относить и некоторые другие погребения, раскопанные в могильниках Узунтал — VIII, Верх-Еланда — I и у с. Эликманар.

Судя по имеющимся материалам, население Горного Алтая в XI–XII вв. занималось преимущественно скотоводством и вело кочевой образ жизни. Влияние на него кыргызской культуры ослабло. Одновременно стало наблюдаться воздействие со стороны монгольских кочевников.

В начале XIII в., после разгрома найманов, Чингисхан отдал эти земли в управление темнику Хорчи, владения которого были определены до Золотых гор, т.е. Горного Алтая. В управление ему попали телесы и теленгуты, отнесенные к числу «лесных народов» (Козин, 1941). Возможно, они обитали в это время не только в Горном, но и Монгольском Алтае или же были «отданы в управление» Хорчи еще до покорения.

В 1207 г. для завоевания «лесных народов» Саяно-Алтая было послано большое войско под командованием Джучи. Он покорил «все лесные народы», среди которых упомянуты и телесы, а кыргызские князья Тывы и Минусы подчинились ему добровольно. Горный Алтай вошел в состав монгольской империи. Однако, в 1218 г. во время восстания туматов и кыргызов Джучи пришлось снова завоевывать народы Южной Сибири, включая племя «теляньу» (Кызласов, 1969) или «теленгут», т.е. теленгитов. После смерти Джучи-хана Саяно-Алтай был включен в улус младшего сына Чингисхана — Тулуя, а затем — его вдовы Соркуктани-беги (Рашид-ад-Дин, 1952). После ее кончины правителем Западной Монголии и Саяно-Ал-

тая стал Ариг-Буга. Его «летнее становище было в Алтае, а зимнее в Теке и Киргизе». После междоусобной войны, в которой Ариг-Буга потерпел поражение от Хубилая, Саяно-Алтай стал частью империи Юань. Победителю покорились все земли «от Алтая и до моря-океана». Они были включены в состав провинции Линбэй. В 1273 г. «северные князья» подняли мятеж против юаньского наместника в Саяно-Алтае китаец Лю Хаоли. Обострилась борьба между Хубилаем и правителем Чагатайского улуса Хайду, вероятно, в состав владений которого в это время входил и Алтай.

В 1278 г. на покорение Алтая была послана армия юаньского полководца — кипчака Тутухи. В 1292 и 1295 гг. он несколько раз входил в пределы Цзинь-Шань (Алтая). К 1296 г. все князья, ранее подчинявшиеся Хайду, покорились Тутухе. После его смерти местные племена попытались вновь перейти на сторону Хайду, но против них была послана армия во главе с полководцем Чжануром, сыном Тутухи, который в 1297 г. нанес поражение войскам Хайду на р. Алей. В 1301 г. Хайду во главе большой армии вторгся в Монгольский Алтай. В 1309 г. монголы пытались закрепить за собой Алтай путем создания здесь военных поселений (Кызласов, 1969), которые, возможно, состояли в основном из кыпчаков. Иными словами, с конца XIII — начала XIV вв. кыпчаки стали одной из этнических групп населения Горного Алтая.

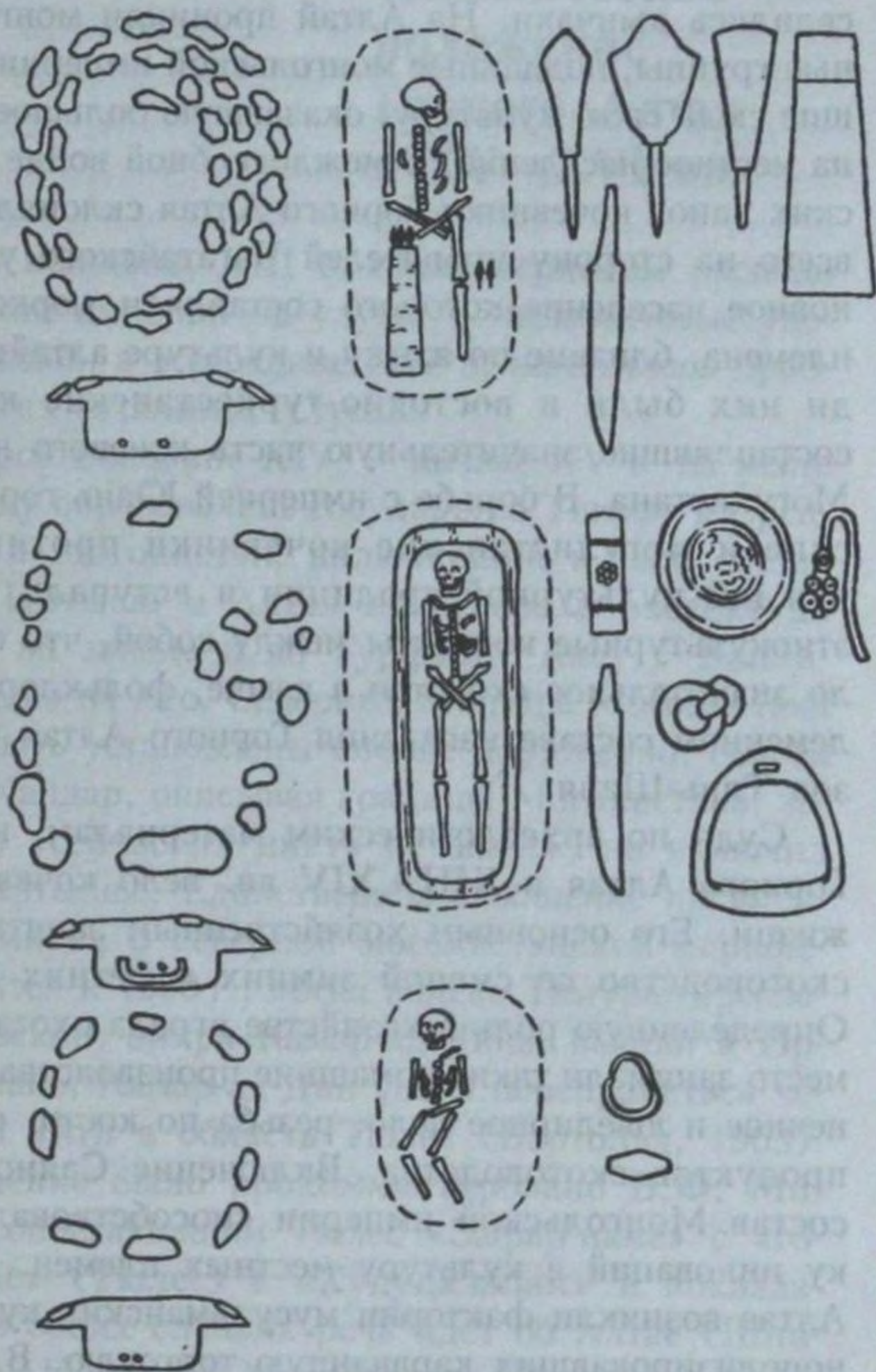
К XIII—XIV вв. на территории Горного Алтая относятся погребальные памятники с характерным инвентарем, включающим предметы вооружения, украшения и сбруи монгольского времени. Такие захоронения исследованы в могильнике Кудыргэ (Гаврилова, 1965). Сооружения монгольского времени здесь представляют собой овальные каменные насыпи с западиной в центре. В неглубоких ямах сохранились остатки деревянных колод, берестяные покрытия. Человеческие костяки вытянуты на спине и ориентирова-

ны на север. В ногах одного из них обнаружены беренная кость и крестец овцы — остатки заупокойной пищи.

В мужских захоронениях встречаются предметы вооружения: сбруи, детали одежды, в женских — украшения и предметы туалета. Детей погребали без сопроводительного инвентаря. Среди предметов вооружения необходимо отметить плоские железные наконечники стрел ассиметрично-ромбической формы. Стрелы хранились в колчанах с берестяным приемником, имеющим горизонтально срезаную горловину. Помещались они наконечниками вверх. От конской сбруи сохранились остатки деревянных остовов седел, железные пробои, стремяна с прорезью в дужке, двусоставные удила с большими, свободно вращающимися кольцами. Из бытовых предметов встречены железные ножи с однолезвийным клинком, шилья с косяной рукояткой, бронзовые китайские зеркала. Украшения представлены серьгами с изогнутым стерженьком для крепления, бусами, бисером, серебряными пластинами от головного убора.

По конструктивным особенностям, обряду погребения и облику инвентаря эти памятники близки захоронениям в Монголии и Забайкалье, что отражает влияние монголов на культуру населения Алтая после его присоединения к Монгольской империи.

Археологические материалы XIII—XIV вв. в Горном Алтае пока не дают возможности для их идентификации с конкретными этническими группами, известными по письменным источникам. Судя же по контексту известных исторических событий, этнокультурная ситуация здесь по сравнению с предшествующим временем заметно изменилась. Небольшие группы енисейских кыргызов были ассимилированы местными тюрко-язычными племенами, причем в качестве родовых подразделений (сеоков) они сохранились в составе алтайцев до настоящего времени. Растворились среди местных племен и небольшие груп-

пы уйгуров, проникшие в Горный Алтай после разгрома своего государства кыргызами. Наряду

Археологические материалы
XIII—XIV вв.

с телесами и теленгитами на территории Алтая расселились кыпчаки. На Алтай проникли монголоязычные группы, подданные монгольской империи, принесшие сюда свою культуру, оказавшую большое влияние на местное население. В междоусобной войне монгольских ханов кочевники Горного Алтая склонялись чаще всего на сторону правителей Чагатайского улуса, основное население которого составляли тюркоязычные племена, близкие по языку и культуре алтайцам. Среди них были и восточно-туркестанские кыргызы, составлявшие значительную часть кочевого населения Могулистана. В борьбе с империей Юань горно-алтайские и могулистанские кочевники противостояли чуждой культурной традиции и вступали в тесные этнокультурные контакты между собой, что обусловило значительное сходство в языке, фольклоре, родоплеменном составе населения Горного Алтая и кыргызов Тянь-Шаня.

Судя по археологическим материалам, население Горного Алтая в XIII—XIV вв. вело кочевой образ жизни. Его основным хозяйственным занятием было скотоводство со сменой зимних и летних пастбищ. Определенную роль в хозяйстве играла охота. Важное место занимали такие домашние производства, как кузнечное и ювелирное дело, резьба по кости, обработка продуктов скотоводства. Включение Саяно-Алтая в состав Монгольской империи способствовало притоку инноваций в культуру местных племен. В Саяно-Алтае возникли фактории мусульманских купцов, монополизировавших караванную торговлю. В памятниках монгольского времени в Горном Алтае найдены шелковые привозные ткани, зеркала, серьги, бусы, бисер. Инновации со стороны монгольской культуры сказались в оформлении предметов вооружения, сбруи, поясной фурнитуры и женских украшений. Ряд этих черт сохранился до этнографической давности.

Политическое положение Горного Алтая в XV—XVI вв.

Вторая половина XIII в. стала периодом распада Монгольской империи на улусы — независимые уделы чингизидов, а в середине XIV в. наметилось дробление и этих огромных улусов.

Во второй половине XIV — начале XV в. на месте улуса Хайду образовались государство Тимура в Средней Азии и Моголистан, включивший в свой состав земли от Иртыша и Алтая на севере и востоке до Сырдарьи на западе и до Турфана — Аксу — Кашгара — Ферганы на юге. Северные границы Моголистана не могут быть установлены вполне достоверно. Мирза Мухамед Хайдар, описывая границы Моголистана, заметил, что «сейчас их никто не знает», но включил сюда Прииртышье. Единственное сообщение письменных источников о северной моголистанской периферии относится к 1390 г., когда войска Тимура, преследуя могольского эмира Камар-ад-Дина, вышли к Иртышу. Однако, Камар-ад-Дин успел переправиться через реку и уйти в область Тюлес (Бартольд, 1963). Это сообщение было прокомментировано В.Ф. Минорским, сопоставившим Тюлес «Зафар-наме» с «горами Тулас» (Тюлес) в «Худудалалам» и показавшим, что в обоих случаях речь идет об Алтае (Потопов, 1969). Название Моголистан (Могулистан) — «страна могулов» — произошло от отюреченного названия ее населения: монгол, могол (могул). На обширной территории Моголистана в XV в. существовали разные, практически, независимые феодальные владения, не всегда признававшие власть ханской династии чингизидов. Административно-политическим цен-

тром всего образования был г. Аксу в Восточном Туркестане. С 1371 г. Моголистан стал объектом экспансии войск Тимура. Политическая раздробленность, казалось бы, способствовала осуществлению завоевательных планов соседей, однако, кочевые племена, населявшие эти территории, в том числе Алтай, при вторжениях неприятеля откочевывали со всем имуществом в труднодоступные горные местности. При уходе вражеских войск они возвращались на прежние места обитания. Не успевшие откочевать жители подвергались жестоким избиениям, многие из них были угнаны в рабство. Народы Моголистана, в том числе и Алтая, вели борьбу против этой экспансии в течение трех десятилетий. Но сведения об этом в письменных источниках очень скудны. Наиболее разрушительным по своим последствиям явился поход Тимура на Моголистан в 1389. Под натиском его войск часть племен из Притарбагатайского района откочевала за Иртыш на Алтай. Учитывая разрозненность действий могольских предводителей, Тимур разделил свою армию на пять отрядов, каждый из которых должен был с «огнем и мечом» пройти по Прииртышью и Алтаю, «не оставляя следа от того, что где-либо обнаружит». Земля между Или и Иртышем стала безлюдной. Войска неприятеля, преследуя бежавших на Алтай, дошли до Иртыша.

В последующем племена Алтая поддерживали тесные контакты с государственными объединениями на территории Казахстана и Западной Сибири, образовавшимися в результате распада в первой четверти XV в. Ак-Орды и усиления феодальной раздробленности Моголистана, прежде всего с тюркским кочевым населением Сибирского ханства и Шейбанидского улуса, а после его распада — с Казахским ханством. Летние кочевья Шейбанидского улуса, а позднее

казахстанского ханства были расположены в верховьях Тобола и Иртыша, т.е. там же, где находились летние кочевья кыпчакских племен Западного Алтая (левый берег верхнего Иртыша). Среди казахских этнонимов можно найти прямые аналоги этнонимам алтайцев — кыпчак, найман, киреит. Кочевья Сибирского ханства лежали севернее. Ядром его вначале были земли по среднему течению Иртыша, примыкавшие к Алтаю и рекам Таре, Тоболу и Туре, где жило основное тюркоязычное население Западной Сибири.

Население Алтая, связанное с Могулистаном и Ак-Ордой, представляло восточный ареал тюркских племен и жило общей культурной и политической жизнью с населением обширных территорий. Этим объясняется то, что в родоплеменном составе алтайцев, киргизов, казахов и других народов, некоторые из которых в течение веков живут на далеком расстоянии друг от друга, встречаются одинаковые этнонимы. О совместной исторической жизни предков алтайцев, киргизов, казахов, сибирских татар и других народов свидетельствует их эпическое творчество и культурно-бытовая общность, прослеживаемая на этнографическом материале до настоящего времени.

Сопоставление наименований и мест расселения племен, населявших территорию Алтая в домонгольское и послемонгольское время показывает, что при всех передвижениях населения, обусловленных нашествием монголов, образованием улусов, междоусобицами, интегрирующая линия в этнических процессах возобладала и алтайская народность складывалась, в основном, из автохтонного, преимущественно тюркского населения этой территории, хотя и с участием монгольского этнического компонента.

**Горный Алтай
в составе
Джунгарии**

**— Этнический —
состав населения
Горного Алтая
в XVII—XVIII вв.**

В XVII—XVIII вв. население Горного Алтая было представлено теленгитами и родственными им тубаларами, кумандинцами и чалканцами. Последних в этнологической литературе часто объединяют, называя северными алтайцами, тогда как наиболее многочисленных теленгитов обычно именуют южными алтайцами.

Употребляемое в научной литературе этническое наименование «теленгит» представляет собой передачу на русский язык самоназвания теленгит (теленет, теленут), образованного от древнего тюркского этнонима теле, дополненного монгольским аффиксом множественного числа. В русскоязычных источниках, особенно более позднего времени, этноним теленгит нередко встречается в искаженном виде — как телеут. Русские часто называли теленгитов также калмыками, урянхайцами, гораздо реже — татарами. Замечания об этническом единстве южных алтайцев имеются в трудах многих известных ученых России, хотя подчас они и противоречивы. Так, В. Радлов в середине XIX в. отмечал, что «калмыки, называемые русскими алтайцами, телеутами и двоеданцами... называют себя те-

ленгетами (теленгитами)». П. Чихачев, побывавший на Алтае в 1842 г., писал, что «...западные и восточные алтайцы ничем не отличаются... и те и другие самих себя называют теленгетами (теленгитами)». Об этом писали также Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, М. Швецова. После Октября 1917 г. появилось утверждение, что лишь социализм создал условия для консолидации коренного населения Алтая. В соответствии с этим получил распространение ошибочный взгляд на теленгитов как на несколько племен, не составляющих этнической общности и не имевших единого самоназвания.

В XVII—XVIII вв. теленгиты делились на несколько территориальных групп. Равнинные районы Алтая, часть территории современных Новосибирской и Кемеровской областей занимали теленгиты, употреблявшие порой самоназвание, дополненное отличительным определением ак — белый. Вероятно, это отражало их положение к западу и северо-западу от теленгитов Горного Алтая, так как тюркская цветовая символика обозначает белым цветом запад. В состав ак-теленгитов входили также их кыштымы — зависимое население, состоявшее из родов или локальных групп аскыштым, тогул (тонул, торгул), кереш, тагап, баян. В результате длительного проживания среди теленгитов и смешения с ними, кыштымы были сильно ассимилированы и отличались от первых, видимо, больше в социальном отношении, чем в этническом. Поэтому В. Радлов в середине XIX в. не обнаружил никакой разницы между аскыштымами и собственно теленгитами.

Во второй четверти — середине XVIII в. ак-теленгитов, переселившихся в Джунгарию, насчитывалось 4 тыс. кибиток, т.е. около 20—30 тыс. чел. Численность оставшихся на родине ак-теленгитов и их кыштымов, принявших русское подданство или являвшихся дво-

еданцами, была значительно меньшей, например, по «Окладной ясачной книге 1763 г.» в «Телеутской (подгородных белых калмыков) волости», населенной ак-теленгитами, насчитывалось 507 мужчин ясачного возраста. По той же окладной книге в Аскыштымской волости было 184 мужчин-ясакоплательщиков, Тагапской — 138, Тогульской — 140, Подгородно-Керецкой — 26, Баянской — 106. Общая численность всего населения указанных пяти волостей должна составить около 3 тыс. человек. Итак, подсчеты на основе данных 1763 г. показывают, что в Телеутской землице было не менее 5 тыс. теленгитов и их кыштымов. Однако, не исключено, что в состав Телеутской волости вошли не все ак-теленгиты, принявшие русское подданство.

Алтай-теленгитами называли себя теленгиты, занимавшие в Горном Алтае бассейны Аргута, Урсула, Коксы, бассейн Катунь от верховья до ее притока Сумульты и верховьев Чарыша и Ануя. В Рудном Алтае алтай-теленгиты обитали по правым притокам Иртыша — Нарыму, Бухтарме, Курчуму, Аблайкету и Убе, временами переходя и на левый берег Иртыша. Наряду со своим полным самоназванием алтай-теленгит улус (кижи) указанная группа употребляла усеченный вариант названного этнонима — алтай улус (кижи).

Южное побережье Телецкого озера (Алтын-Кёль), бассейн впадающих в него Чолушмана и Башкауса и, вероятно, низовье Чуи занимали алтынкёльские теленгиты.

Теленгиты, обитавшие на северо-западе Горного Алтая в бассейне Катунь между ее притоками Каменской (Ташту) и Сумультой, а также в верховье реки Песчаной не имели особого определения к своему этнониму.

В отличие от ак-теленгитов, численность остальных теленгитских групп в середине XVIII в. удастся выявить лишь частично. Наиболее полные данные со-

хранились по численности отока зайсана Омбы. Алтаец Яла, имевший в 1758 г. беседу с русскими командирами, рассказывал, что ранее он принадлежал «ведомству зайсана Омбы» и «при Омбе было 5 дючин, в каждом дючине по 40 кибиток и по демечею». По сообщению некоего Тарки Букундеева, в отоке Омбы до выхода к Колывано-Кузнецкой линии насчитывалось 210 кибиток. Традиционно считается, что в составе одной кибитки, юрты, «дыма» или семьи должно быть около 5 человек. Однако, в 1756 г., когда оток зайсана Омбы вышел к Колывано-Кузнецкой линии, в нем имелось 195 кибиток, «дымов», а всех людей — 1427. Таким образом, на каждую кибитку приходится в среднем по 7,5 человек. Во всех 200—210 кибитках, которыми владел Омбо до принятия подданства России, было, очевидно, 1500—1575 чел.

Следует иметь в виду, что в состав кибитки («дыма», юрты) входили, как свидетельствуют материалы переписей теленгитских отоков, принявших русское подданство в 1756 г., не только члены семьи, но и домашние рабы — кулы.

Общая численность населения отоков зайсанов Кулчугая и Бобо доходила, по сообщению зайсана Омбы от 1754 г. до 1 тыс. юрт. Значит, всего подвластных было от 5 до 7,5 тыс. человек.

В рапорте сибирской губернской канцелярии, направленном в Военную коллегию 12 августа 1754 г., сообщается, что на территории Телесской волости, т.е. отока алтынкёльских теленгитов, построены две крепости для обороны от цинских войск и вокруг этих крепостей находятся постоянно 300 воинов Телесской волости и 250 воинов Сойонской волости. Следовательно, численность населения Телесской волости могла составлять 1500—2250 человек.

Теленгитских зайсанов, обращавшихся к русским властям с просьбой о предоставлении им подданства, было 12—19 (без ак-теленгитов). Однако, эти данные

не позволяют вычислить общую численность населения их отоков, так как, во-первых, неизвестно, все ли зайсаны обращались с просьбой о подданстве, во-вторых, численность населения отоков не была ограничена определенным количеством кибиток.

Верховья р. Иша (Ышы), притока Бии до устья р. Лебедь (Куу) и северное побережье Телецкого озера населяли тубалары (точнее туба). По нижнему течению Бии жили кумандинцы (кубанды, куманды). Верхняя граница их расселения находилась в 40 верстах ниже р. Тондош, правого притока Бии. Чалканцы (шалканыг, чалканыг) обитали по р. Лебедь.

Следует отметить, что ни тубалары, ни кумандинцы и чалканцы не имели в XVII—XVIII вв. общего для каждой этнической группы самоназвания, несмотря на то, что у них шел процесс консолидации в три этнические общности. Условные собирательные наименования этих формирующихся этнических общностей утвердились в научной литературе, а позднее, уже в XX в. — в прессе, научно-популярной литературе и, уже тогда, в самосознании представителей указанных общностей, т.е. благодаря работам ученых XIX — начала XX в. Например, этноним туба, употребляющийся теленгитами для обозначения северных алтайцев, стал прилагаться учеными к этнической группе, состоящей из родов комдош, кїзен, јїс, тогус, тибер и других в качестве их общего названия. Этноним кумандинцы, являвшийся наименованием самого крупного рода северо-западной группы северных алтайцев, стал употребляться исследователями по отношению ко всей группе близких родов, не имевших общего самоназвания. Чалканцы в XVII—XVIII вв. представляли собой население единого административного образования и составляли два рода: чалканыг и шакшылык. Этноним первого рода употреблялся также в качестве названия всей административной единицы.

Численность северных алтайцев в середине XVII в. полнее всего отражена в окладной книге 1763 г., все административные образования Горного Алтая назва-

ны здесь «волостями и дючинами кондомских сборов». Ясачные волости Горного Алтая, особенно его северной части, назывались кондомскими, так как путь в Горный Алтай из Кузнецка пролегал вдоль р. Кондома.

В окладной книге 1763 г. в тубаларских волостях указана следующая численность душ мужского пола: в Комляшской (Комношская, Комдошская) — 208, Кергешской (Тиргешская) — 144, Кузенской — 67, Южской — 48. Во всех четырех волостях, таким образом, насчитывалось 467 человек мужского пола. Так как количество лиц мужского и женского пола должно быть примерно равным, путем двукратного увеличения этой цифры получаем приблизительную численность всех тубаларов — 984 человека.

Видимо, к тубаларам были близки чедиберы, обитавшие на смежной с ними территории по р. Антроп и отмеченные в источниках XVIII в. как Итиберская волость. Кроме указанных, были и другие чедиберы, обитавшие по р. Мундыбаш в «Етиберской волости», именуемой также Итиберско-Шерогашевой волостью. По данным 1763., антропских чедиберов ясачного возраста было 137, а всех чедиберов в Итиберской волости насчитывалось, видимо, около 274 человек.

Административное образование кумандинцев в XVII—XVIII вв. именовалось Кумандинской или Кондомо-Кумандинской волостью. Видимо, до конца XVIII в. Кумандинская волость была единой, но внутри нее различались две части — «верхняя» и «нижняя». Между 1763 и 1804 гг. произошло разделение волости на две самостоятельные — Верхне-Кумандинскую и Нижне-Кумандинскую. В списке ясачных волостей 1804 г. указаны уже две кумандинские волости. В окладной книге 1763 г. еще единая волость числилась под названием Кондомо-Кумандинской. В ней было 357 душ мужского пола, т.е. около 714 человек.

Население Щелкальской волости (чалканцы) в 1763 г. состояло примерно из 208 человек, так как лишь мужского пола в ней было 104 человека.

Таким образом, в середине XVIII в. северных алтайцев было примерно 2130 человек.

До присоединения к Джунгарскому ханству политические объединения Алтая имели, вероятно, общественно-административное устройство такого же типа, как у ойратских племен. Десятичная система управления укоренилась здесь, скорее всего, задолго до появления ойратов.

До прихода ойратов на политической арене Алтая фигурировали, видимо, отоки, и, возможно, подобные им образования, обозначенные другими терминами. Алтайские отоки, являвшиеся в XIII—XIV вв. территориально-административными единицами Монгольского государства, после распада последнего во второй половине XIV в. стали самостоятельными политическими объединениями. Многие отоки были связаны между собой конфедеративными отношениями.

Оток включал в свой состав группу родовых фракций и отдельных семей, обитавших на определенной территории и находившихся в феодальной зависимости от правителя отока — зайсана.

Ведущее положение в отоке занимала, как правило, самая многочисленная родовая фракция. Полукочеевое или кочевое население могло сравнительно просто сменить место обитания, но на новых землях сохранялись прежние общественные отношения раннефеодального характера.

Административное устройство алтайских отоков джунгарского периода совпадало, видимо, с устройством соответствующих административных единиц Джунгарского ханства. Во главе каждого из них стоял зайсан (жайзан). Численность кибиток была различной, не регламентированной. Оток состоял из дючинов (төчин), возглавляемых демичами (темичи, темчи). В дючин должны были входить 40 кибиток. Название этой административной единицы связано с ойратским словом «дөчин» (дөчен) — сорок. В Джунгарии каждый дючин состоял из двух хоринов (хорин, хөрн). Буквальное значение слова «хорин» — двадцать. На Ал-

тае указанные подразделения обозначались, вероятно, терминами кўреен или јон (чон). Хорин, включавший 20 кибиток, возглавлял шуленги (шуленги). На низшей ступени административной лестницы находились арбанаки, управлявшиеся арбанами. Наименование последнего подразделения буквально означает десять. Арбан должен был состоять из 10 кибиток. Вероятно, на Алтае по отношению к указанным выше административным единицам и возглавлявшим их лицам могли употребляться не только приведенные, но и другие термины.

Как и в Джунгарии, остатки патриархально-родовых традиций были приспособлены на Алтае к нуждам административного управления. Обязанности чиновников, управлявших административными единицами, возлагались, как правило, на родовых старшин. Таким путем было достигнуто соответствие административного деления населения на группы 10, 20 и 40 кибиток патриархально-родовым традициям, основанным на родственных отношениях.

Рядовые скотоводы в XVII—XVIII вв. назывались албаты (албату), чем подчеркивалась их обязанность уплачивать государственные подати (алба, албан). Наряду с албаты в алтайском обществе были социальные группы, составлявшие прислугу знати.

На самой низкой социальной ступени находились кулы — домашние рабы. Их можно было продавать, дарить. Одним из постоянных путей поступления кулов были военные походы дружин алтайских зайсанов в составе джунгарского войска. В отоках теленгитов, вышедших в 1756 г. к Кузнецкой линии, переписью выявлены холопы — кулы различной этнической принадлежности: «хонской земли», «казачьей орды», «бадышкан-ской», «буруцкой», «китайской», «бухарской» и «кешиктукитайской» земель.

Неодинаковым было положение таких социальных групп, как буддийские ламы и камы (шаманы). Последние подвергались гонениям со стороны государства. Действовавшим на территории Джунгарии монголо-

ойратским сводом законов 1640 г. «Их Цааз» было предусмотрено подвергать крупному штрафу не только камов, осмелившихся на камлание, но и тех, кто пользовался их услугами. Вероятно, в отношении камов применялись и более суровые меры, о чем свидетельствуют алтайские предания об их сожжении.

В отличие от шаманизма, буддизм являлся в Джунгарии религией государственной. Среди ойратов утвердилось ламаистское направление буддизма. Что касается алтайцев, то приобщение к этой религии их предков началось еще в Первом тюркском каганате, когда в VI в. каган Мухан (Муган) принял буддизм, а его преемник Таспар продолжил распространение этой религии среди своих подданных. Очаги буддизма не затухали среди тюрков и в последующие века, а в X—XIV вв. буддизм был даже господствующей религией тюрков Восточного Туркестана. В какой мере и в каких формах сохранился буддизм на юге Алтая к XVII в. остается вопросом. Источники середины XVIII в. показывают, что в это время в теленгитских отоках были свои ламы. Ламство способствовало распространению грамотности. Теленгиты стали пользоваться ойратским алфавитом «үзүк (тодо) бичик» для написания текстов не только на ойратском, но и на родном языке. Большое значение имела деятельность эмчи — лам-лекарей, лечебные методы которых были основаны на тибетской медицине.

Хозяйственные занятия алтайцев-теленгитов и северных алтайцев, обитавших в разных природных зонах, имели существенные различия. Основным направлением хозяйственной деятельности теленгитов, населявших степную и горно-степные зоны, было полукочевое (яйлажное) и кочевое скотоводство. Источники середины XVIII в. отмечают в составе стада теленгитских отоков лошадей, овец, крупный рогатый скот, коз и верблюдов. В основном разводили лошадей, овец и крупный рогатый скот. Меньшее значе-

ние имело разведение коз, верблюдов и, вероятно, сарлыков.

Подсобное значение у теленгитов имели охота и земледелие. На охоте применялись разнообразные приемы. Практиковалась загонная охота большими группами — до нескольких десятков и сотен человек. Теленгиты были знакомы как с пашенным, так и мотыжным земледелием. Для рыхления земли использовались мотыга — «абыл» или алтайский плуг — «андазын», однотипный с монгольским и восточно-туркестанским. Тягловой силой при пахоте андазыном служила лошадь. По данным середины XVIII в. теленгиты сеяли яровой ячмень, пшеницу и рожь. Вероятно, были также посевы проса. Зерновые культуры служили важным дополнением к мясомолочной пище. При недостатке собственных запасов зерна их стремились восполнить путем обмена с земледельческими народами.

Преобладающим производственным занятием северных алтайцев, населявших таежную и подтаежную зоны, являлась охота. В «Описи карты Сибирской губернии от г. Кузнецка до Телецкого озера» 1745 г. отмечается, что «пропитание оне более имеют от зверинова промыслу».

Земледелие более всего было развито у кумандинцев, которые к середине XVIII в. сеяли яровой ячмень, пшеницу и рожь. Тиргешская, Комдошская, Кузенская волости тубаларов выращивали по данным 1745 г. яровой ячмень, пшеницу, рожь и горох. Менее всего среди северных алтайцев обработкой земли занимались чалканцы, про которых в источнике говорится, что они «сеют... один ячмень, и то самое малое число».

Скотоводством северные алтайцы, практически, не занимались. По свидетельству вышеназванной описи в середине XVIII в. они содержали только незначи-

тельное поголовье лошадей. Развитию скотоводства на севере Горного Алтая препятствовали глубокий снежный покров и отсутствие навыков стойлового содержания скота.

У всех алтайцев было распространено железоделательное производство. «Все... имеют в горах руду железную, которую они сами в юртах... по малому числу плавят железо и делают котлы, топоры...», — говорится в той же описи 1745 г. Алтайские мастера в XVIII в. умели делать огнестрельное оружие и получать порох. Приобретению ими опыта изготовления огнестрельного оружия способствовала налаженность этого дела в Джунгарии, где производством пушек и ружей ведали особые чиновники. В источниках отмечены случаи вывоза алтайских умельцев в Джунгарию для работы в железоделательном производстве.

Образование Джунгарского ханства и распространение его влияния на Горный Алтай

Средневековая история монголов, в том числе ойратов, отчетливо делится на два периода — до и после образования империи Чингисхана. В 1204 г. обитавшие в горно-таежных районах Монголии и Сибири племена ойратов признали над собой власть Темучина и были включены в состав его владений. В империи Чингисхана ойраты, численность которых совре-

менные калмыцкие историки определяют в 200 тыс. чел. (Авляев, Самчаров, 1984), занимали сравнительно привилегированное положение, составляя отборную гвардию императора. После разгрома Темучином найманов в 1204—1205 гг. и ухода последних в Казахстан, ойраты продвинулись на запад и заняли опустевшие их кочевья в Монгольском Алтае.

Конец XIV — первая половина XV столетия были временем политической гегемонии ойратов в монгольских степях. После изгнания из Китая последнего Великого монгольского хана Тогон-Тэмур (1333—1368) и свержения династии Юань в Монголии началась ожесточенная борьба за ханский трон и «центральная ханская власть утратила всякий авторитет и значение» (Покотиллов, 1893). Монголия, фактически, распалась на два независимых друг от друга владения — западное, где доминировали ойраты и восточное — находившееся под контролем потомков Юаньских императоров. В это время, по мнению И.Я. Златкина, владения ойратских феодалов простирались от верховий Иртыша и Енисея на севере до границ пустыни Гоби на юге, от Хангайских гор на востоке до Могулистана на Западе (Златкин, 1983).

Оттесняемые восточномонгольскими феодалами, ойраты постепенно продвигались все дальше на запад, вступая в контакты с Могулистаном, Казахским ханством, государствами Средней Азии. В конце XVI — начале XVII в. ойратские племена (торгоуты, хошоуты, дербеты, чоросы и др.) прочно обосновались в районе между реками Иртыш и Или, получившем позднее название Джунгарии от монгольского словосочетания «зун гар» или левая часть, левая сторона.

Среди соседних тюркоязычных народов ойраты стали известны под именем калмыков. От них этот термин был заимствован русскими. Ойраты Джунгарии сами себя так не называли. Термин «калмыки» за-

крепился и стал самоназванием ойратов, переселившихся в первой трети XVII столетия на Волгу (Номинханов, 1958). Говоря о названиях, под которыми западные монголы-ойраты вошли в историю, известный монголовед В.Л. Котвич писал: «Для обозначения западных монголов (ойратов) в русской и иностранной литературе употребляются чаще всего три термина: ойраты — из монгольских и калмыцких источников, калмыки — из мусульманских, которым следуют и старые русские источники, в том числе архивные документы и элюты (олоты) — из китайских» (Котвич, 1919).

Основным феодальным объединением являлся улус, состоявший из нескольких родовых союзов — отоков и аймаков. Оток был объединением как родственных групп, так и представителей различных родов и племен, кочевавших на определенной территории и зависимых от одного владельца. Вместе с тем, оток представлял собой определенную военную единицу (хошун), выставляющую строго фиксированное количество воинов. Аймак отличался от отока тем, что объединял только родственные семьи, как правило, ведущие свое происхождение от одного общего предка. По мнению академика Б.Я. Владимирцова оток и аймак являлись кочевыми феодами. Улус, указывал русский исследователь права монголов Ф.И. Леонтович, «имел вид большой орды, кочевавшей со всеми своими частями отдельно от других одноплеменных улусов и управляющийся своим родовым вождем...». Это было по существу самостоятельное владение, удел. Правитель его — тайша (тайджи) располагал собственным отоком и имел определенные места кочевания. Несколько улусов составляли племя. Основные ойратские племена торгоутов, хошоутов, дербетов, чоросов к началу XVII в. представляли собой княжеские владения, которые возглавляли старшие тайши, принимавшие нередко титул хана. Глава старейшего или наиболее сильного и многочисленного улуса считал-

ся главой племени. Ханы и тайши принадлежали к аристократическому сословию нойонов, которые вели свое происхождение от Чингисхана и его братьев. Другую группу светских феодалов составляли зайсаны, стоявшие во главе аймаков, их помощники дэмчи. Богатыми и очень влиятельными являлись представители ойратского духовенства, тесно связанного с ламаистской церковью Тибета. Основное и самое многочисленное податное сословие представляли араты — албату, закрепленные за конкретным феодалом. Они были обязаны платить натуральный налог скотом и продуктами своего хозяйства, выполнять повинности по сбору топлива, доставке почты, снабжать продовольствием проезжающих послов и гонцов, участвовать в облавных охотах, в ополчении феодала и др. За невыполнение этих и других повинностей араты подвергались строгим наказаниям. Аналогичным было и положение шабинаров — аратов, прикрепленных к ламаистским церквям и монастырям.

В середине 30-х гг. XVII в., в период правления Батура-хунтайджи (1635—1654), ойратские племена объединились в единое государственное образование — Джунгарское ханство. «В сих летах, — говорится в Черепановской летописи, — начало свое возышло в калмыцких тайшах Зенгорское владение, ибо Каракулы сын Батур-тайша благоразумием и храбростью своею как рассеянные калмыцкие республики с их тайшами вместе совокупил и часть Бухарии завоевал, и с того времени как в 1635 г. он, Батур-тайша, стал именоваться контайша» (Златкин, 1983). Разумеется, образование Джунгарского ханства объясняется не столько личными качествами Батур-хунтайджи, сколько объективными процессами, подспудно развивавшимися в монгольском обществе. Основой экономики джунгар оставалось экстенсивное кочевое скотоводство, территориальная отдаленность ойратов от оседлых земледельческих и ремесленных центров и внешнеполитические затруднения стимулировали раз-

витие у них собственного земледелия и ремесла, что придавало их хозяйству более разносторонний характер и в экономическом отношении делало их более независимыми от соседей (Батраков, 1958). В Джунгарии, точнее в завоеванном в годы правления Галдана (1670–1697) Восточном Туркестане, отливались монеты из красной меди с надписями на одной стороне на ойратском, на другой — на тюркском языках (Веселовский, 1909).

Политическая структура совпадала с родоплеменным делением ойратов. Хан, носивший в Джунгарии титул хунтайджи, обладал практически неограниченной властью. Высшим правительственным и одновременно судебным органом ханства являлся зарго, состоявший из близких хану зайсанов, высших иерархов ламаистской церкви, а в XVIII в. в него входили и уйгурские беки. «Великих дел контайша, — писал о джунгарском хане Цэван-Рабдане (1697–1727) русский посол в Джунгарии в 1722–1724 гг. И. Унковский, — без советов зайсанских не делает, а в иные дела и протчих начальных людей и из знатных калмык призывают» (Веселовский, 1887). Верховная ханская власть являлась наследственной и переходила от отца к сыну одной и той же фамилии дома Чорос. Во главе племен и улусов стояли старшие и младшие тайши, отроки и аймаки возглавляли зайсаны. При хане и при тайшах имелись дружины, а в случае войны собирались ополчения, в которые призывались все взрослые здоровые мужчины. Управление ханством осуществлялось на основе законов, базировавшихся на обычном праве монгольских народов (Их Цааз, 1981). Уровень централизации власти и вообще развития государственности в Джунгарском ханстве был намного выше, чем у соседних народов — казахов, киргизов, халхасов. Это было, как указывает И.Я. Златкин, «сравнительно высокоорганизованное, объединенное феодальное государство с твердой центральной властью, успешно преодолевавшее сепаратизм местных князей».

По своему политическому и общественному устройству Джунгарское ханство — типичное раннефеодальное кочевое государство, правитель которого, стоящий на верху феодальной лестницы, являлся верховным собственником всех земель (Владимирцев, 1934). Скот находился в личной собственности отдельных семей.

Джунгарское ханство поддерживало широкие экономические и политические связи с соседними государствами. Торговые караваны отсюда появлялись на рынках Китая, России, государств Средней Азии. На протяжении всего периода своего существования Джунгария проводила активную внешнюю политику, оказывая большое влияние на политическую жизнь населения огромного региона, в том числе Саяно-Алтая.

Воссоздать ход проникновения ойратов в Горный Алтай и подробную картину подчинения местного населения пока не представляется возможным. Известно, что они появились здесь в конце XVI — начале XVII в. В 1609 г. томские воеводы В. Волынский и М. Новосильцев сообщали в Москву, что «черные колмаки с белыми колмаками кочуют многие заодно...» (Миллер, 1937 — 1941). Проникновение ойратов на Алтай и в Верхнее Приобье в этот период было связано с ходом их борьбы с хотогойтским государством Алтын-ханов и Казахским ханством. Государство Алтын-ханов, располагавшееся в северо-западной части Халхи, возникло в последние десятилетия XVI в. Его основателем был один из внуков знаменитого монгольского князя Гэрэсэндзэ — Шолой Убаши-хунтайджи (1567–1627) (Шастина, 1949). Г.Ф. Миллер отмечал, что «...в это время калмыки опять вели кровопролитную войну с монголами... Еще большее число калмыков было принуждено оставить свои кочевья по ту сторону Алтайских гор и переселиться в Сибирь». При этом ойраты, опасаясь преследования противника, даже строили на Алтае укрепления. Осенью 1621 г.

томские воеводы И. Шеховский и М. Радилов сообщали тобольскому воеводе М. Годунову, что ойратские тайши «Тойла и Курагала и Мергет-тайши и иные все тайши, и черные колмаки пришли все на Обь-реку... на устье реки Чюмыша, сделали городок... А сошлись де они на Обь и городок сделали, что их побил Алтын-царь, а сложился де Алтын-царь с Казацкою землею, а казацкие люди с нагаи, и где де оне в степях кочевали, и с тех со их кочевья збили...» (Миллер, 1941). В этом сообщении обращает на себя внимание определенная синхронность в действиях противников ойратов. По мнению Г.Ф. Миллера, именно в 20-е гг. XVII в. ойраты начали облагать данью коренное население Горного Алтая и бассейна Верхней Оби. В эти годы ойратские князья во главе с чоросским ханом Харахулой вынашивали планы нападения на опорные центры Русского государства в Южной Сибири — Томск и Кузнецк. Коренное население Южной Сибири нередко оказывало ойратам ожесточенное сопротивление, действуя порой в союзе с русскими (Уманский, 1980).

После образования Джунгарского ханства вторжения ойратов в Горный Алтай и Верхнее Приобье приняли систематический характер. В основе захватнической политики ойратских ханов лежало стремление овладеть пушными и рудными богатствами края, увеличить численность податного населения, расширить территорию ханства, создать буферную зону на границе Русского государства в Сибири. Опорными пунктами распространения русского влияния на Алтае и в Верхней Оби были Томск (1604 г.) и Кузнецк (1618 г.). Об упорной борьбе, разгоревшейся между русскими и джунгарами на Алтае свидетельствует тот факт, что следующая крепость (Бийская) была построена лишь 100 лет спустя после основания Кузнецка, несмотря на неоднократные попытки русских властей заложить укрепление в предгорьях Алтая (Миллер, 1941).

В Окладной книге Сибирского приказа говорится, что джунгарские феодалы «не токмо набеги воровски и приезды насильственные непрестанно чинены, но в разных годах приходили многократно и под самые те города войною великими собраниями под приводом знатных контайшинных князцов и зайсанов в нескольких тысячах и стах оружейны и слободы, волости и деревни неприятельски разоряли, строения жгли, людей многих в смерть побивали, паче же, что нескольких тирански замучивали: груди пороли, глаза у живых вертели, из спины кожу ремнями вырезывали и вешали, а иных в их жилищах и по дорогам ловя в плен брали и на промыслы не допускали, пожитки все грабили, скотские и конные табуны отгоняли и прочее, что ни было, увозили».

Продвижение ойратов на Алтай и в Верхнее Приобье осуществлялось, главным образом, с юго-запада. В отечественной литературе утвердилась точка зрения, что телеуты признали свою зависимость от джунгарских ханов в 1653 г. (Потапов, 1969), но после этого неоднократно сражались со своими сюзеренами и порой наносили им ощутимые поражения (Уманский, 1980). В 70—80-е гг. XVII в. телеутские князья становятся более зависимыми от джунгарских владельцев. Некоторым из них джунгарские ханы присваивали титулы, доверяли сбор албана и т.п.

Таким образом, к середине XVII столетия южные алтайцы оказались в составе Джунгарского ханства, а отдельные роды, давно признавшие русское подданство, стали двоеданцами.

В апреле 1726 г. казаки И. Ефимов и В. Кузнецов, ездившие по заданию русского посла С.Л. Владиславича-Рагузинского в Тыву и на Алтай, сообщали, что до Телецкого озера — «владение российское, живут народы татарские... За Тележским озером Владение Колмацкое». Телецкое озеро «большею частию в Зенгорской стороне состоит, ибо по обе стороны от того озера от начатия Бии-реки до Губы-Кули и речки

Сабинки имеется россискаго владения Кергеской (Кергежской) двоеданской татарской волости толко двадцать шесть верст, а зенгорского владения по оному Телецкому озеру по обеим берегам на восемьдесят верст». Живущие же в истоках Бии и по берегам Телецкого озера телесы «в подданстве более стоят в Зенгорское владение, дают же оные телесцы волной ясак в город Кузнецк толко по шестьдесят соболей в год и то своею волею, а не положением».

Из других групп населения Горного Алтая, находившихся в джунгарском подданстве, «вольный» ясак русским властям по одному соболю с «дыма», т.е. с семьи платили алтайцы, проживавшие по реке Майме.

Центральная ханская власть редко вмешивалась во внутреннюю жизнь своих пограничных алтайских владений, представляя местным князьям широкую свободу действий, в том числе, право на сбор албана и доставку его в ургу, на самостоятельные сношения с русскими властями. Алтайские князья были обязаны охранять границы ханства, выставлять определенные контингенты войск для службы при ханской ставке, участвовать в военных походах, встречать и провожать послов, приезжать для решения важных общегосударственных вопросов в ургу и т.д. На население Горного Алтая распространялись и законы ойратов, составленные на общемонгольском съезде князей в 1640 г. (Галстунский, 1860).

Имелись случаи переселения южных алтайцев в пределы собственно Джунгарии. Так, зимой 1744 г. таутелеуты сообщали русским властям, что их соплеменники «умеющие кузнечного мастерства забраны во владение ево (Галдан-Цэрена — Авт.) Зенгорское и делают на оного зенгорского владельца ружье и стрельныя железца (наконечники для стрел — Авт.), панцыри и куяки и за ту де их работу дается им от помянутого зенгорского владельца жалованья».

Подать джунгарскому хану южные алтайцы платили «мягкой рухлядью» — шкурами пушных зве-

рей, предметами ремесла и даже продуктами земледелия, а также меховой одеждой. В шорском предании говорится о поставках в Джунгарию палочек для дальноточных стрел — казырган.

Кроме того, южные алтайцы были обязаны снабжать продовольствием, лошадьми и всем необходимым проезжающие через их кочевья ойратские посольства, военные отряды и даже торговые караваны. Джунгарские ханы претендовали на сбор албана и с северных алтайцев, однако, здесь они встретили противодействие царского правительства и местных властей.

Проблема двоеподданства северных алтайцев в русско- джунгарских отношениях

Во взаимоотношениях Русского государства и Джунгарского ханства вопрос о сюзеренитете над коренными народами Южной и Западной Сибири, в том числе, о праве сбора ясака с северных алтайцев, был едва ли не самым острым. Он возник уже в первой половине XVII в. и не сходил с повестки переговоров между двумя государствами вплоть до гибели Джунгарии. «Постоянные конфликты, — указывал в этой связи И.Я. Златкин, — порождали вопрос о подданстве племен и народов, обитавших в пограничной зоне, о том, кто является их сюзереном, кто обладает правом собирать с них ясак».

Недостаток военных сил России в Сибири, занятость русского двора европейскими делами, нежела-

ние обострять отношения с могущественным государством Центральной Азии, противодействовавшим агрессивным устремлениям маньчжурской династии Цин были причинами того, что ряд тюркских племен Сибири, в том числе значительная часть северных алтайцев, давно признавших подданство Русского государства, оказались вынуждены платить дань и ойратам. По мнению И.Я. Златкина, автором идеи о кондоминиуме (двойном подданстве) северных алтайцев, барабинцев и енисейских кыргызов являлся основатель Джунгарского ханства Батур-хунтайджи, впервые высказавший ее в 1640 г. представителю тобольского воеводы Меньшому-Ремезову. Однако, если в период правления Батур-хунтайджи все спорные вопросы во взаимоотношениях с Русским государством решались, как правило, мирным путем, то позже, после прихода в 1662 г. к власти Сенге, обстановка на Алтае резко осложнилась. Особенно это проявилось после того, как в 1667 г. джунгарские войска разгромили хотогойтского Алтын-Хана Лозона (Лубсана).

Джунгарские отряды начали не только нападать на представителей коренного населения Сибири, но и осаждают Красноярск, угрожать Кузнецку и Томску, требуя, в частности, выдачи бежавших под их защиту отдельных групп телеутов (выезжих). Не улучшились русско-джунгарские отношения и после гибели Сенге, и захвата верховной власти его братом Галданом в 1670 г. Прибывшие в Кузнецк послы нового хана заявили местным властям, что «прежде того отцу ево (Галдана. — Авт.) Кегеневу и брату Сенге и ему Кегеню подгородные кузнецкие люди, абинские служилые татары и выезжие белые калмыки и тюлиберские и боянские ясачные татары давали ясак, а ныне ему многие годы ясаку не дают и чтоб выезжих белых калмыков выдал на прежнее житье, а с ясачных людей дать ясак, грозя ежели того учинено не будет,

приходить под Кузнецкой войною и уезды разорять». Однако, осложнившаяся внешнеполитическая обстановка и, прежде всего, война с Халхой (1688–1690 гг.), а затем и с Цинской империей заставила Галдана искать помощи со стороны Русского государства и умерить свои притязания в Южной Сибири. Его племянник Цэван-Рабдан, захвативший в начале 90-х гг. власть в Джунгарии, вскоре после гибели Галдана укрепил свои позиции в ханстве и возобновил прежние претензии. В годы его правления русско-джунгарские отношения крайне обострились, на Алтае начались вооруженные столкновения. В 1710 г. ойратские войска, возглавляемые зайсаном Духаром, сожгли построенную год назад при слиянии Бии и Катунь Бикатунскую крепость, разорили более 10 деревень, подступали к Кузнецку.

В июне 1713 г. сибирский губернатор М.П. Гагарин направил в Джунгарию тарского казачьего голову Ивана Чередова. В листе, адресованном хунтайджи Цэван-Рабдану, губернатор потребовал возвращения захваченных на Алтае пленных, имущества, а также просил, «чтоб на калмык, которые российский город, бывшей меж Бией и Катуней рек, разорили дать оборон». Цэван-Рабдан категорически отказался принять представителя сибирского губернатора, запретил снабжать его продовольствием и предоставлять кров. Переговоры, не принесшие никакого результата, И. Чередов вел с чиновниками хунтайджи. Прибывшие вместе с И. Чередовым в Тобольск ойратские послы вручили М.П. Гагарину ответный лист правительства Джунгарии, в котором перечислялись «обида», нанесенные ойратам русскими властями Сибири. В конце послания содержалась прямая угроза — «города Томск, Красноярск, Кузнецкой на их (ойратских. — Авт.) землях построены, долой буде снесены не будут, то их, яко на своей земле (хунтайджи. — Авт.) пошлет взять».

Еще более русско-джунгарские отношения обострились в 1715–1716 гг. после появления в верховьях

Иртыша военного отряда подполковника И.Д. Бухгольца, отправленного Петром I по предложению М.П. Гагарина в Восточный Туркестан на поиски «песошного золота» (Касымбаев, 1974). Как известно, русский отряд был осажден джунгарскими войсками в новостроенной Ямышевской крепости и вынужден был после длительной обороны, в условиях голода и эпидемии, срыть крепость и весной 1716 г. возвратиться обратно. Попытка русского правительства, не располагавшего достаточными сведениями о географическом и политическом положении Восточного Туркестана, в частности, Яркенда, пройти через территорию Джунгарского ханства привела к резкому обострению русско-ойратских отношений и к усилению напряженности в приграничной полосе, в том числе на Алтае. В том же 1716 г. кузнецкие власти сообщили правительству, что ойратские войска «многие деревни пожгли».

Напряжение стало спадать лишь после начала в 1717 г. новой джунгаро-цинской войны, когда Джунгария оказалась на грани поражения. В такой обстановке Цэван-Рабдан был вынужден направить в Петербург посольство во главе с Борокурганом с просьбой к Петру I принять его в подданство России на тех же условиях, что и волжских калмыков, и построить в верховьях Иртыша крепость (Веселовский, 1887). Русское правительство откликнулось на эту просьбу и направило в Джунгарию для приведения к присяге Цэван-Рабдана капитана Ивана Унковского. Однако, в 1722 г., когда И. Унковский прибыл в Джунгарию, обстановка резко изменилась. Цэван-Рабдан заявил русскому послу: «Было де его наперед сего прошение, чтобы города построить для того, что китайцы на улусы его чинили нападения, а ныне де старый китайский хан умер (император Канси умер в декабре 1722 г. — Авт.), а на его место его сын вступил (девиз правления Юнчжэн, 1723—1735 гг. — Авт.), который прислал к нему (Цэван-Рабдану. — Авт.) послов сво-

их, чтоб жить по-прежнему в дружбе... для чего ныне и города ему, контайше, не надобны» (Златкин, 1983). Правитель Джунгарии заявил русскому послу о намерении возобновить сбор албана с северных алтайцев. Вскоре ойратские и телеутские отряды вновь появились в Кузнецком уезде.

К середине 20-х гг. XVIII в., как это видно из ведомости, присланной чрезвычайному и полномочному послу С.Л. Владиславичу-Рагузинскому, направлявшемуся на переговоры в Китай, джунгары собирали дань «с Кондомских, с Етиберской, с Каргинской, с Щелкальской, с Кергешской, с Комляжской, с Кузенской, да Мраских з Бежбоякова, с Ендаева, с Елейской, з Ближней Карги, с Кузетеевой, с Кызыл-Карги, с Кавинской, с Коинской и з Шерской, да с подгородной Таугапской волостей. И оные де иноземцы им, контайшиным калмыкам, на контайшу алмана дают по вся годы после ясака Российской империи». Джунгары брали дань не только с перечисленных, в основном шорских, но и с Барсоятской волости. По данным 1730 г. в двоеданческих волостях числились уже Баштинская, Карачерская, Забийская шорские волости.

Северные алтайцы платили ойратам дань шкурами ценных пушных зверей, изделиями из железа. По сведениям воеводской канцелярии г. Кузнецка 1752 г. из трех шорских родов (Каргинского, Елейского и Тазашского) 21 человек считался двоеданцем. Размер дани в денежном выражении равнялся 23 руб. 52 коп в год. В натуральном выражении это, примерно, одна шкурка соболя с человека в год. В Ковинском роде было 11 двоеданцев, плативших дань джунгарам соболями, белками, бобрами, красными кожами на сумму 12 руб. 32 коп. В Бельтирском роде значилось 24 двоеданца, сумма дани составляла 26 руб. 88 коп. Из двоеданцев Итиберской волости 49 человек платили джунгарам дань «разным зверем и железом делным: таганами и котлами».

Таким образом, из 13 волостей ойратам платили дань в сумме 492 руб. 70 коп. 470 чел. Для сравнения отметим, что местные кузнецкие власти с этих же волостей собирали ясак, как следует из окладных книг, с 1350 человек.

Положение северных алтайцев-двоеданцев было исключительно тяжелым. Джунгарские и телеутские сборщики дани, доносил в Москву томский воевода С. Вяземский, в двоеданческие волости «сами ездят и жен своих и детей, и братьев, и племянников, и людей своих посылали и государевых ясашных людей мучат, бьют и грабят, и всячески разоряют, да всякую мягкую рухлядь и платья, зипуны и шубы, и котлы, и топоры сильно отнимают и лошадей отгоняют». По преданиям алтайцев, сборщики дани (даруги) «носили в правом ухе в виде серьги особый знак — маленький посеребренный таганчик, служивший эмблемой алмана, собираемого с алтайцев железными котлами и таганами» (Потапов, 1946). С неплательщиками албана расправлялись самым жестоким образом. Телеутский князь Байгорок, собиравший по приказу Цэван-Рабдана албан, старшину Чектона «поймал, у живого глаза велел выколоть и ремня из спины вырезали и повесили на дерево». Вина последнего состояла в отказе от уплаты дани.

В годы военных неудач, вспышек междоусобиц в самой Джунгарии ойратские правители, стремясь возместить понесенные потери, ужесточали фискальную политику на Алтае. Так было, например, после смерти Галдан-Цэрена в 1745 г. В 1752 г. жители Верхнекумандинской волости Акучай Истегешев и Акачак сообщали русским властям, что прибывший из Джунгарии сборщик албана Дюрен, собрав по два-три соболя с каждого человека, потребовал заплатить ему по шесть шкурок соболя. «И оной де Дюрен, — пожаловались посланцы, — уже с них, у кого ежели соболей нет, забирает и лошадьми и в неоплате де того алману бьет немилостиво».

Сбор дани с северных алтайцев-двоеданцев ойратские и телеутские феодалы превратили в одно из средств личного обогащения. Население Кондомских волостей неоднократно жаловались властям Красноярска и Кузнецка на самоуправство и грабежи джунгарских и телеутских князей. Так, присланный хунтайджи Галдан-Цереном Кутук Кытакулов в 1742 г. «сверх ясаку на себя собирал сильно десять соболей... да взял де с собою в подводы восемь лошадей и не возвратил, а подводчиков отпустил пеших, також де многих белтир мучил и всякими нападками и вязал иных к юрте спиной назад и к полу де арканом и брал по соболю и коньми». Сменивший его в 1743 — 1744 гг. Мамут Кытакулов «взял же с оных татар в два года 22 коня, которых де и угонил с собою, да сверх ясаку взял с них 20 соболей, також де и кроме того своими нападками брал по коню и мучил всякими муками» (Потанин, 1875).

Непосильные поборы и издевательства со стороны джунгар нередко побуждали двоеданцев оставлять свои исконные места и скрываться в отдаленных труднодоступных районах. Джунгарский сборщик албана Чюхай Часманов в 1752 г. жаловался русским властям, что «Мраской волости башлык Ебога с своей волости алману за семь лет не отдавал и бегаёт от них со своей волостью. Канской волости башлык Копышак не отдавал за нынешний 752 год за 30 голов и от того платежа бежал».

Царское правительство и местные сибирские власти принимали меры, чтобы оградить коренное население Сибири от домогательств джунгарских феодалов и вассалов. Практически, всем послам и посланцам, направляющимся из столицы и из сибирских городов в Джунгарию, вменялось в обязанность добиваться от ойратских владельцев прекращения грабежей, возвращения имущества и пленных.

Сибирские воеводы, получив сведения о появлении джунгарских или телеутских сборщиков дани в

жилищах северных алтайцев, нередко высылали военные отряды, которые силой выдворяли джунгар, отбирали и возвращали населению имущество и скот. Насколько острым и сложным был вопрос о сюзеренитете над пограничными между Джунгарией и Русским государством коренными народами Сибири, свидетельствуют, например, переговоры русского посла Л. Угримова с джунгарским правителем Галдан-Цэреном и его советниками. Вкратце история отправления этого посольства такова. В 1730 г. в Москву прибыло очередное посольство из Джунгарии. Во время переговоров ойратские послы заявили, что Галдан-Цэрен желает наконец «о ссорах и претензиях как с российской, так и с его стороны произошедших согласится и для того просил о присылке к нему из России знатной персоны, с которым обещает во всех претензиях исследование и розвод учинить». Предложение это было охотно принято и вместе с ойратским посольством в ставку хунтайджи был отправлен майор Л.Д. Угримов.

В инструкции Сибирской губернской канцелярии, врученной Л.Д. Угримову в Тобольске, по вопросу о двоеданцах говорилось следующее: «Когда зенгорский владелец Галдан-Чирин или знатные ево калмыцкие начальники будут иметь претензию о волостях, о которых оной Галдан-Чирин претендовал с посланцом своим, якобы ево владения, и на то ему, посланнику Угримову, представлять, что оные волости и теленгоуты и урянхайцы издревле поданные Российской империи ясашные, а не их Калмыцкого владения, и ясак и с тех волостей в казну нашего и. в. беретца по окладным книгам издавна с прошедшаго 1622 году, а в Калмыцком владении никогда не бывали».

Угримову велено было потребовать, чтобы с волостей «Кузнецкого ведомства — с Командинской, Тагап-ской, с Комлешской, с Тергешевской, с Кузневской, с Юской (Южской. — Авт.), с Елейской и с прочих ясачных волостей и теленгоутов и с урянхай-

цев... с тех бы волостей оного алману (Галдан-Цэрен. — Авт.) братъ не велел и в том зборе калмыком своим запретил».

Уже во время одной из первых встреч Галдан-Цэрен выступил с большими претензиями в адрес царского правительства и местной сибирской администрации. Джунгарский хан, в частности, заявил, что с «городов Тары, Томска, Кузнецка и Красноярска в разных городах лет за 9 и болше воспрещено ему, зенгорскому владельцу, с подданных ево тамо живущих народов брать ясак: с киргиских, уранхаев и бирюсов со 138 волостей...». Во время последующих заседаний чиновники Галдан-Цэрена неоднократно заявляли Л.Д. Угримову, что воеводы в сибирских городах чинят препятствия ойратам в сборе дани незаконно. В ответ на эти и им подобные претензии и домогательства русский посол в соответствии с инструкцией заявлял: «Оныя народы издревле пребывают в подданстве российском и ясак платят в Россию с построения тех городов болши 100 лет, в которых и впредь никому вступатца не надлежит... А о двоеданцах, которые платят ясак в обе стороны, им братъ запрещенія не бывало».

Длительные и сложные переговоры с бесконечными взаимными претензиями и упреками положительных результатов, по существу, не принесли. Более того, почти сразу же после их завершения в кочевьях южных, а затем и в жилищах северных алтайцев появились ойратские сборщики дани, угрожавшие русским войной, в связи с чем в 1735 г. правительство направило в Сибирскую губернию указ, в котором говорилось, что «...для удержания зенгорского владельца от противных поступков впредь до совершенного с ним розводу в границах барабинских и кузнецких волостей, с которых берется в российскую сторону ясак, а на него зенгорского владельца алман, в том зборе алмана ему запрещенія не чинить». Тогда же Галдан-Цэрен потребовал от сибирских воевод разрешить его

людям собирать дань с волостей, плативших какое-то время дань хану Галдану. Речь шла об обложении данью населения, проживающего в бассейнах рек Кондомы, Мрассы и др. Изучив материалы, представленные Кузнецкой воеводской канцелярией, Коллегия иностранных дел рекомендовала Сенату воздержаться от подобного разрешения.

В 1742 г. в Петербург из Джунгарии прибыло посольство во главе с зайсаном Ламой-Даши, представившее канцлеру А.М. Черкасскому большой список волостей, с которых местные сибирские власти запрещали брать дань. В этом реестре назывались енисейские кыргызы, жители Барабы, северные алтайцы и многие другие.

Этот вопрос занял центральное место в личном послании Галдан-Цэрена императрице Елизавете Петровне. «Из давних времен, — утверждал хунтайджи, — в нашу сторону давали дань теленгуты, бирюсы и уранхайцы, и другие некоторые, а ныне оным от вашей стороны нам дань давать запрещено, того ради прошу оным повелеть попрежнему обыкновению надлежащую нам дань давать без удержания». Но и на этот раз требования остались без удовлетворения. Более того, в 1745 г. северным алтайцам-двоеданцам было строго запрещено платить джунгарам дань железом и железными изделиями (Потанин, 1866). Таким образом, вплоть до последних дней существования Джунгарского ханства вопросы о сборе ясака, о принадлежности тех или иных земель и проживавших на них народов Западной и Южной Сибири были одними из самых сложных и острых, нередко являвшихся основой возникновения локальных конфликтов и напряженности в межгосударственных отношениях. Вопросы эти были сняты с повестки дня после разгрома Цинской империей Джунгарского ханства в середине 50-х гг. XVIII в.

Уничтожение Цинской империей Джунгарского ханства и вторжение ее войск в Горный Алтай

Весной 1755 г. Цинская империя, закончив многолетние приготовления, нанесла Джунгарскому ханству сокрушительный удар. В указе о начале военных действий против ойратов Джунгарии император Цяньлун (1736—1795) отмечал: «Наша династия в течение нескольких десятилетий выводывала (обстановку), изучала охрану границ и готовилась к войне, желая уничтожить джунгар, но не имела возможности. Теперь обстоятельства складываются подходящим образом, удобный момент нельзя упускать» (Хэ Цютао, 1881).

Положение в Джунгарском ханстве к этому времени было действительно очень сложным. Вахмистр С. Мякинин, ездивший туда в 1753—1754 гг., отмечал в своем путевом журнале, что «Зенгорской народ между собой крепко несогласно и великом беспокойстве находитца сверх же того днем и ночью между собою имеют великие воровства и друг друга ножами режут». Прогрессирующее ослабление и фактический распад могущественной ойратской державы начался почти сразу же после смерти Галдан-Цэрена, последовавшей в сентябре 1745 г. У хунтайджи остались три сына и несколько дочерей. Старшему сыну Ламе-Доржи, рожденному от наложницы, исполнилось 25 лет (по другим данным — 19), среднему Цэван-Доржи — 13, младшему Цэван-Даши — 7. Перед кончиной Галдан-Цэрен завещал трон среднему сыну, кото-

рый в 1745 г. и был провозглашен ханом под именем Аджа-хана.

Правление малолетнего хунтайджи ознаменовалось массовыми казнями, заговорами, резким падением авторитета и ослаблением центральной ханской власти, развалом экономики (Моисеев, 1984). В конце 1749 г. в результате очередного заговора джунгарских светских и духовных феодалов Цэван-Доржи был убит. Его место занял Лама-Доржи. Однако, его правление оказалось еще более кратковременным. Многие родовитые феодалы и среди них родственник Галдан-Цэрена чоросский князь Давац (монг. Дабачи), считая себя более достойным кандидатом на престол, выступил против нового хана. Наиболее активным оказался Давац, который при поддержке кочевавшего по соседству хойтского нойона Амурсаны и султана Среднего казахского жуза Аблая сверг Ламу-Доржи (Алдабекова, Моисеев, 1986) и провозгласил себя ханом.

Свержение Ламы-Доржи и воцарение на джунгарском троне в январе 1753 г. Давац не избавило Джунгарию от дальнейших междоусобиц. Одним из первых против Давац выступил сын известного владетельного нойона Сары-Манджи Немеху-Жиргал, являющийся одним из потомков основателя Джунгарского ханства Батур-хунтайжди. Приезжавшие в русские крепости казахи сообщали царским властям, что Немеху-Жиргалу и другим его сторонникам «ни по единому образу Дебачи покорится невозможно, для того, что они ближайшия свойственники Галдан-Чирину, следственно и претенденты, и ежели б он, Дебачи, мог их достать, то б конечно умертвил, но по исправности их людей уповают они Дебачу победить и владения лишить». Собрав значительное войско, очередной претендент осадил хана и вынудил Давац искать спасения в кочевьях его бывшего союзника Амур-

саны. Однако, к тому времени отношения между ними осложнились. Амурсана, не довольствуясь назначением его правителем ойратов, кочевавших в северных районах Джунгарии, Монгольском Алтае и Тарбагатае, начал требовать во владение половину ханства. Русский казак Ф. Бурков, находившийся в это смутное время в Джунгарии, сообщал, что после того, как Давац и Амурсана в течении трех месяцев после свержения Ламы-Доржи собрали своих бывших подвластных, скот и имущество, последний «от владельца Дебачи стал требовать в свой поныток половину зенгорского народа и земли со всем иждивением, что он, Дебача, сделался владельцем по общему с ним, Амурсанам, старанию». Давац ответил категорическим отказом, заявив, что «... нигде того, дабы в одной земле были два владельца, не водитца». Несмотря на эти разногласия, Амурсана вновь поддержал Давац и совместными усилиями они нанесли поражение Немеху-Жиргалу, Тогуз-Кашке и другим выступавшим против них князьям.

В ходе этой борьбы Амурсана значительно увеличил численность своих подвластных (по некоторым данным, их было до 7 тыс. семей) и решил бросить вызов Давацу. Однако, несмотря на энергичную поддержку влиятельного султана Аблая, Амурсана потерпел поражение. В сентябре 1754 г. он бежал в Цинскую империю и обратился к маньчжурскому императору Цяньлуну с просьбой дать ему войска для свержения Даваца (Кузнецов, 1981).

Князья Горного Алтая также активно участвовали в межфеодалных усобицах на стороне Даваца, что, в известной степени, повлияло на исход его борьбы с Амурсаной (Вэй Юань, 1898). Вахмистр А. Беседнов, ездивший весной 1754 г. в ставку алтайского зайсана Омбы в Кан, сообщал, что в это время «зайсаны алтайские уезжали на помощь к Дебаче-хану» и возвратились об-

ратно в августе того же года. «И привезли ево Амурсананева жену и детей, а многие в полон взяты, а сам де он, Амурсанай, ушел в семи зайсангах в мунгалскую сторону». Позже зайсан Кутук и его родственники подтвердили эти сведения, заявив, что «уходили де они все на службу к Дебаче-хану на выручку, которого де и выручили, а Амурсанай-ноена и его землю всю разорили. Жен ево и детей, окот и живот и всю ево жизнь обрали и привезли в свою землю и разделили по себе». Д. Беседнов видел в алтайских кочевьях ойратских пленных, дорогие вещи и утварь, принадлежавшие ранее Амурсане и его подвластным. Амурсана не простил этого алтайским князьям и постарался с помощью Цинов отомстить им.

Обращение Амурсаны за помощью развязало руки цинскому двору, давно уже стремившемуся к уничтожению Джунгарского ханства и сконцентрировавшему на границах с Джунгарией большое количество войск. Амурсану и других джунгарских князей (Цэрена, Цэрен-Убаши, Сарала и других), бежавших в Цинскую империю, было решено использовать как прикрытие для осуществления своих агрессивных замыслов.

Ранней весной 1755 г. цинская армия, разделившись на две колонны, двинулась в поход. Северная колонна, во главе с генералом Банди, шла из Улясутая через проходы Монгольского Алтая, южная, руководимая генералом Юн Чан, выступила из Баркуля. Согласно разработанному военным советом плану, они должны были, разбив противника, соединиться на реке Или. Помощником командующего северной колонны император назначил Амурсану, пожаловав его титулом цинь-вана (князь первой степени) и званием фу цзянцзюня (помощник цзянцзюня). Помощником командующего южной колонны был назначен ойратский зайсан Сарал. Начальник пограничной администрации Забайкалья и Восточной Сибири бригадир В.В. Якоби 29 июля 1755 г. доносил

сибирскому губернатору В. Мятлеву, что цинское войско, «состоящее во ста семидесяти тысячах, ушло в контайшинское владение для намеренной войны двумя дорогами через Баркуль и через Улятуй урочища».

Джунгарское ханство, истощенное многолетними распрями, не смогло оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления захватчикам. К тому же, в глазах простого люда это вторжение цинских войск, в авангарде которых шли ойратские отряды, возглавляемые известными джунгарскими князьями, было ничем иным, как продолжением все тех же княжеских междоусобиц. С возвращением Амурсаны многие надеялись положить конец кровопролитным внутренним войнам. «По вступлении в пределы Джунгарии, — замечал по этому поводу Н. Веселовский, — (цинские войска) были встречаемы повсюду с вином и молоком потому, что Амурсана, который шел впереди армии, ручался за неприкосновенность жизни и имущества». Не последнюю роль при этом сыграли распространяемые «прокламации» и манифесты, в которых маньчжуры уверяли население Джунгарии, что пришли «наказать» злодея Даваца и восстановить в ханстве мир и спокойствие.

Потерпев поражение, Даваца пытался найти убежище у некогда обласканного им правителя Уч-Турфана Сы-Бека, но был схвачен последним и выдан цинским войскам. Император Цяньлун отнесся к «злодею» весьма милостиво. Даваца было пожаловано княжеское звание, отведено жилище в Пекине и даже разрешено каждый день лицезреть богдыхана.

Таким образом, летом 1755 г. Джунгарское ханство прекратило свое самостоятельное существование. Цель, которую преследовали маньчжуры более 100 лет, была, наконец, достигнута. «Этот поход войск, — писал Хэ Цютао, — продолжался только немногим более 100 дней. Ни один воин не был ранен, ни одна стрела не была

сломана. Завоевана страна, схвачены живыми известные князья. Десятки тысяч ли пустыни Гоби полностью вошли в состав наших владений. Вселенная издревле не знала таких великих подвигов» (Хэ Цютао, 1881).

Маньчжуры решили разделить Джунгарию на четыре независимых друг от друга владения, во главе с доказавшими свою преданность императору ойратскими князьями, которые должны были подчиняться назначенному из Пекина чиновнику. «Повелитель Китая, — отмечал Н.Я. Бичурин, — еще до открытия войны предложил по покорении сей страны, хотя по-прежнему поставить в оной четырех ханов, но друг от друга независимых, дабы сим образом, с одной стороны, разделить силы их, а с другой — уничтожить повод к возмущениям и через то водворить спокойствие в Северной Монголии». Однако, планам этим не суждено было осуществиться. Не успели цинские солдаты и офицеры добраться до своих квартир, как в Джунгарии вспыхнуло восстание, возглавил которое обманувшийся в своих расчетах стать ханом нойон Амурсана.

Разгромив оставшийся в Джунгарии небольшой отряд цинских войск под командованием генералов Банди и Ожунаня и обосновавшись на р. Боротал, Амурсана энергично принялся за создание широкой коалиции всех антиманьчжурских сил, включая казахов, киргизов, алтайцев (Златкин, 1983).

Цинское правительство спешно вернуло войска к границам Джунгарии и попыталось подавить восстание в зародыше. С целью деморализации восставших ойратов маньчжуры отпустили в Джунгарию почти всех захваченных ими приближенных Даваца. «Те, взятые из Зенгории, в Зарге присутствующие зайсанги, — говорил позднее ойратский зайсан Хорхой Дондук русским чиновникам, — ...отпущены с награжде-

нием, по увещеванию которых многие из зенгорцев от Амурсана отстали».

Однако, восстание охватывало все новые районы Джунгарии, и подавить его сразу Цинам не удалось. Зима 1755—1756 гг. прошла в подготовке сторон к решающим боям. Вернувшийся из Монголии в Се-ленгинск русский курьер С. Сургуцкий в феврале 1756 г. докладывал бригадиру В.В. Якоби, что цинский император Цяньлун отдал указ «в нынешнем феврале месяце собрать в прибавок прежнему войску еще вновь несколько тысяч..., а в марте месяце неотменно следовать войску в контайшинскую сторону со всяки поспешением, как для поймания Амурсаны, так искоренения и приводу в подданство контайшинцев». В марте 1756 г. цинская армия вновь вступила на территорию Джунгарии. Распри среди возглавлявших восстание князей не позволили ойратам отразить неприятеля. Потерпев ряд поражений, Амурсана с небольшой группой единомышленников скрылся в кочевьях своего союзника султана Среднего жуза Аблая.

В течение 1756—1757 гг. наводнившие Джунгарию цинские войска огнем и мечом расправлялись с ее населением. «Кто бы им из зенгорцев в руки не попал, — говорили убегавшие в Сибирь ойраты, — то уже как мужск и женск, болших и малых ни единого не упускают, наголову побивают». Маньчжуры стерли с лица земли большое кочевое государство. «Эта победа, — признавали когда-то историки КНР, — была одержана путем самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгарии». Амурсана, отчаявшись в успехе своего предприятия, был вынужден искать спасения в России.

Ойраты, вышедшие к сибирским крепостям, рассказывали, что Амурсана, «хотя природной владелец фамилии хошоутовой... токмо де роду незнатного..., почему де в Зенгорском владении почитается не яко знатной... и к Зенгорскому владению по обычаю их

права никакова ему нет». Как докладывала Коллегия иностранных дел императрице Елизавете Петровне, цины, «воспользовавшись случившимся междоусобием в зенгорском народе... преуспели, наконец, оной частию разсеять, частию истребить, а остатки привести и в совершенное рабство свое».

Политика Цинской империи в Горном Алтае в этот период в значительной мере определялась обстановкой, складывавшейся в Джунгарии. В мае 1755 г. император Цяньлун приказал хотогойтскому князю Цэнгунджабу подчинить население южных районов Горного Алтая. Война с Джунгарией помешала немедленному выполнению этого указа. Поэтому во время продвижения цинских войск на ойратские земли цинские отряды ограничивались охраной флангов и тыла армии и не предпринимали активных наступательных действий против алтайцев. «Которое прежде приближалось мунгальское войско к Телецкому озеру, — говорили телесы приезжавшему к ним 15 июня 1755 г. русскому сборщику ясака И. Шаболину, — и намерены были взять их, двоеданцев, в подданство, а ныне де оное мунгальское войско семь тысяч отступило обратно в свою землю, а прочее де войско восемь тысяч с нойоном Амурсаной ушло в Зенгорскую землю».

Сразу же после разгрома Джунгарского ханства цинские власти приступили к подготовке похода в Горный Алтай. Амурсана, знавший об этих планах, категорически возражал против вторжения на Алтай, доказывая Банди и другим цинским военачальникам, что после покорения Джунгарии алтайцы добровольно признают подданство маньчжурского императора. Между тем, сам отправил в Горный Алтай урянхайцев Дабхура и Тубшина с приказом главам племен ехать к нему с войсками на Или. Банди, узнав о тайных связях Амурсаны с алтайскими князьями, заподозрил неладное и приказал Цэнгунджабу выполнить повеление богдыхана. «Видя намерения Амурсаны тайно

связаться с урянхами, — доносил он императору, — ваш верноподданный, по-прежнему приказал Цэнгунджабу идти вперед». В Пекине его распоряжения нашли правильными.

В материалах «Да Цин личао шилу» («Хроника правления великой династии Цин») за 1755 г. приводятся подробные сведения о походе цинских войск под командованием Цэнгунджаба в южные районы Горного Алтая. 12 июля 1755 г. его отряд совместно с перешедшими на сторону маньчжур алтайскими князьями Чадаком, Чилунем и другими выступил в поход. Ровно через месяц войска вышли к хребту Сайлюгем, отделяющему Монгольский и Горный Алтай. С этого места хотогойтский князь отправил подчиненных ему офицеров Дондоба и Цебдэна с отрядом из 300 воинов в кочевья алтайцев в верховья Катунь. Сам же, взяв 400 солдат, двинулся вниз по течению Аргута и напал на улус зайсана Хармаши. Затем, разослав во все стороны небольшие отряды, направился в Чахан-Усу. По дороге он соединился с другим цинским отрядом, разыскивавшим урянхайцев, которые напали на цинские караулы. Через некоторое время его войска достигли р. Башкауса. Узнав от захваченного здесь в плен зайсана Мадзидая о местопребывании других князей, Цэнгунджаб вновь разделил войска на несколько отрядов и отправил их в кочевья телесов и таутелеутов.

Ерельдей Маачаков и Дарды Баачаков «секретно» объявили И. Шаболину 21 августа 1755 г., что «ныне мунгальское войско стоит на реке зовомой Чуя три тысячи..., на Береле-реке две тысячи, да в канских зенгорских волостях триста» и склоняют алтайцев в маньчжурское подданство, угрожая в случае отказа, «разводить» их улусы.

Постарался «отомстить» своим обидчикам с Алтая и Амурсана. Житель Нижнекумандинской волости Куртегеш Барин в сентябре 1755 г. сообщал команду-

ющему на Колывано-Кузнецкой военной линии полковнику Ф. Дегарриге, что Амурсана появился с войском в районе Кана и Каракола «и другие де крайние около Зенгорской землицы волости обирает, для чего де во, округ оной посланы от него, Амурсаная, команды...».

Некоторые алтайские зайсаны и старшины, проживая в верхнем течении Катунь, а также по рекам Чуе, Аргуту, Башкаусу и др. — Омбо, Гендышка, Намкы, Буктуш, Бурут, опасаясь физического уничтожения населения, были вынуждены объявить себя «подданными» маньчжурского императора. «Ваш верноподданный, — докладывал Цяньлуну Цэнгунджаб, — разыскал и покорил урянхов Хан-Хатуни (Катунь, — Авт.) и других мест. Все уже усмирены, только один Бучжукэ все еще не пойман. Сейчас во всех местах ведем поиск, в скором времени он будет схвачен». Удовлетворившись заявлениями некоторых глав местных племен об их согласии признать власть богдыхана, Цэнгунджаб собрал войска и возвратился в Монголию.

После начала восстания в Джунгарии в кочевьях алтайцев появился присланный от Амурсаны зайсан Нима. Он призывал князей отправиться с войсками на помощь восставшим ойратам. Однако, в памяти людей были свежи события 1754 г. Поэтому князья в большинстве своем не только не откликнулись на этот призыв, но и сообщили о появлении эмиссаров Амурсаны в Горном Алтае цинским властям. Тогда Амурсана от уговоров перешел к методу жестоких расправ. Командующий на Сибирских военных линиях бригадир И.И. Крофт 30 декабря 1755 г. сообщал сибирскому губернатору В.А. Мятлеву, что Амурсана послал к алтайским князьям своих представителей «для забранья тутошних всех зайсанов под видом таким, якоб по повелению китайского хана они требуются для поклонения». По словам И.И. Крофта в ставку нойона явилось 17 зайсанов, «которых он, Амурсана, по прежде

причиненной ему злобе в отомщение 15 человекам отсек голову».

Тогда же, в декабре 1755 г., фу цзянцзюнь Хадаха, назначенный вместо погибшего Банди на должность командующего северной колонной войск, докладывал в Пекин, что Омбо, Боохол и другие князья прислали к нему гонцов с известием о том, что Амурсана приказывает им выступить к нему на помощь. В ответ на это донесение из столицы на имя Хадахи пришел указ принять все необходимые меры, чтобы не допустить поддержки населением Горного Алтая восстания в Джунгарии и наградить Омбу и Боохола.

Встретившись в крепости Кобдо, Хадаха и Ценгунджаб обсудили это повеление двора и приняли решение выставить на дорогах, горных проходах и речных переправах, ведущих из Джунгарии на Алтай, усиленные караулы, привлечь для этого и дружины алтайских князей. Так, Гулчухаю, кочевья которого располагались по Черному Иртышу, был направлен приказ охранять с подвластными ему людьми юго-западную границу алтайских кочевий. Дербетскому князю Цэрену было велено охранять кочевья мингатов и предписано любого, кто поддержит Амурсану, немедленно «истреблять». Цинское командование, не сумев подавить восстание ойратов в 1755 г., отложило поход в Джунгарию до весны 1756 г. В декабре 1755 г. Хадаха докладывал императору, что все войска поставлены на отдых в крепостях Улясутае, Кобдо и других. «Когда в следующем году появится трава, все войска, соединившись на Иртыше, двинутся вперед истреблять (мятежников)». Цяньлун, согласившись с этим планом, предписал Хадахе тщательно наблюдать за кочевьями тувинцев и алтайцев. «По-прежнему, — подчеркивалось в присланном в армию указе, — надлежит охранять элютские, урянхайские кочевья и отражать нападения разбойников, которые могут воспользоваться уходом (армии) и начнут производить беспорядки».

Таким образом, маньчжуры стремились не дать восстанию в Джунгарии распространиться вширь, в частности, на территорию Горного Алтая.

Стараясь помешать присоединиться к восстанию алтайцам, цины пытались посулами и наградами привлечь их верхушку к сотрудничеству. В конце 1755 г. делегация зайсанов Горного Алтая (точнее, его южных районов), в состав которой входили князья Кутук, Гулчухай и Намкы, по приказу Пекина была доставлена в императорский дворец на аудиенцию к богдыхану. Цяньлун принял их, пожаловал им титулы и соответствующие знаки отличия, что по китайским традициям означало принятие зайсанов на императорскую службу. Министры Лифаньюаня (Палата по делам зависимых земель) наказывали им, чтобы к весне, когда «китайская сила на Амурсаная пойдет, то чтобы они, зайсанги, со своим войском были готовы».

Однако, грабительская политика цинских властей на Алтае, массовый угон в плен мирного населения, поборы и убийства ни в чем неповинных жителей заставили князей Алтая с оружием в руках выступить на защиту своих владений и фактически поддержать восстание в Джунгарии.

В феврале 1756 г. зайсан Омбо не пропустил через свои кочевья посольство маньчжур к казахскому султану Аблаю. Возглавлявший это посольство Дешан доложил командованию, что алтайцы повсюду распространяют известия о прибытии на Алтай отрядов казахских и джунгарских воинов во главе с Амурсаной. В связи с этим, Цяньлун в указе от 29 марта 1756 г. с раздражением отмечал, что «все эти злостные сплетни, состряпанные урянхайцами, вносят смятения и сомнения в настроения толп» и инспирированы самим Амурсаной. «Бунт, — говорилось далее в указе, — уже открылся и, если строго не покарать (мятежников), то другими мерами сделать уже ничего нельзя. Повелеваю отправить секретный указ Хадахе, тайно уведо-

мить хотогойтского Цэнгунджаба, бэйлэ Цебдэнджаба, чтобы они, исходя из сложившейся обстановки, отправили вперед часть своих войск и, выявив главных зачинщиков и главарей преступления, немедленно наказывали (их)». При этом, указывал Цяньлун, таких князей, как Тубшин, Бэньголак, ранее активно сотрудничавших с маньчжурами, следует простить. Однако, по отношению к Омбе, Гулчухаю, Бобою и другим, осмелившимся оказать сопротивление цинским войскам, «нельзя проявлять снисходительность».

Командование северной колонны цинских войск в лице Хадахи и Цэнгунджаба получило приказ двинуть в Горный Алтай войска и «усмирить изменников». Вновь на кочевья южных алтайцев обрушились удары цинских войск. Первыми подверглись нападению улусы зайсанов Буктуша, Бурута, Намкы и других. Вскоре Цэнгунджаб, который возглавлял эти операции, доложил в Пекин о принятых им мерах. Отправил «для вразумления урянхайцев начальника чахарского военного лагеря Бинтуна, халхаского Чанэду, — писал он в докладе, — а равно откомандировал Бату Мункэ, Лобцзана и Асара и велел сказать хотохойтам отнюдь не идти на помощь бунтовщикам».

Жившие в долинах рек Чуи, Аргута, Бухтармы, Чулышмана, Башкауса, Катун и других районах алтайцы, сопротивляясь наседавшим на них цинским войскам, уходили под защиту русских укреплений. Алтаец Бесурман Коймышев, добравшийся до одной из крепостей, рассказывал, что «... все зайсаны ретируются к российским крепостям для того, что им в своих волостях жить уже нельзя, понеже, мунгальское войско близ их наступило». Маньчжурское командование начало массовое выселение алтайцев в различные районы Монголии. В мае 1756 г. алтаец Ексак Еженин, приехав в Бийскую крепость, сообщал полковнику Ф. Дегарриге, что «весьма почасту в их волости к зайсангу Номки из китайского войска... присылаются послы и про-

сят со всех... двенадцати зайсангов алман, которой де, хотя они им платить будут, но всех их с женами, скотом и прочим намерены взять с тех мест, где ныне кочуют, в свою землю, а ежели де алману не дадут, то всех перевесить хотят на березы».

Обстановка в Горном Алтае постоянно находилась в поле зрения цинского правительства. Не вполне доверяя «оптимистическим» докладам Хадахи, уверявшего императора, что он навел в Горном Алтае «спокойствие», Цяньлун в ответ на очередное донесение от 14 мая 1756 г. приказал издать указ следующего содержания: «То, о чем сообщает Хадаха, все еще не соответствует (действительности)... Ныне положение (на Алтае) таково, что имеются беглецы. Впоследствии, услышав сплетни, захотят последовать за изменником Амурсаной и бежать. Необходимо немедленно уничтожить (их)». В этом указе речь идет об уничтожении зайсанов Омбы, Гулчухая и многих других, которым удалось отбиться от цинских войск и уйти под защиту русских крепостей.

Преследуемые цинскими войсками, алтайцы продолжали уходить в пределы Русского государства или скрываться в глухих и труднодоступных местах. Алтайец Кайсан Бектешев, присланный в мае 1756 г. в Бийскую крепость зайсаном Буктушем с просьбой о приеме в подданство России, говорил Ф. Дегарриге, что все зайсаны «разбежались со своими волостями по разным урочищам от нашедшего мунгальского войска, за коими всеми от того войска погоня есть».

Соппротивление алтайских племен, трудности ведения боев против подвижного и хорошо ориентирующегося на местности противника, сложные природные и климатические условия края не позволили цинскому командованию разгромить алтайцев и двинуться, согласно разработанному плану, в кочевья казахов для поимки Амурсаны.

Когда в начале лета 1756 г. Хадаха представил императору доклад о том, что народы Горного Алтая ус-

мирены, и он с вверенной ему армией двинулся к границам казахов, последовал весьма резкий указ Цяньлуна от 2 июля 1756 г. В нем император упрекал своего военачальника в нерасторопности и даже трусости. «Прежде, — отмечал богдыхан в указе Военному совету, — когда Хадаха переправлялся с войсками через реку Катунь (он) остановился и приказал Цэнгунджабу, Цзбданджабу и другим идти вперед, а сам остался у реки прикрывать (их). Мы уже направили указ и повелели Хадахе самому стать во главе войск. Он должен был лично возглавить солдат и офицеров. Почему топтался на месте и не продвигался вперед?.. Почему главные разбойники Омбо, Кутук и прочие еще не пойманы?» Хадахе было приказано схватить в казахских кочевьях Амурсану, после чего снова возвратиться в Горный Алтай и окончательно «усмирить» население.

Хотя главные силы цинской армии северного направления и были двинуты к границам Среднего казахского жуза, отдельные отряды цинов продолжали рыскать по Алтаю, преследуя и уничтожая небольшие группы алтайцев. Так, в районе Черного Иртыша действовал отряд под командованием князя Обоши. В нижнем течении р. Буянту и ее притокам прочесывали местность отряды армии южного направления под командованием помощника цзянцзюня Дарданы и т.д. Отдельные части цинских войск приближались иногда к русским пограничным крепостям. Например, в конце октября 1756 г. большой цинский отряд подошел к Усть-Каменогорску и потребовал выдачи нашедшего здесь убежище зайсана Гулчухая и других князей.

Такова, в общих чертах, картина вторжения Цинской империи в Горный Алтай в период разгрома Джунгарского ханства. Несмотря на подавляющее военное превосходство, цинские завоеватели встретили в Горном Алтае ожесточенное сопротивление алтайцев.

Участие населения Горного Алтая в антицинской освободительной борьбе

Население Алтая, как и другие народы Центральной Азии, оказало упорное сопротивление цинским завоевателям. В зависимости от складывавшейся обстановки оно принимало различные формы — от обычных откочевок до прямого вооруженного выступления и поддержки антицинских освободительных движений в Джунгарии и Северной Монголии (Халхе).

Военные действия против населения Монгольского Алтая маньчжуры развернули еще в 1753 г., за два года до нападения на Джунгарское ханство. Хотя большая часть урянхайских зайсанов и старшин со своими улусами предпочла отступить, отдельные князья встретили цинские войска с оружием в руках. Так, зайсан Мамут неоднократно нападал на отдельные цинские отряды и караулы, доставляя маньчжурскому командованию весьма много хлопот. Цины устроили, в буквальном смысле, охоту за этим князем, однако, долгое время ему удавалось уходить от них, за что командование собираемой против джунгар армии не раз получало из Пекина взыскания.

Предупрежденные своими сородичами, алтайские князья заранее принимали меры по обороне от неприятеля — строили в глухих труднодоступных районах Горного Алтая крепости, в которых успешно отбивались от вторжения цинских отрядов в 1753—1754 гг. Им на помощь приходили тувинцы, проживавшие в западных районах Тывы. Телесы говорили приехавшим к ним в

1754 г. русским, что они вместе с саянскими людьми построили две крепости. Первую за «Телецким озером на Усть-Чулышману, вторую вверх по оному же Чулышману расстоянием от помянутого Усть-Чулышману примером верст с сорок..., а ныне де их, телесцов, в собрании кочевьем около означенных крепостей триста, да саянских двести шестьдесят человек». На дорогах устраивали завалы и засеки, выставляли различного рода ловушки и капканы, налаживали систему сигнализации и оповещения о приближении врага, чтоб успеть спрятать окот, имущество, укрыть свои семьи и приготовиться к отражению захватчика. Меры эти были весьма своевременными и необходимыми, ибо вслед за случайными «незапланированными» вторжениями в Горный Алтай отдельных цинских отрядов в 1754 г. маньчжурское командование направило в этот район крупные военные силы под командованием зайсана Чилуня, Амурсаны и Цэнгунджаба. Алтаец Акучай Истегешев, с трудом добравшийся до Бийской крепости, сообщал русским властям, что осенью этого года «китайского владения с четырьмя человек знатными людьми пришло силы не менее двух тысяч человек близ Канской пограничной волости, где де и побили с четыреста человек, и то де китайское войско... запрашивает де на китайского хана с пограничных телецких татар алману... а при том де с угрозами выговаривали, ежели вы алману не отдадите, то всех вас побьют». Разгром цинами кочевников Монгольского Алтая и участвовавшие набеги в южные районы Горного Алтая вынуждали местное население напрягать все силы, чтобы отстоять независимость своих владений. Весной 1755 г. главный зайсан Горного Алтая Омбо сетовал приехавшему к нему в улусы вахмистру Андрею Беседнову, что вот уже целый год «люди мои лето и зиму находятся в опасности... на караулах и на войне и дома де почти никого нет».

Разумеется, далеко не сразу все князья разобрались в сложившейся обстановке и поняли необходимость единства и сплоченности сил для борьбы с цинскими завоевателями. Характерно в этой связи поведение зайсана Омбы. Осенью 1754 г. он не приехал на совет «лучших людей» Алтая, созванный для организации совместной борьбы против цинских войск. Омбо так объяснял А. Беседнову причины своего отказа принять участие в этом совете — «к ним на совет не поехал и людей без позволения своего владельца Дебачи-хана не дал с таким рассуждением, что де двое большие наши между собой дерутся, а ежели де который из них будет на войне правее, то де и я к тому склонюсь, а если де наш хан Дебачи пришлет к оним лист, то де в то время и войска своего дать и самим идти в баталию готовы». Тем не менее, совет состоялся, причем наиболее активную роль в его организации и проведении сыграли те князья, владения которых уже подвергались ударам императорских войск — Гулчухай, Бобой и другие.

Дальнейший ход событий обнажил истинную цель появления цинов в районах Алтая. Стало очевидно, что завоеватели стремились к установлению здесь своего господства. Это заставило Омбу, других князей и старшин также присоединиться к антицинской коалиции и выступить навстречу врагу. Уже упоминавшийся нами А. Беседнов, надолго застрявший в кочевьях алтайцев, оказался свидетелем сбора и выступления ополчения племен Горного Алтая навстречу вторгшимся в их земли войскам богдыхана. Ополченцы говорили А. Беседнову, что идут против «мунгальского войска», которое «стоит близ границы и неподалеку от их жилищ».

Естественно, что отразить удары маньчжуров и их союзников из числа халхаских и ойратских феодалов ополчение Горного Алтая оказалось не в состоянии.

Поэтому оно было вынуждено то отступать в глухие горно-таежные районы, то уходить под защиту русских крепостей. Борьба с врагом, однако, не прекращалась и принимала различные формы. Применяя тактику скрытных и неожиданных ударов, отряды алтайцев часто нападали на углублявшиеся в горы или тайгу цинские войска, уничтожали их или заставляли возвращаться обратно.

Во время продвижения маньчжурских войск через Алтай на территорию Джунгарии алтайцы, сообщив об этом Даваци, пытались задержать наступление цинов — устраивали засады, преграждали завалами дороги, нападали на разведывательные и охранные отряды. Но в силу своей малочисленности они не смогли помешать императорским армиям пройти через Монгольский Алтай. Джунгарское государство пало. Даваци был взят в плен и отправлен в Пекин.

Осенью 1755 г., после начала восстания Амурсаны, в кочевьях племен Горного Алтая появились его эмиссары, призывавшие князей и старшин собирать свои войска и идти на помощь ойратам. В посланиях Омбе, Гулчухаю, Боохолу и другим Амурсана писал, что они не будут жить спокойно до тех пор, пока он не станет ханом всей Джунгарии и не прогонит маньчжур. Подвластные главному алтайскому зайсану люди сообщали в ноябре 1755 г. коменданту Бийской крепости подполковнику С. Колобовому, мол, «...Амурсанай к зайсану Омбе прислал нарочного человека, чтобы он со своей областью шел к нему Амурсанаю, вспоможением для войны с мунгальцами».

В конце 1755 — начале 1756 г. крупные отряды халхаских и перешедших на сторону цинов урянхайских князей вновь вторглись в Горный Алтай. Старшина Качай, вышедший в январе 1756 г. к Колыванским рудникам со своим улусом, насчитывавшим 537 чел., сообщил находившемуся там майору Волкову, что

«зайсан их Омба находится ныне в канских волостях за производимую с мунгальцами баталиею... То мунгальское войско весьма сильно оружейною рукою напало и великий урон у всех зенгорцев причинили и немалый страх задали так, что многие, оставя в тамошних канских волостях скот и лошадей, к тому прибывшему сюда кошу, прибыли пеши, а прочие и без седел и на голых лошадях».

В условиях снежной зимы и сильных морозов маньчжуры не смогли расправиться с алтайцами. Поэтому весной из Пекина пришел указ вновь нанести удары по владениям зайсанов Горного Алтая. Хотогойтскому князю Цэнгунджабу было велено с имеющимися у него войсками следовать с направлявшейся в Казахстан армией Хадахи. Ему предписывалось проникнуть в глубь алтайских кочевий, найти и «истребить» улусы Гулчухая, Омбы, Бобоя и других князей и старшин, «распускающих лживые слухи среди алтайских бунтовщиков».

Это был самый тяжелый для населения Алтая период. Маньчжурские войска уничтожали всех и вся, не щадили ни детей, ни стариков. Однако, вспыхнувшее вскоре в Северной Монголии восстание под руководством Цэнгунджаба помешало маньчжурам достигнуть своей цели. «Когда великая армия достигла Урянхая (Алтая. — Авт.), — отмечал китайский историк XIX в. Ци Юньши, — Цэнгунджаб со своим войском тайно возвратился в свои кочевья и устроил смуту, причем отправил посланцев в улясутайское войско и подстрекал халхасцев, призывая их разойтись и возвратиться (в свои кочевья)» (Ци Юньши, 1884).

Причины восстания монголов Халхи коренились в резком ухудшении положения населения в связи с бесконечными поборами и реквизициями скота для нужд цинской армии, различного рода повинностями и участием в военных походах маньчжур. «Ныне име-

ются с мунгальцов, — сообщал бригадиру В.В. Якоби, возвратившийся в начале 1756 г. из Монголии переводчик Ф. Шарин, — великие в войско китайские поборы лошадьми, скотом, верблюдами и баранами бесплатно из казни ханской». Жизнь рядовых аратов (крестьян) стала настолько тяжела, что они, по свидетельству очевидцев, спасая себя от голодной смерти, продавали своих жен и детей, употребляли в пищу скотский помет.

Поводом для восстания послужила казнь в Пекине императором Цяньлуном одного из видных халхаских князей Эринчина Доржи, обвиненного в том, что он упустил Амурсану и способствовал возникновению в Джунгарии «беспорядков». Летом 1756 г. чиновник канцелярии монгольского пограничного правления, доставив почту бригадиру В.В. Якоби, рассказывал, что «Шадарван (Цэнгунджаб) по причине безвинного казнения мунгальского Жанжуна-вана и Тушету — хановского товарища, хутухтина брата писал к богдыхану, что он, Шадар-ван, летнего последнего месяца 9 числа со своим войском с двумя тысячами, с контайшинской стороны сошел для того, что ему, богдыхану, служить не хочет потому, что они уже тридцать лет с прибавком служили на своем иждивении, не требуя от богдыхана ни жалованья и никакого снабжения, и от того не только были в беспокойстве, но отстали от жен, детей и скота, а выслужиться не могли».

Восстание, поднятое Цэнгунджабом, несмотря на его призывы, не распространилось на всю территорию Северной Монголии. Основная масса монгольских феодалов осталась верна маньчжурскому императору, чему в значительной степени способствовала деятельность ламаистской церкви. Позднее, расправившись с «мятежниками», Цяньлун в знак благодарности прислал ее главе Богдо-гэгэну Дондоб Доржи золотую грамо-

ту (Позднеев, 1880). Судя по материалам китайских летописей, основную часть восставших составляли не монголы, а тюрки Саяно-Алтая. В «Шилу» и других источниках отмечается, что в лагере Цэнгунджаба было 6 отоков хотогойтов и 16 отоков урянхайцев. Наместник Халхи, глава Саин-Нояновского аймака князь Ченгунджаб, назначенный руководить подавлением восстания, в октябре 1756 г. докладывал императору, что племена Алтая «услышав (о восстании) соединились с разбойником Цэнгунджабом. Уже отправил офицера объявить Цэрэну, Цэрэну Убаши и другим возглавить войска и выступить на истребление урянхов».

Маньчжурское правительство оказалось, таким образом, в довольно затруднительном положении. В результате восстания была прервана связь между цинскими крепостями в Северной Монголии и частями, действовавшими в Джунгарии и Казахстане. Императорские войска не имели контактов с правительством и испытывали серьезные трудности в снабжении продовольствием. Монгольский полковник Лама Доржи рассказывал приехавшему в Ургу русскому курьеру В. Шарину, что «китайских девять станцев, поставленных по причине нынешней контайшинской войны по дороге от Калганской стены до контайшинской границы, для скорых переездов и перевозов в войско казны и провианта и протчей потребности, на которых было казенных лошадей на каждом от двух до трех сот, мунгальский Шадар-ван нынешнего года весною все разграбил и разорил».

Цинский двор, опасавшийся более всего совместного выступления ойратов и халхасов, принял ряд экстренных мер и попытался локализовать восстание Цэнгунджаба. Первым шагом маньчжур явилось обращение императора Цяньлуна к халхаским князьям, в котором он, не жалея красок, расписывал «благоддеяния», оказанные цинской династией монголам. Богдыхан обвинил при

этом хотогойтского правителя, который был им возведен в высокую степень цзюнь-вана и назначен помощником халхаского цзянцзюня, в нерадивости, бездейственности и черной неблагодарности. Цэнгунджаб обвинялся также в тайных связях с Амурсаной, недостаточном усердии при покорении племен Алтая и поимке главных князей Омбо, Гулчухая и т.п. Указом императора (датируемым в источниках 18 августа 1756 г.) всем монгольским князьям предписывалось содействовать в разгроме восстания и задержании его зачинщиков.

9 сентября того же года маньчжурским армиям под командованием Хадахи и Дарданы, находившимся в приграничных казахских кочевьях, было приказано немедленно возвратиться обратно. Северная группа войск, возглавляемая Хадахой, должна была двигаться через Алтай к району восстания и принять участие в его ликвидации. Цинский министр Наян со своим помощником Агуем и халхаским князем Чэнмучукэджабом отправлены на восстановление разрушенных повстанцами почтовых станций и караулов. К урянхайским зайсанам были посланы чиновники с заданием убедить их отказаться от поддержки «изменника» Цэнгунджаба и помочь императорским войскам в «искоренении» бунта. Однако, в первый период восстания с июля по октябрь 1753 г. саяно-алтайские племена, во всяком случае большая их часть, поддерживали восставших. Так, в районе верхнего течения Иртыша и по Бухтарме действовал со своим отрядом из 300 воинов зайсан Гулчухай (Тадыев, 1956). Халхаскому князю Цэбдэнджабу было приказано взять войска и двигаться к верховьям Катунь, где «тщательно выяснить, в каких местах скрывается Гулчухай и другие урянхайские беглецы и полностью уничтожить (их)».

Расчеты маньчжур подавить восстание в Халхе в самом начале не оправдались. Наступление цинских

войск было отбито восставшими. Цэнгунджаб, подгоняемый императором Цяньлуном, стал группировать войска и готовиться к новому походу. К урянхайским князьям Чадаку, Чилуню, Чжамучану и другим был послан с командой солдат офицер Арантай. Он имел приказ во что бы то ни стало убедить их «не поддерживать замыслы разбойников». Видя, что обстановка складывается не в пользу повстанцев, отряды алтайцев и тувинцев ушли от хотогойтского князя, а некоторые из них приняли участие в его разгроме.

В конце ноября 1756 г. цинские войска со всех сторон окружили территорию, занимаемую повстанцами. В карательных мероприятиях на заключительном этапе принимали участие халхаские князья Намджар, Чэнсулун, Шагдорджаб и многие другие. Цинам удалось схватить одного из сподвижников Цэнгунджаба по имени Пургэ, направляющегося за помощью к урянхайским князьям Бэньголаку, Дорганю, Баяню и другим. Узнав от него о местонахождении этих князей, цины напали и уничтожили их улусы. Вслед за этим разведка маньчжур донесла о положении в стане восставших. Выяснилось, что и хотогойты, и тувинцы ушли от Цэнгунджаба и пытались на свой страх и риск вырваться из сжимавшегося кольца окружения или же сдавались на милость победителю. Хотогойтский князь с группой из 50 чел. пытался уйти в район Тоджи (северо-восточная Тыва). Однако, 17 января в урочище Канхадагасы он был настигнут халхаским князем Намджаром и под стражей доставлен в столицу.

Часть алтайцев и тувинцев, принимавших участие в восстании, была уничтожена, пленные розданы солдатам и офицерам в качестве рабов. Руководитель восстания Цэнгунджаб летом 1757 г. был зверски казнен в Пекине. Русский курьер Василий Братищев со слов

очевидцев казни писал в своем журнале, что богдыхан «пойманного главного мунгальского начальника Шадар-вана (который российской протекции искал), пред своими очми, во дворе своем, предал такой тиранский казни, что слишком триста кусков острыми клещами из его тела распетленного и поставленного на коленях, вырывая из тех мест, которые бы жизнь не скоро прекратили, и каждый кусок показывая глазам казнимаго, бросали приведенным нарочно собакам на съедение... с жены его, Шадар-вана, живой, пред очми ж богдохана, кожа содрана».

Однако, и после гибели Цэнгунджаба алтайские и тувинские племена продолжали борьбу с цинами. Так, по данным китайских источников, только на цинских караулах от Гурбан-Цара до местечка Намирша-очжахая, с конца 1756 г. и в первые месяцы 1757 г. они уничтожили и ранили более 60 цинских солдат. Монгольский солдат Анчук Баатов, взятый в плен повстанцами Джунгарии и уведенный ими в Россию, рассказывал русским властям, что в конце лета 1757 г., когда их отряд из 200 чел. под командованием Шундэни напал на один из улусов алтайских урянхайцев, то встретил ожесточенное сопротивление со стороны оборонявшихся, которые «отстрелялись от них, мугнальцев, из ружей».

Между тем, Амурсана, воспользовавшись уходом циннов из казахских кочевий и переброской их войск в Северную Монголию, осенью 1756 г. вновь пробрался в Джунгарию и остановился неподалеку от Черного Иртыша. На этот раз он установил довольно тесные связи с алтайскими зайсанами, которые снабжали его продовольствием, лошадьми и переправляли его посланцев и почту к Цэнгунджабу. Нойон Норбо Данжин, находившийся тогда вместе с Амурсаной, рассказывал впоследствии русским, что они получали продукты «от имеющихся в Алтайских горах невоенных урянхайс-

ких калмык». В январе 1757 г. полковник Ф. Дегаррига докладывал в Тобольск, где находилась резиденция сибирского губернатора и командующего пограничными сибирскими линиями, что «старшина Янкаш имел сообщение с ноеном Амурсаном и ездил де сам к нему и тогда же отправил к нему, ноену, провианта, получаемого из казны и покупного на его кошт, всего на тридцати вешних лошадях и одном верблюде, и срежается де к нему, Амурсану, чтоб с ним совокупитца вместе». Старшины Бараш, Номжи, Шапса, Дабхур и другие также прислали Амурсану и его людям одежду, продовольствие, снабдили оружием. Помощник сибирского губернатора Грабленов в июле 1757 г. в докладе Коллегии иностранных дел отмечал, что Амурсана «соединился с демечею Анжиком и Янкашевым зятем Секелеком, при котором конных и пеших с 30, да зайсана Гулчухая с старшиною Хоохоем, при коем было душ с 20 и уйдя в урочище Катон-Карагай, отправил посланцев к оставшему в Зенгории зайсангу Боохолу и с прочими, которые от разорения остались и находятся в камнях, соединиться». Таким образом, алтайцы пришли на помощь хойтскому нойону в один из самых трудных периодов его борьбы с маньчжурами. Через них Амурсана установил связь с повстанцами Северной Монголии. Урянхаец Номжи, как рассказывал прибывший летом 1757 г. в Россию посол от Амурсаны зайсан Эрке, «привез письмо, присланное к нам от зайсанга Боохолу, а к нему — от мунгальского ноена же Шадарвана, в коем написано, что от китайцев и мунгалов он, ноен Шадарван, отделился, имея несогласие, а с ним, Амурсаном, по прежней дружбе охотное свое желание имеет свиданием быть».

Весной 1757 г. Амурсана предпринял последнюю попытку объединить разрозненные силы ойратов, алтайцев и халхасов — оставшихся в живых сторонников Цэнгуджаба.

Однако, к тому времени основные силы восставших халхасов и саяно-алтайских племен были уже разгромлены, в Джунгарии свирепствовали карательные отряды и Амурсана, преследуемый маньчжурами, в августе 1757 г. ушел в пределы Российской империи. Цинское командование уничтожило поддерживавших Амурсану алтайцев. В одном из указов Цяньлуна, адресованном военачальникам Чжао Хою и Фу Дэ, говорилось, что «...прежде всего (надлежит) полностью истребить оставшихся урянхов изменника Амурсаны...». В прошлом году, во время упорядочения Урянхая, многие (из них) все же убежали, некоторые бежали в Россию, были и такие, которые скрылись в ущельях гор. Танкалу, Обоши и другим (следует) обыскать все места». В августе того же года Танкалу доложил в столицу, что живущих по Иртышу «земледельцев-урянхов, у которых останавливался Амурсана (которых было) около 50 семей, полностью истребил жен, детей под охраной отправил в крепость Кобдо».

В своих легендах и исторических преданиях, передаваемых устно из поколения в поколение, алтайцы донесли до своих потомков картину тех трагических дней. Вот отрывок одного из таких преданий, записанный русским миссионером Вербицким:

*Много крови лилось, много думалось дум
За Алтай мой – красу на полмира
Отчего же теперь ты стоишь так угрюм
Где ж корона твоя и порфира?
Словно серым ковром ты окутался весь
От роскошных следов оголенный
Где ж величье твое, где краса твоя днесь
О Алтай! Мой Алтай разоренный!*

Спасаясь от физического истребления, зайсаны Горного Алтая обратились к русскому правительству с просьбой о помощи и приеме их в подданство России.

Исходя из тех материалов, которые изложены в данном томе, можно заключить, что общеисторический процесс населения Горного Алтая охватывает колоссальный промежуток времени, уходя своими истоками в эпоху нижнего палеолита. В результате кропотливого труда археологов за последние полвека здесь открыто и изучено большое количество древнейших местонахождений, относящихся ко всем основным этапам формирования человека современного физического облика.

Добыты хорошо стратифицированные материалы эпохи неолита, т.е. переломного времени в процессе становления производящего хозяйства, а также стали накапливаться данные для характеристики культурных образований эпох энеолита и бронзы.

Обширные исследования памятников скифского времени позволили поставить вопросы об особенностях мировоззрения и социальной организации оставивших их племен, а изучение объектов гуннского и древнетюркского времени дало возможность составить представление о том отдаленном периоде, куда уходят наиболее ранние корни современных алтайцев.

Источники XVII—XVIII вв. рисуют картину сложных политических противоречий, возникших между народами обширного центрально-азиатского региона и вылившихся в кровопролитную китае-джунгарскую войну, принесшую много бед населению Горного Алтая. По ходатайству большинства зайсанов Алтай вошел в состав России, оградив себя тем самым от агрессии Цинской империи. Вхождение в состав одного из крупнейших евразийских государств наложило свой отпечаток на всю последующую историю региона, о чем пойдет разговор в следующих томах.

Здесь же еще раз нужно подчеркнуть значение фундаментальных обобщающих исторических трудов. Их трудно переоценить, поскольку, восстанавливая многовековой общеисторический процесс, они дают народам тот стержень знаний, который помогает им верно ориентироваться как в современном мире, так и определять тенденции будущего развития.

Что касается таких самых протяженных во времени периодов истории Горного Алтая, как древность и средневековье, то в них еще много белых пятен, но их изучение продолжается, подготавливая базу для крупных исторических обобщений уже нового, т.е. XXI века.

Библиография —

Архивные источники

Архив Академии наук (Ленинградское отделение). Ф.21. Портфели Г.Ф. Миллера. Оп.4. Д.18.

Архив внешней политики России. Фонды: Зюнгорские дела. Оп.113/1. 1731 г. Д.1; 1738 г. Д.2; 1742 г. Д.2; 1744 г. Д.1; 1754 г. Д. 1—2; 1755 г. Д.1, 3; 1756 г. Д.1; 1755—1757 гг. Д.4; 1757 г. Д. 2, 6; 1758 г. Д.4; 1759—1771 гг. Д. 5. Киргискайсацкие дела. Оп. 122/2. 1744—1782 гг. Д. 10. Сибирские дела. Оп. 130/2. 1746—1754 гг. Д.1. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1727 г. Д. 15, 26; 1733 г. Д. 5; 1755 г. Д. 3, 6; 1756 г. Д. 3; 1756—1759 гг. Д. 13.

Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения РАН. Ф. 44 А.М. Позднеева. Оп. 1. Д. 1.

Центральный государственный архив древних актов. Фонды: Зюнгорские дела. 1595—1736 гг. Д. 1. Первый департамент Сената. Оп. 113. 1743—1755 гг. Д.Д. 383, 1584, 1607. Правительствующий Сенат. Оп. 113. 1731 г. Д. 743.; 1727—1735 гг. Д. 160. Черепановская летопись. Д. 1542.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулганеев М.Т., Глоба Г.Д. Разведки в Горном Алтае / / АО 1979 года. — М: Наука, 1980. — С. 184—185.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая / / Археология и этнография Алтая. — Барнаул: АГУ, 1982. — С. 52—57.

Абдулганеев М.Т. Об этнической принадлежности афанасьевской культуры / / Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. — Якутск, 1982. — С. 100—101.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. К методике поиска археологических памятников эпохи неолита и бронзы на Алтае / / Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири (тезисы докладов и сообщений к научной конференции). — Барнаул: АГУ, 1983. — С. 146—152.

Абдулганеев М.Т. Работы в горном и лесостепном Алтае // АО 1983 года. — М: Наука, 1985. — С. 189.

Абдулганеев М.Т. Разведки на Алтае // АО 1984 года. — М: Наука, 1986. — С. 165.

Абдулганеев М.Т. Раскопки у Маймы и Енисейского // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 52—53.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий (материалы конференции). — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. — С. 33—36.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Аварийные раскопки на средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 26—29, 100—102.

Абдулганеев М.Т. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. — Томск: ТГУ, 1993. — С. 3—5.

Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 37—43.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 24—36.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Могильник Бойтыгем—2 // Altaika, № 4.- Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1994. — С. 30—40.

Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р. Ело // Источники по истории Республики Алтай. — Горно-Алтайск: ГАИГИ. — С. 69—90.

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма—1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. — Барнаул: АГУ, 1998. — С. 165—171.

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и культурные связи. — Л: Наука, 1971.

Абрамзон С.М. Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье // Тюркологический сборник. — М., 1973.

Абрамова З.А. Палеолит Северной Азии // Палеолит мира: Палеолит Кавказа и Северной Азии. — Л: Наука, 1989. — С. 145—243.

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия ИАК, вып. 62. — Петроград: Типография Главного Управления Уделов, 1916.

Алексеев В.П. Палеоантропология лесных племен Северного Алтая // КСИЭ, вып. XXI. — М., 1954.

Алексеев В.П. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1961.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья в эпоху неолита и бронзы // ТИЭ, т. 21. — М., 1961.

Алексеев В.П. К палеоантропологии Горного Алтая в эпоху раннего железа // Археология Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1975. — С. 175—178.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. — М: Наука, 1984.

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 208—238.

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1980.

Алексеева Э.В., Малолетко А.М. Новый пещерный памятник палеолита на Алтае // Проблемы исследования каменного века Евразии. — Красноярск, 1984. — С. 64—66.

Анисюткин Н.К., Астахов С.Н. К вопросу о древнейших памятниках Алтая // Сибирь и ее соседи в древности. — Новосибирск, 1970. — С. 27—33.

Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. — М: Наука, 1981.

Археология СССР. Энеолит СССР. — М: Наука, 1982.

Археология СССР. Палеолит СССР. — М: Наука, 1984.

Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М: Наука, 1987.

Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М: Наука, 1992.

Архипов С.А., Исаева Л.Л. Сибирь // Четвертичные оледенения на территории СССР. — М: Наука, 1987. — С. 42—61.

Баженев А.И. Об археологических находках в Теректинском хребте // Археологические исследования на Алтае. — Барнаул: АГУ, 1987. — С. 125—128.

Балонов Ф.Р. Смысловая структура изображений на пазырыкском ворсовом ковре // Скифская эпоха Алтая (Тезисы докладов к конференции). — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 13—15.

Балонов Ф.Р. Ворсовый Пазырыкский ковер: семантика композиции и место в ритуале // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. — М., 1991. — С. 88—121.

Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ, вып. 19.- Л: Аврора, 1978. — С. 37—44.

Баркова Л.Л. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ, вып. 25. — Л: Искусство, 1984. — С. 83—89.

Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Пещера Иульчак — новый археологический памятник на Алтае // Древняя история Алтая. — Барнаул: АГУ, 1980. — С. 3—15.

Барышников Г.Я., Малолетко А.М., Чистяков В.К. Условия залегания и физическая характеристика каменных орудий Улалинской стоянки // Проблемы исследования каменного века Евразии. — Красноярск, 1984. — С. 64—66.

Барышников Г.Я., Орлова Л.А. Геолого-геоморфологическое обоснование возраста палеолитической стоянки в Денисовой пещере // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран. — Барнаул, 1989. — С. 71—72.

Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф. Палеогеографические условия формирования нижнетыткескенской пещеры и первые археологические находки в ней // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран. — Барнаул, 1989. — С. 50—52.

Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф. Геологические и геоморфологические условия формирования археологического памятника Тыткескен в среднем течении Катунь // Архео-

логические исследования на Катунь. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 23—30.

Барышников Г.Я. Катастрофизм в природе и сохранность археологических памятников в горах Алтая // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. — Новосибирск, 1990. — С. 55—58.

Басилов В.Н. «Скифская арфа» — древнейший смычковый инструмент // СЭ, № 4. — М: Наука, 1991. — С. 38—44.

Баскаков Н.А. Три рунические надписи из Мендур-Соккона Горно-Алтайской а. о. // СЭ, № 6, 1966.

Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск: Наука, 1974.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов с XV столетия до настоящего времени. — СПб, 1934.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Боковенко Н.А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая (Тезисы к конференции). — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 46—48.

Бородаев В.Б., Руденко С.И. Алтай // Скифская эпоха Алтая (Тезисы к конференции). — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 3—9.

Бородаев В.Б., Кадиков Б.Х. Находки у поселка Иогач на Телецком озере // Скифская эпоха Алтая (Тезисы к конференции). — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 38—40.

Бурчак-Абрамович Н.И., Оводов Н.Д. Новые материалы по плейстоценовой орнитофауне Алтая // Проблемы археологии Северной Азии. — Чита, 1988. — С. 58—59.

Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений // Избранные произведения. Т. I. — Л., 1967.

Вадецкая Э.Б. Гипотеза происхождения афанасьевской культуры // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. — Томск, 1979.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. — М: Наука, 1991.

Васильев Д.Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири // Тюркологический сборник. — М: Наука, 1975.

Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. — М: Наука, 1983.

Васютин А.С. Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // АО 1981 года. — М: Наука, 1983.

Васютин А.С., Елин В.Н. К истории исследования ритуальных памятников в Горном Алтае // Археология Южной Сибири. — Кемерово: КГУ, 1983. — С. 113—117.

Васютин А.С., Елин В.Н. К датировке алтайских оградок уландрыкского типа // Археология Южной Сибири. — Кемерово: КГУ, 1983. — С. 118—122.

Васютин А.С. О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири. — Кемерово: КГУ, 1985. — С. 73—79.

Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н. Исследования в Восточном Алтае // АО 1984 года. — М: Наука, 1986. — С. 170—171.

Васютин А.С. Раскопки погребений хуннского времени на Восточном Алтае // АО 1985 года. — М: Наука, 1987. — С. 230—231.

Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н. Археологические исследования в Восточном Алтае // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: ИИФиФ, 1986. — С. 99—101.

Васютин А.С. О хронологической границе позднескифского и хуннского времени на Горном Алтае // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к всесоюзной научной конференции (3—5 апреля 1991 года). — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 140—141.

Васютин А.С. Предтюркское и раннетюркское время на Горном Алтае: хронологические границы бытования археологических комплексов // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 162—164.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. — Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993.

Вистингаузен В.К. Спелсоархеология Алтая // Археология и этнография Алтая. — Барнаул: АГУ, 1982. — С. 137—156.

Владимиров В.Н., Глоба Г.Д. Раскопки у с. Белый Бом // АО 1980 года. — М: Наука, 1981. — С. 172—173.

Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевское культовое место у с. Кара-Коба // Археология Северной Азии. — Новосибирск: Наука, 1982.

Владимиров В.Н., Шульга П.И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1984. — С. 97—104.

Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф. О типологии афанасьевских погребений Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 84—86.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.-Л: Наука, 1965.

Гайдук И.М. Предварительное определение возраста Улалинской стоянки // Из истории Сибири. Вып. 5. — Томск, 1973. — С. 5—15.

Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул: БГПИ, 1992. — С. 94—97.

Гальченко А.В. К вопросу о хозяйственной деятельности афанасьевских племен // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 14—19.

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом—II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 годах. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. — С. 116—126.

Горбунов В.В. Реконструкция вооружения тюркских воинов Горного Алтая // Проблемы социального прогресса Сибири. — Красноярск, 1991. — С. 7—9.

Горбунов В.В. Реконструкция вооружения воинов Горного Алтая и предгорий в X—XIV вв. н.э. // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Томск, 1992. — С. 74—76.

Горбунов В.В. Реконструкция вооружения воинов Горного Алтая эпохи «великого переселения народов» // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. — Абакан, 1993. — С. 42—44.

Горбунов В.В., Степанова Н.Ф. Находки эпохи средневековья с поселения Малый Дуган и Узнезя—I // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 82—85.

Горбунов В.В. Реконструкция вооружения древнетюркских воинов Горного Алтая // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. — Барнаул, 1994. — С. 109—116.

Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. — Барнаул, 1998. — С. 102—128.

Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. — М: Наука, 1966.

Грач А.Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // Тюркологический сборник. М: Наука, 1973.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. — М: Наука, 1980.

Грач А.Д. Историко-культурная общность раннескифского времени в Центральной Азии // АСГЭ, вып. 23. — Л: Искусство, 1983. — С. 30—35.

Гришин Ю.С. Металлургические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ, Б 3—12. — М: Наука, 1971.

Гричан Ю.В. Камень с р. Дьелангаш (Горный Алтай) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 170—178.

Гричан Ю.В. Морфологическая характеристика подъемного материала стоянки Тюргун (Горный Алтай) // Палеолит и мезолит юга Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 137—153.

Гричан Ю.В. Новые материалы по изобразительному искусству Горного Алтая // Традиционные верования и быт народов Сибири. — Новосибирск: Наука. — С. 178—200.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Вып. 2. — Новосибирск: Общество по изучению Сибири, 1930.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // СГЭ, № 1. — Л., 1940. — С. 17—21.

Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК, вып. XVIII. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — С. 9—17.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. — Л: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА, № 48. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ, вып. XXVI, 1957.

Грязнов М.П. Древнее искусство Алтая. — Л., 1958.

Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ, № 3. — Л., 1961. — С. 7—13.

Грязнов М.П. Аржан-царский курган раннескифского времени. — Л: Наука, 1980.

Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифосибирских культур // Археология Южной Сибири. — Кемерово: КГУ, 1983. — С. 3—18.

Грязнов М.П. О монументальном искусстве на заре скифосибирских культур в степной Азии // АСГЭ, вып. 25. — Л., 1984. — С. 76—82.

Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрков — тугю // СА, № 1. — М., 1959. — С. 105—114.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1967.

Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX вв. Изд. 2-е. — М., 1983.

Давыдова Л. Археологические и исторические памятники Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1957.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ, новая серия, Т. IV. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

Девяткин Е.В. Кайнозойские отложения и неотектоника Юго-Восточного Алтая // Труды Геологического института АН СССР, вып. 126. — М., 1965.

Демин М.А., Гельмель Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул: БГПИ, 1992. — С. 28—34.

Демин М.А. Вопрос об этнической принадлежности древних обитателей Алтая в трудах дореволюционных исследователей // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск: НГПИ, 1983. — С. 3—9.

Деревянко А.П., Васильевский Р.С., Молодин В.И., Маркин С.В. Исследование Денисовой пещеры. Препринт. — Новосибирск: ИИФиФ, 1985.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 году (Предварительные итоги советско-японской экспедиции). Препринт. — Новосибирск: ИИФиФ, 1987.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской котловины. Горный Алтай. — Новосибирск: Наука, 1987.

Деревянко А.П., Оводов Н.Д., Молодин В.И., Маркин С.В., Гричан Ю.В. Комплексная программа археологического изучения пещер Горного Алтая // Проблемы изучения, экологии и охраны пещер. — Киев, 1987. — С. 139—141.

Деревянко А.П. Некоторые проблемы каменного века на Алтае // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1988. — С. 3—8.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Пространственный и временной аспекты существования комплексов каменного инвентаря типа Кара-Бом // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1988. — С. 8—11.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Археология Малояломанской пещеры // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран. — Барнаул, 1989. — С. 16—19.

Деревянко А.П., Гричан Ю.В. Исследование пещеры Каминная. Предварительные итоги раскопок в 1983—1988 гг. (Плейстоценовая толща). — Новосибирск: ИИФиФ, 1990.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Палеолитическое местонахождение Ануй—1 // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. — Новосибирск, 1990. — С. 31—42.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолитические памятники бассейна р. Ануй (Общий обзор) // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. — Новосибирск: ИИФиФ, 1990. — С. 5—30.

Деревянко А.П. Предварительные итоги изучения мустье Алтая // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. — Новосибирск, 1990. — С. 73—102.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла—1 (Горный Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 3—7.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. — Новосибирск: Наука, 1992.

Деревянко А.П. Палеолит Горного Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 21—22.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Исследования многослойного палеолитического памятника открытого типа Кара-Бом // Altaica, № 1. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1992. — С. 19—22.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Археологические исследования в долине реки Ануй // Altaica, № 1. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1992. — С. 8—12.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Археологические исследования пещеры Страшная // Altaica, № 1. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1992. — С. 13—18.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Нэш Д., Ли Х.-Д. Исследования палеолита Денисовой пещеры // Altaica, № 2. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1993. — С. 6—10.

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Датирование физическими методами (С14, ЭПР) отложений палеолитического памятника Кара-Бом // Altaica, № 3. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1993. — С. 3—8.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Рыбалко А.Г. Изучение плейстоценовых отложений предвходовой площадки Денисовой пещеры // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Тезисы. Часть I. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 30—32.

Деревянко А.П., Дергачева М.И., Петрин В.Т. Реконструкция условий жизни палеолитического человека в среднегорном Алтае (на примере стоянки Кара-Бом) // Altaica, № 4. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1994. — С. 15—17.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Ч. I. — Новосибирск: Наука, 1994.

Деревянко А.П., Зенин А.Н. Верхнепалеолитические комплексы пещеры Страшной // Проблемы охраны, изучения и использования наследия Алтая. — Барнаул, 1995.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В., Ульянов В.А. Новый этап изучения палеолитической стоянки Усть-Ка-ракол—I на северо-западе Горного Алтая // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов,

этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. — Новосибирск, 1995.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Дупел Т.А., Ефремов С.А., Поздняков А.А. Исследование плейстоценовых осадков в пещере Каминная // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. — Новосибирск, 1996.

Длужневская Г.В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник. — М: Наука, 1978. — С. 230—237.

Долговесова Е.Б. К вопросу о датировке некоторых антропоморфных изображений в Горном Алтае и Минусинской котловине // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 110—111.

Долговесова Е.Б. Древние культуры Бертекской долины. — Новосибирск: Наука, 1994.

Долговесова Е. Б. Древняя история Алтая. — Барнаул, 1980.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. — Л: Наука, 1975.

Дьяконова В.П. Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири. — М: Наука, 1980.

Дэвлет М.А. К интерпретации изображений на камне с р. Дьелангаш // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 141—157.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // ТГИМ, № XVI. — М., 1941.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА, № 24. — М., 1952.

Елин В.Н., Зиняков Н.М. Разведочные работы в Горном Алтае // АО 1976 года. — М: Наука, 1977. — С. 202-203

Елин В.Н., Васютин А.С. Воинское погребение предкудыргинского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая.- Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. — С. 149—157.

Елин В.Н. Наконечники стрел из памятников предтюркского времени Восточного Алтая // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 157—168.

Елин В.Н., Ковалев В.С. Некоторые результаты археологического обследования малых карстовых гротов Горного Алтая // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран. — Барнаул, 1989. — С. 68—70.

Елин В.Н., Соенов В.И. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС // Археологические исследования на Катуни. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 161—177.

Елин В.Н. О формировании археологических культур гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (Материалы конференции). — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 76—77.

Елин В.Н., Тамимов А.М. Граффити Жалгыс-Тобе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (Материалы конференции). — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 77—78.

Елин В.Н. Исследования на петроглифических памятниках Курман-Тау и Бураты // Altaica, № 2. — Новосибирск: АМ-ЦГБИ, 1993. — С. 52—55.

Елин В.Н., Могильников В.А. Исследование древних курганов Беш-Озека // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. II. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 218—220.

Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 116—122.

Елин В.Н., Кунгуров А.Л. Палеолитическое местонахождение Куташ // Древности Алтая, №3. — Горно-Алтайск: АГУ, 1998. — С. 13—15.

Журавлева А.Д., Кубарев В.Д. Некоторые аспекты развития керамических традиций населения Горного Алтая в раннем средневековье // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (Материалы конференции). — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 80—81.

Заднепровский Ю.А. Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // Древности, № 3. — М., 1992.

Замоторин И.М. Относительная хронология пазырыкских курганов // СА, № 1. — М: Наука, 1959. — С. 21—30.

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки В.В. Радлова в 1865 г. // ТГИМ, вып. I. — М: Изд-во ГИМ, 1926. — С. 71—106.

Зенин А.Н. Предварительные результаты исследований в пещере Страшная // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Тезисы. Ч. I. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 75—80.

Зиняков Н.М. Исследование памятников черной металлургии в Горном Алтае // АО 1977 года. — М: Наука, 1978. — С. 231—232.

Зиняков Н.М. Исследования горнометаллургического центра в Горном Алтае // АО 1978 года. — М: Наука, 1979. — С. 225—226.

Зиняков Н.М. Некоторые особенности металлургии железа в Юго-Восточном Алтае эпохи раннего средневековья // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 120—123.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. — М: Наука, 1983.

Зубаков В.А. Глобальные климатические события плейстоцена. — Л: Гидрометеиздат, 1986.

Зуев В.Ю. Исповедимые пути божественного всадника (по материалам ковровых полотен и погребального обряда в Пазырыке) // Северная Евразия от древности до средневековья. — СПб., 1992. — С. 131—134.

Илюшин А.М. Исследования на Пазырыке // АО 1985 года. — М: Наука, 1987. — С. 250.

Илюшин А.М. Планиграфия могильника Пазырык // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (Материалы конференции). — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 67—68.

Илюшин А. М. История Монгольской Народной Республики. Изд. 2. — М: Наука, 1968.

Илюшин А. М. История народов Восточной и Центральной Азии. — М: Наука, 1986.

Илюшин А. М. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I. Древняя Сибирь. — Л: Наука, 1968.

Кадиков Б.Х. Итоги археологических разведок Бийского музея // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. — Томск, 1959.

Кадиков Б.Х., Лапшин Б.И. Каратурук — новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 3—10.

Каширин А. Исследование в долине Кызык-Телань // Археологические исследования в Сибири. — Барнаул: АГУ, 1989.

Кинд Н.В. Вопросы синхронизации геологических событий и колебаний климата в верхнем антропогене // Основные проблемы геологии антропогена Евразии. — М: Наука, 1969. — С. 21—35.

Киреев С.М. Поселение Майма—I в предгорьях Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. — С. 165—191.

Киреев С.М. Новые памятники эпохи раннего железа в предгорьях Алтая // Скифская эпоха Алтая (Тезисы докладов к конференции). — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 16—18.

Киреев С.М. Поселения долины р. Майма и проблема культурной принадлежности памятников северо-западных предгорий Горного Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Проблемы истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1987. — С. 65—73.

Киреев С.М. Нижнее Прикатуны в I тыс. до н.э. — нач. I тыс. н.э. // Проблемы археологии Степной Евразии. Тезисы докладов. Ч. II. — Кемерово: КГУ, 1987. — С. 57—59.

Киреев С.М. К вопросу о юго-восточной границе расселения большереченских племен // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов. — Омск, 1987. — С. 107—109.

Киреев С.М. Майминский археологический комплекс // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 162—168.

Киреев С.М., Кочеев В.А. Работы Горно-Алтайского краеведческого музея // АО 1986 года. — М: Наука, 1988. — С. 238—239.

Киреев С.М., Кудрявцев П.И. Новые памятники эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири (тезисы докладов и сообщений). — Барнаул: АГУ, 1988. — С. 164—166.

Киреев С.М., Баженов А.И., Музыка С.А., Тулинов А.В. Минералого-петрографические особенности керамики поселений Нижней Катунь // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 91—108.

Киреев С.М. Из опыта исследования курганных могильников Горного Алтая сплошным раскопом // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. — Новосибирск: ИИФиФ, 1989. — С. 43—44.

Киреев С.М., Булычев С.С. Раскопки поселения Майма—III в 1989 г. // Вопросы археологии и истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1990. — С. 7—9.

Киреев С.М., Алехин А.В., Фуршатов А.В. Археологические исследования на Средней Катунь в 1989 году // Вопро-

сы археологии и истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1990. — С. 11—12.

Киреев С.М. Каменные украшения из погребений скифского и гунно-сарматского времени Северного Алтая // Вопросы археологии и истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1990. — С. 14-16.

Киреев С.М. Охранные раскопки памятников Майминского археологического комплекса // Охрана и использование археологических памятников Алтая. — Барнаул: АГУ, 1990. — С. 53-57.

Киреев С.М. Попытка реконструкции социальных отношений в родовой общине скифского времени (По материалам могильника Майма—IV на Северном Алтае) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. — Томск: ТГУ, 1990. — С. 44—45.

Киреев С.М. О северной границе горно-алтайских погребений скифского времени с восточной ориентировкой // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 119—122.

Киреев С.М. Поселение Черемшанка // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. — Барнаул: БГПИ, 1991. — С. 84—89.

Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе в 1990—1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (Материалы конференции). — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 55—56.

Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской долине // Проблемы сохранения, изучения и использования памятников археологии (Материалы конференции). — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 59—61.

Киреев С.М., Кудрявцев П.И. Петроглифы долины Эмеген // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. II. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 253—256.

Киреев С.М. Спасательные работы на могильнике Майма—IV // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 39—43.

Киреев С.М., Алехина Е.В. Поселение Майма—XVIII // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 43—45.

Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстринской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 118—120.

Киреев С.М., Алехина Е.В., Пивоварова Н.Н., Герасимов Е.В. Продолжение археологических работ на Майминском комплексе // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. — Барнаул, 1994. — С. 86-88.

Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Полосина Я.Ю. К вопросу о хозяйстве населения предгорий Северного Алтая в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. — Барнаул, 1994. — С. 88—91.

Киреев С.М. Новое обследование городища Черемшанка // Алтай и тюрко-монгольский мир. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1994. — С. 135—139.

Киреев С.М., Кунгурова Н.Ю. Микролитическая индустрия с поселения Майма-3 // Источники по истории Республики Алтай. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. — С. 60—68.

Киреев С.М. Тризны и тризновая керамика майминских погребений раннего железного века // Древности Алтая, № 4. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. — С. 92—99.

Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Цыб С.В. Раскопки могильника Первый Межелик-I // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: ИИФиФ, 1986. — С. 58—65.

Кирюшин Ю.Ф. Скифские памятники Средней Катунь // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Ч. I. — Кемерово: КГУ, 1989. — С. 53—56.

Кирюшин Ю.Ф. Археологические работы на Средней Катунь // Катунский проект: проблемы экспертизы. — Новосибирск, 1990. — С. 170—172.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. — Новосибирск: Наука, 1990. С. 224—242.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Находки ранней бронзы со средней Катунь // Охрана и исследования археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). — Барнаул: БГПИ. — 1991. — С. 67—70.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Хронология памятников I тыс. н.э. в устье р. Тыткескень // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 178—180.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова Н.Ю. Хронологические комплексы поселения Тыткескень-II // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 23—28.

Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 43—47.

Кирюшин Ю.Ф. О хронологии термина «энеолит» и его значении // Проблемы хронологии в археологии и истории. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 64—75.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Позднепалеолитический горизонт поселения Тыткескень-II // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Томск, 1992. — С. 28—30.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Долинин Е.В., Кирюшин К.Ю. К вопросу о бронзовом веке Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 39—40, 105—106.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Погребение из Нижнетыткескеньской пещеры I (Алтай) // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. — Красноярск, 1992. — С. 282—286.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятников Тыткескень-VI на Средней Катунь // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул: БГПИ, 1992. — С. 125—130.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Мезолитический комплекс поселения Тыткескень-II // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. — Абакан, 1993. — С. 12—14.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Новые находки эпохи позднего неолита на средней Катунь // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Тезисы. Ч. I. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 80—84.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Тыткескень-II // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 25—30.

Кирюшин Ю.Ф. К вопросу о энеолите и бронзовом веке Горного Алтая // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 14—16.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселений Тыткескень 6 на Катунь // Археология Горного Алтая. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 111—123.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология нижнетыткескеньской пещеры — I. — Барнаул: АГУ, 1995.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Проблемы каменного века бассейна р. Катунь // III годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Тезисы докладов. — Новосибирск, 1995. — С. 61—63.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. — Барнаул: АГУ, 1997.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Елунинский комплекс в устье р. Куюм // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1997. — С. 36—41.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Признаки погребального обряда скифских памятников Средней Катунь // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1997. — С. 102—106.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии, № 3. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. — С. 165—175.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Кирюшин К.Ю. Эволюция пластинчатой индустрии в мезолите-неолите Алтая // Древние поселения Алтая. — Барнаул: АГУ, 1998.

Киселев С.В. Из работ Алтайской экспедиции Государственного Исторического музея в 1934 году // СЭ, № I. — М., 1935. — С. 97—106.

Киселев С.В. Курайская степь и Старо-Бардинский район // Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — С. 298—304.

Киселев С.В. Алтай в скифское время (майэмирская культура) // ВДИ, № 2. — М., 1947. — С. 157—172.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М: Изд-во АН СССР, 1951.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964.

Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени Турк (Ашина) // МИА, № 130. — М: Наука, 1965.

Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968- 1969 гг.) // Тюркологический сборник. — М: Наука, 1973.

Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации Ихе-Ханыннорской надписи) // Тюркологический сборник. — М: Наука, 1978. — С. 238—255.

Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. — М: Наука, 1981.

Ковалевская В.Б. Традиции прорезных поясов в памятниках кудыргинского типа // КСИА, № 199. — М: Наука, 1990. — С. 37—46.

Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник. — М: Наука, 1978. — С. 72—89.

Кочеев В.А. Погребение II тыс. н.э. у с. Ело // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 годах. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. — С. 153—162.

Кочеев В.А. Костяные наконечники стрел из курганов раннего железного века Горного Алтая // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 96—97.

Кочеев В.А. О некоторых случайных находках из Горного Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. — С. 158—154.

Кочеев В.А. Чеканы Горного Алтая // Проблемы археологии Степной Евразии. Ч. 2. — Кемерово: КГУ, 1987. — С. 53—55.

Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел эпохи раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1987. — С. 55—60.

Кочеев В.А. Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 145-162.

Кочеев В.А. Курганы могильника Айрыдаш—III // Археологические исследования на Алтае. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 210—224.

Кочеев В.А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. — С. 105—118.

Кочеев В.А. Работы Горно-Алтайского областного краеведческого музея в зоне затопления Катунской ГЭС // Охрана и использование археологических памятников Алтая. — Барнаул: АГУ, 1990. — С. 93—95.

Кочеев В.А. Охранные раскопки Горно-Алтайского музея в 1989 году // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. — Барнаул: БГПИ, 1991. — С. 91—93.

Кочеев В.А. К итогам изучения военного дела скифского времени Горного Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. — С. 46—49.

Кочеев В.А. Раннескифские памятники Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 51.

Кочеев В.А. Костяные втульчатые наконечники стрел из курганов скифского времени Горного Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 173—175.

Кочеев В.А., Худяков Ю.С. Палаш из Беш-Озека // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. II. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 239—242.

Кочеев В.А. Знаки на стрелах (К вопросу о назначении тамгообразных знаков на костяных наконечниках стрел из курганов Горного Алтая скифского времени) // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 57—59.

Кочеев В.А. Некоторые вопросы миграционных процессов в I тыс. до н.э. в Горном Алтае // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. — Барнаул, 1994. — С. 95—97.

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган—I и II // Археологические и фольклорные источники

по истории Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 70—81.

Кочеев В.А. Каменная бляха из кургана 4 могильника Усть-Кожолу // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 58—59.

Кочеев В.А. Г.И. Гуркин и археология Горного Алтая // Возрождение. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 225—228.

Кочеев В.А. Два кинжала из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии, № 1. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. — С. 133—135.

Кочеев В.А. Кинжалы с зооморфными навершиями из Горного Алтая // Алтай и тюрко-монгольский мир. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1995. — С. 132—135.

Кочеев В.А. Бронзовые двухлопастные наконечники стрел из Горного Алтая // Гуманитарные науки в Сибири, № 3. — Новосибирск, 1995. — С. 95—97.

Кочеев В.А. Курганный могильник Айрыдаш—IV на Средней Катуні // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. — Барнаул, 1996. — С. 134—137.

Кочеев В.А. Опыт классификации костяных наконечников стрел из курганов Горного Алтая скифского времени // Горный Алтай и Россия 240 лет. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1996. — С. 28—31.

Кочеев В.А. Луки горно-алтайских курганов (К вопросу о луках скифского времени Горного Алтая) // Известия лаборатории археологии, № 2. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. — С. 147—152.

Кочеев В.А. Средний слой пазырыкского общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1997. — С. 112—114.

Кочеев В.А. Некоторые проблемы скифской археологии Горного Алтая и Северо-Западной Монголии // Природные условия, история, культура Западной Монголии и сопредельных территорий. — Томск: ТГУ, 1997. — С. 115—116.

Кочеев В.А. К вопросу о защитном вооружении кочевников Горного Алтая в скифское время // Древности Алтая, № 3. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. — С. 83—88.

Крылова А.А., Павлюченко И.М. Орудия каменного века в Горном Алтае // КСИА. Вып. 92. — М: Наука, 1962. — С. 61—64.

Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. — М: Наука, 1979.

Кубарев В.Д. Новые находки эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. — Новосибирск: ИИФиФ, 1972. — С. 45—49.

Кубарев В.Д. Звериный стиль Восточного Алтая в кругу культур Южной Сибири // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. — Новосибирск: ИИФиФ, 1975. — С. 269—280.

Кубарев В.Д. Работы в Горном Алтае // АО 1975 года. — М: Наука, 1976. — С. 251—255.

Кубарев В.Д. Первые работы в долине р. Юстыд // АО 1976 года. — М: Наука, 1977. — С. 209—211.

Кубарев В.Д., Зяблицкий С.С., Чевалков Л.М., Гребенщиков А.В. Разведка в Горном Алтае // АО 1977 года. — М: Наука, 1978. — С. 244—245.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда // АО 1977 года. — М: Наука, 1978. — С. 242—243.

Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 86—98.

Кубарев В.Д. Олений камень с р. Чуи // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. — Новосибирск: Наука, 1979. — С. 163—168.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. — Новосибирск: Наука, 1979.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда и Бар-Бургазы // АО 1978 года. — М: Наука, 1979. — С. 235—237.

Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В. Курганы Чуйской степи (по материалам работ Восточноалтайского отряда в полевой сезон 1975 года) // Сибирь в древности. — Новосибирск: Наука, 1979. — С. 61—75.

Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М. Разведки по рекам Аргут, Чуя и Башкаус // АО 1978 года. — М: Наука, 1979. — С. 237—239.

Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1979. — С. 135—160.

Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 69—91.

Кубарев В.Д. Разведки и раскопки на Алтае // АО 1979 года. — М: Наука, 1980. — С. 212—213.

Кубарев В.Д. Работы на Алтае // АО 1980 года. — М: Наука, 1981. — С. 69—91.

Кубарев В.Д. Древнее искусство Алтая и Монголии // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. — М: Наука, 1981. — С. 53—57.

Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 29—53.

Кубарев В.Д. К интерпретации предмета неизвестного назначения из кургана 1 памятника Туэкта // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 65—74.

Кубарев В.Д. Погребальный обряд как источник по реконструкции идеологических представлений ранних кочевников Алтая // Вопросы истории, идеологии, философии, культуры народов Востока. Т. 1. — М: ИВ, 1981. — С. 9—14.

Кубарев В.Д. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 84—89.

Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 годах. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. — С. 90—108.

Кубарев В.Д. О работах на Алтае // АО 1981 года. — М: Наука, 1983. — С. 205.

Кубарев В.Д. Охранные работы на Алтае // АО 1982 года. — М: Наука, 1984. — С. 209.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 86—100.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. — Новосибирск: Наука, 1984.

Кубарев В.Д. Археологические исследования у борма Кор-Кечу (Центральный Алтай) // Археологические исследования в районе новостроек. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 130—137.

Кубарев В.Д. Исследования на Алтае // АО 1983 года. — М: Наука, 1985. — С. 215—216.

Кубарев В.Д. Протобуддийские символы в древнеалтайском искусстве // Рериховские чтения. — Новосибирск: ИИФиФ, 1985. — С. 193—199.

Кубарев В.Д. Работы Восточноалтайского отряда // АО 1984 года. — М: Наука, 1986. — С. 182—183.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 101—119.

Кубарев В.Д. Работы Восточно-Алтайского отряда // АО 1984 года. — М: Наука, 1986. — С. 182—183.

Кубарев В.Д. О локальном варианте окуневской культуры на Алтае // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 102—104.

Кубарев В.Д. Чашечные камни Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. — С. 68—80.

Кубарев В.Д. Открытия в долине р. Урсул // АО 1985 года. — М: Наука, 1987.

Кубарев В.Д. О назначении зооморфных наверший из курганов Пазырыка и Уландрыка // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 169—173.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. — Новосибирск: Наука, 1987.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 98—117.

Кубарев В.Д. Исследования памятников высокогорного Алтая // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 51—52.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. — Новосибирск: Наука, 1988.

Кубарев В.Д. Археологические памятники истоков Чуи // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 107—144.

Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 202—222.

Кубарев В.Д. Памятник наскального искусства Алтая // Природа, № 11.- М: Наука, 1989. — С. 38—47.

Кубарев В.Д. Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. — М: ИА, 1990. — С. 154—157.

Кубарев В.Д., Членова Н.Л. Хронологические парадоксы Горного Алтая // КСИА. Вып. 199. — М: Наука, 1990. — С. 46—55.

Кубарев В.Д. Расписные сосуды из курганов Алтая // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. — С. 31—55.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. — Новосибирск: Наука, 1991.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. — Новосибирск: Наука, 1992. — С. 43—95

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. — Новосибирск: Наука, 1992.

Кубарев В.Д. Курган скифского времени в устье Тургунды // Материалы к изучению прошлого Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. — С. 79—91.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. — Новосибирск: ИАЭ, 1992.

Кубарев В.Д. Каракольские сюжеты в новых петроглифах Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 47—48.

Кубарев В.Д., Ларин О.В., Суразаков А.С. Новый памятник каракольской культуры в с. Беш-Озек // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 45—47.

Кубарев В.Д., Соенов В.И., Эбель А.В. О новых памятниках каракольской культуры в с. Озерном // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 49—51.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Охранные работы на Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 40—41.

Кубарев В.Д. О некоторых параллелях в петроглифах Гиндукуша и Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 48—49.

Кубарев В.Д. Древнетюркское погребение с р. Чуи // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 91—92.

Кубарев В.Д. К истории изучения древнетюркской эпиграфики Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. — Горно-Алтайск: ГАНИИИ-ЯЛ, 1992. — С. 68—73.

Кубарев В.Д., Худяков Ю.С., Бородовский А.П., Черемисин Д.В., Мыльников В.П. Археологические исследования на средней Катунь // Altaika, № 1. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1992. — С. 43—49.

Кубарев В.Д. Олений камень с р. Катунь // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 146—149.

Кубарев В.Д., Якобсон Е., Масумото Т. Исследования в предгорьях Сайлюгема // Altaika, № 2. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1993. — С. 63—68.

Кубарев В.Д. Датировка петроглифов по находкам из погребальных памятников Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов. — Кемерово: КГУ, 1993. — С. 104—112.

Кубарев В.Д. Диадемы из высокогорных курганов Алтая // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 55—57.

Кубарев В., Якобсон Е., Цэвээндорж Д. По миграционным путям высокогорного Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 136—140.

Кубарев В., Якобсон Е. Туру-Алты (Анализ сибирского «святилища») // Altaika, № 4. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1994. — С. 18—29.

Кубарев В.Д. Древнегреческая надпись из с. Кокоря // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 62—64.

Кубарев В.Д. Богатый уздечный набор из древнетюркского погребения // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 67—69.

Кубарев В.Д. Древнетюркский кенотаф из Бике — 3 // Археология Горного Алтая. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 82—83.

Кубарев В.Д. Знаки на стрелах древних кочевников Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 2. — Барнаул: БГПУ, 1995. — С. 104—105.

Кубарев В., Якобсон Е., Цэвээндорж Д. Новые петроглифы Монгольского Алтая // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. — Кемерово: КГУ, 1995. — С. 21.

Кубарев В., Цэвээндорж Д. Новые каменные изваяния Монгольского Алтая // Известия лаборатории археологии, № 1. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. — С. 149—163.

Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Раскопки на р. Талдуаир // АО 1994 года. — М: Наука, 1995. — С. 281.

Кубарев В.Д. Новые петроглифы Алтая // Алтай — Космос-Микрокосм. — Барнаул: Корона Сердца, 1995. — С. 141—145.

Кудрявцев П.И. Новые материалы эпохи поздней бронзы в предгорьях Алтая // Археологические исследования в Сибири. — Барнаул: АГУ, 1989. — С. 55.

Кудрявцев П.И. Поздний бронзовый век на территории Горного Алтая // Вопросы археологии и истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1990. — С. 6—7.

Кулемзин А.М. Работа Акташского отряда Алтайской экспедиции // АО 1969 года. — М: Наука, 1970. — С. 201—202.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX—XI веков по арабским источникам. — Алма-Ата: Наука, 1972.

Кунгуров А.Л. Палеолитические находки на реке Ело в Горном Алтае // Древняя история Алтая. — Барнаул: АГУ, 1980. — С. 22—24.

Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. — Барнаул: АГУ, 1985. — С. 29—50.

Кунгуров А.Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Катунь // Проблемы хронологии в археологии и истории. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 50—63.

Кунгуров А.Л. Новая стоянка эпохи палеолита на Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 24—25.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Находки финального мезолита в устье р. Бийка (Горный Алтай) // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 46—51.

Кунгуров А.Л. Культуры палеолита- мезолита Северного Алтая // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. — Томск, 1993. — С. 22—24.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Усть-Куюм // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 3—9.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень—3 // Археология Горного Алтая. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 43—58.

Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Сема // Источники по истории Республики Алтай. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. — С. 37—59.

Кунгуров А.Л. Палеолитические памятники р. Тыткескень (Средняя Катунь) // Древности Алтая, № 3. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. — С. 3—13.

Кунгурова Н.Ю. Микролитические памятники Средней Катунь // Северная Азия в эпоху камня. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 37—61.

Кунгурова Н.Ю. Новая стоянка на р. Куюм // Охрана и использование археологических памятников Алтая. — Барнаул: АГУ, 1990. — С. 34—35.

Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Находки каменной индустрии в устье р. Эдиган // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. — Барнаул: БГПИ, 1991. — С. 69—73.

Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куюма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. — С. 3—22.

Кунгурова Н.Ю. Палеолитические находки в поселении Майма—1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 25—26.

Кунгурова Н.Ю. Палеолитическое жилище на поселении Усть-Куюм // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 9—13.

Кунгурова Н.Ю. К вопросу о технологии производства афанасьевской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 47—48.

Кунгурова Н.Ю. Охота неолитических обитателей Катунь // Известия лаборатории археологии, вып. 2. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. — С. 3—8.

Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Проявление традиций в каменном инвентаре поселения Малый Дуган // Древние поселения Алтая. — Барнаул: АГУ, 1998. — С. 26—33.

Курочкин Г.Н. Сюжетные изображения на войлочных кошмах из Пятого Пазырыкского кургана (к предистории шаманизма в Южной Сибири и Центральной Азии) // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Вып. 1. — Новосибирск, 1988. — С. 78—79.

Курочкин Г.Н. Скифские корни сибирского шаманизма: попытка нового «прочтения» Пазырыкских курганов // ПАВ, № 8. — СПб., 1994. — С. 60—70.

Кызласов Л.Р. К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК, вып. XXIX. — М., 1949. — С. 48—54.

Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА, № 2. — 1964. — С. 27—39.

Кызласов Л.Р. Древнейшие орудия горного дела на Алтае // МИА, № 130. — М: Наука, 1965.

Кызласов Л.Р. Древняя Тыва (от палеолита до IX в.). — М: МГУ, 1979.

Кызласов Л.Р. Эпиграфическая загадка с Горного Алтая и опыт ее дешифровки // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 45—50.

Кызласов И.Л. Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 108—140.

Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. — М: ИА, 1990.

Кызласов И.Л. Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов // СА, № 4. — М: Наука. — С. 62—83.

Кызласов И.Л. Руническое письмо в горах Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных

территорий. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. — С. 73—75.

Кызласов И.Л. Горноалтайские рунические надписи на стенах // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 81—94.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М: Наука, 1961.

Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 9—21.

Лапшин Б.И. История исследования алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая. — Барнаул: АГУ, 1982. — С. 3—17.

Лапшин Б.И., Молодин В.И., Петрин В.Т. Поселение Лебедь—I в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. — Барнаул: АГУ, 1982. — С. 18—23.

Ларин О.В. К истории изучения афанасьевской культуры Горного Алтая // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 82—91.

Ларин О.В. Исследования на могильнике Тархата—I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 37.

Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки на Кор-Кобы—I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. — С. 56—78.

Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба—7 // Археология Горного Алтая. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 86—91.

Ларин О.В., Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки могильника Мухор-Тархата—I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 64—70.

Ларин О.В., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Поселение афанасьевской культуры Нижняя Соору // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края, вып. IX. — Барнаул: АГУ, 1998.

Левин М.Г. К вопросу о южносибирском антропологическом типе // КСИЭ, вып. XXI.- М, 1954. — С. 70—77.

Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // СТ, № 4. — М: Наука, 1978. — С. 84—89.

Лубо-Лесниченко Е.И. Пазырык и Западный меридиональный путь // Страны и народы Востока, вып. 25. — М., 1987. — С. 233—248.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.- Л.: Наука, 1951.

Малолетко А.М. Четвертичные климаты Алтая и его предгорий и некоторые проблемы, связанные с их изучением // Проблемы гляциологии Алтая. — Томск: ТГУ, 1974. — С. 10—29.

Малолетко А.М., Орлова Л.А. Климат Алтая в скифскую эпоху // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 50—52.

Малолетко А.М. Топонимика «скифских» районов Алтая // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 70—75.

Малолетко А.М., Панычев В.А. Археологический памятник Усть-Каракол: стратиграфия и условия осадконакопления // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. — Новосибирск, 1990. — С. 223—225.

Малолетко А.М. Время и история осадконакопления в Денисовой пещере (Алтай) // Проблемы хронологии в археологии и истории. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 44—50.

Мамадаков Ю.Т. Работы Онгудайского отряда // АО 1981 года. — М: Наука, 1983. — С. 212.

Мамадаков Ю.Т. Работы в Горном Алтае // АО 1982 года. — М: Наука, 1984. — С. 216—217.

Мамадаков Ю.Т. Раскопки памятников Горного Алтая // АО 1983 года. — М: Наука, 1985. — С. 223—224.

Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. — Барнаул: АГУ, 1985. — С. 173—189.

Мамадаков Ю.Т., Тарасенко В.Н. Раскопки в Горном Алтае // АО 1984 года. — М: Наука, 1986. — С. 189—190.

Мамадаков Ю.Т. Исследования в Горном Алтае // АО 1985 года. — М: Наука, 1987. — С. 259.

Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 57—59.

Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 58—63.

Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф. Афанасьевские поселения Ламах—2 и Бичикту-Бом // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края, вып. IX. — Барнаул: АГУ, 1998.

Марсадолов Л.С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам Г.П. Сосновского и Г.П. Сергеева) // АСГЭ, Вып. 22. — Л: Искусство, 1981. — С. 11—22.

Марсадолов Л.С. О дендрохронологии памятников ранних кочевников Саяно-Алтая // Контакты и взаимодействие древних культур. — Л., 1981. — С. 45—48.

Марсадолов Л.С. Исследования в Онгудайском и Улаганском районах Горного Алтая // АО 1980 года. — М: Наука, 1981. — С. 195—196.

Марсадолов Л.С. Зеркало из алтайской коллекции П.К. Фролова // СГЭ, вып. 47.— Л., 1982. — С. 30—33.

Марсадолов Л.С. Методы естественных наук и хронология пяти больших Пазырыкских курганов // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1983. — С. 15—20.

Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ, Вып. 25. — Л: Искусство, 1984. — С. 90—98.

Марсадолов Л.С. Хронологическое соотношение Пазырыкских и Семибратних курганов // АСГЭ, вып. 28. — Л., 1987. — С. 30—37.

Марсадолов Л.С. Две группы памятников кочевников Алтая VIII—VII вв. до н.э. // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. — Омск, 1987. — С. 101—104.

Марсадолов Л.С. Работы в Центральном Алтае // АО 1985 года. — М: Наука, 1987. — С. 260—261.

Марсадолов Л.С. Керамические сосуды в памятниках Горного Алтая VIII—VII вв. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии. Ч. 2. — Кемерово: КГУ, 1987. — С. 62—66.

Марсадолов Л.С. Исследования на Алтае // АО 1986 года. — М: Наука, 1988. — С. 244.

Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I-го тысячелетия до н.э. // АСГЭ, вып. 29. — Л: Искусство, 1988. — С. 65—81.

Марсадолов Л.С. О дате Большого Берельского кургана // СГЭ, вып. 53. — Л., 1988. — С. 24—26.

Марсадолов Л.С. Перспективы дендрохронологического датирования археологических памятников Саяно-Алтая I-го тысячелетия до н.э. // Проблемы дендрохронологии и дендроклиматологии. — Свердловск, 1990. — С. 105—106.

Марсадолов Л.С. Астрономическая обсерватория в Горном Алтае // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции. — СПб., 1991. — С. 27—29.

Марсадолов Л.С. Археологическая разведка в Улаганском районе Горного Алтая в 1980 г. // Древние памятники культуры на территории СССР. — СПб., 1991. — С. 49—59, 118—123.

Марсадолов Л.С. Комплекс археологических памятников у скалы Кара-Бом (Пункт Семисарт—1) в Горном Алтае // Северная Азия от древности до средневековья. — СПб.: ИИМК, 1992. — С. 114—118.

Марсадолов Л.С. Курганы в Араголе и Башадаре в Горном Алтае // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч II. — Омск, 1992. — С. 70—71.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М. Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. — СПб., 1994. — С. 141—156.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII—IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). — СПб.: ИИМК, 1996.

Мартынов А.И., Абсалямов М.Б. Исследования в Горном Алтае // АО 1978 года. — М: Наука, 1979. — С. 248.

Мартынов А.И. Исследования петроглифов в долине Каракол // АО 1982 года. — М: Наука, 1984. — С. 218.

Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. — Барнаул: АГУ, 1985. — С. 147—172.

Мартынов А.И. О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири. — Кемерово: КГУ, 1985. — С. 80 — 87.

Маточкин Е.П. Новые петроглифы Бии // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: ИИФиФ, 1986. — С. 20 — 23.

Могильников В.А., Куйбышев А.В., Суразаков А.С. Раскопки в Кызыл-Джаре // АО 1977 года. — М: Наука, 1978. — С. 261 — 262.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // СА, № 2. — М: Наука, 1980. — С. 180 — 191.

Могильников В.А. Работы Алтайской экспедиции // АО 1980 года. — М: Наука, 1981. — С. 197 — 198.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура—I // КСИА, № 170. — М: Наука, 1982. — С. 103 — 109.

Могильников В.А. Работы Алтайской экспедиции // АО 1981 года. — М: Наука, 1983. — С. 217- 220.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар—I, VIII — памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. — С. 3 — 39.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II—V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. — С. 40 — 71.

Могильников В.А. Курганы Кара-Коба—II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 годах. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. — С. 52 — 89.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 годах. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. — С. 127 — 153.

Могильников В.А. Некоторые итоги и проблемы изучения истории и культуры древнетюркского населения Южной Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск: ОГУ, 1984. — С. 65 — 69.

Могильников В.А. Исследования на Алтае // АО 1983 года. — М: Наука, 1985. — С. 229- 230.

Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. — С. 35—67.

Могильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 29—32.

Могильников В.А. Особенности социально-экономического развития и демографические процессы в Западной Сибири в железном веке // Некоторые проблемы сибирской археологии. — М: ИА, 1988. — С. 29-44.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба—I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. — С. 137—185.

Могильников В.А., Куйбышев А.В., Елин В.Н. Раскопки в Куроте // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 83—84.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан—I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 38—48.

Могильников В.А. Находка стремечковидных удил из Козуля // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 30—33.

Могильников В.А. Курган-2 могильника Карасу—II и некоторые аспекты внешних контактов населения Алтая второй половины I тысячелетия до н.э. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 35—39.

Могильников В.А. Некоторые итоги и проблемы изучения культуры древних тюрок Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 63—68.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Коба—I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 94—116.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятни-

ки Евразии скифо-сарматской эпохи. — М: ИА, 1995. — С. 62—74.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки второго Сальдарского могильника // Источники по истории Республики Алтай. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. — С. 126—144.

Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в. — М., 1983.

Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. — Барнаул: АГУ, 1985. — С. 50—61.

Молодин В.И. К изучению поселенческих комплексов эпохи раннего железа Горного Алтая // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 18—20.

Молодин В.И. К вопросу об эпохе бронзы Горного Алтая // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири (итоги и перспективы). — Иркутск, 1986. — С. 109—111.

Молодин В.И. Археологическое изучение голоценовых отложений Алтайских пещер // Проблемы изучения, экологии и охраны пещер. — Киев, 1987. — С. 141—142.

Молодин В.И. Проблемы бронзового века Горного Алтая (итоги и перспективы) // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. — Новосибирск, 1988. — С. 50—56.

Молодин В.И. Один из аспектов хозяйственного использования пещер носителями афанасьевской культуры // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 3—6.

Молодин В.И. Отношение человека эпохи раннего железа к пещерам (по материалам Сибири) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Ч. II. — Кемерово: КГУ, 1989. — С. 5—6.

Молодин В.И., Погожева А.П. Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА, № 1. — М: Наука, 1990. — С. 167—177.

Молодин В.И. Развитая бронза Горного Алтая // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. — Уфа, 1991. — С. 9—13.

Молодин В.И. Надмогильные сооружения пазырыкской культуры (к реконструкции этапов погребальной обрядности) // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. — Омск, 1992. — С. 103—106.

Молодин В.И. Плоскогорье Укок (Горный Алтай, Россия) как возможный историко-культурный и природный заповедник // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. — Красноярск, 1992. — С. 181—184.

Молодин В.И. Усть-Канская писаница // Наскальные рисунки Евразии. — Новосибирск, 1992. — С. 91—93.

Молодин В.И. Бронзовый век Южной Сибири — современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. — Горно — Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. — С. 25—33.

Молодин В.И. Исследования в долине Бертек на плоскогорье Укок // Altaika, № 1. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1992. — С. 23—34.

Молодин В.И., Маточкин Е.П. Вторая Турачакская писаница Горного Алтая // Природа, № 8. — М., 1992. — С. 80—83.

Молодин В.И., Савинов Д.Г. Изучение древних культур эпохи бронзы и железа Горного Алтая. Некоторые итоги и перспективы // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 34—36.

Молодин В.И. Современное состояние проблемы бронзового века Горного Алтая // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. — Томск: ТГУ, 1993. — С. 39—41.

Молодин В.И. Основные итоги археологических исследований западносибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции на плоскогорье Укок летом 1992 года // Altaika, № 2. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1993. — С. 17—20.

Молодин В.И. Еще раз о датировке Турачакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. — Барнаул, 1993. — С. 4—25.

Молодин В.И., Каен-Делайе А., Массар К., Мыльников В.П., Хохлова О.Н. Исследование памятника Мойнак—2 на плоскогорье Укок // Altaika, № 3. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1993. — С. 21—49.

Молодин В.И. Итоги археологических исследований на плоскогорье Укок // Изучение древних культур и цивилизаций. — СПб., 1994. — С. 69—73.

Молодин В.И. Наскальные изображения плоскогорья Укок и проблема миграции человеческих популяций в юго-западной части Горного Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 23—26.

Молодин В.И. Оригинальные поясные пряжки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая и Западно-Сибирской лесостепи // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. — Новосибирск. 1994. — С. 82—86.

Молодин В.И. Плоскогорье Укок — уникальный археологический микрорайон Южной Сибири // Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск, 1994. — С. 72—75.

Молодин В.И. Археологические исследования на юго-западном Алтае // АО 1993 года. — М: Наука, 1994. — С. 179—180.

Молодин В.И., Бородовский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaika, № 4. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1994. — С. 72—79.

Молодин В.И. Антропоморфное изваяние эпохи бронзы с юго-западного Алтая // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 43—45.

Молодин В.И., Новиков А.В. Исследование могильника пазырыкской культуры на плоскогорье Укок (памятник Кальджин—6) // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 33—35.

Молодин В.И. Исследование кургана с мерзлотой могильника Верх-Кальджин—II // АО 1994 года. — М: Наука, 1995. — С. 292—293.

Молодин В.И. Некоторые методические приемы исследования курганов пазырыкской культуры с мерзлотой // Актуальные проблемы сибирской археологии. — Барнаул: АГУ, 1996. — С. 5—8.

Молодин В.И. О возможностях этноархеологических исследований на плоскогорье Укок (Южный Алтай) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. — Омск, 1996. — С. 3—6.

Молодин В.И. Древние культуры Южного Алтая. Плоскогорье Укок // Вестник Российского гуманитарного научного фонда, № 4. — М., 1996. — С. 23—29.

Молодин В.И. Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая // РА, № 1. — М., 1997. — С. 37—49.

Молодин В.И. Археолого-этнографические комплексы Южного Алтая в контексте этнокультурной истории народов Евразии // Россия и Восток: археология и этническая история. — Омск, 1997. — С. 5—10.

Мотов Ю.А. Героизация и обожествление вождей ранних кочевников Алтая (по материалам могильника Пазырык) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья). — Алматы, 1998. — С. 28—48.

Наделяев В.М. Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача // Изв. СО АН СССР, вып. 2, № 1. — Новосибирск, 1973.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы из курганов конца I — начала II тысячелетия н.э. средней Катунь // Охрана и использование археологических памятников Алтая. — Барнаул: АГУ, 1990. — С. 120—123.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 242—270.

Окладников А.П., Владыкин В.А. Древнее поселение на р. Куюм (Алтай) по раскопкам 1964—1965 гг. // Известия лаборатории археологических исследований. — Кемерово: КГУ, 1967. — С. 66—79.

Окладников А.П., Молодин В.И. Турачакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 11—22.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш. — Новосибирск: Наука, 1979.

Окладникова Е.А. Новые открытия наскальных изображений в Горном Алтае // АО 1976 года. — М— Наука, 1977. — С. 268—269.

Окладникова Е.А. Наскальные рисунки в долине р. Елангаш // АО 1983 года. — М: Наука, 1985. — С. 234—235.

Окладникова Е.А. Очерки истории Алтайского края. — Барнаул: Алт. книжн. изд-во, 1987.

Панычев В.А., Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование памятников Алтая, расположенных на р. Ануй // Комплекс-

ные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. — Новосибирск, 1990. — С. 138—143.

Петрин В.Т., Чевалков Л.М. О возникновении микролитической торцовой техники на примере палеолитической стоянки Кара-Бом // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. — Красноярск, 1992. — С. 206—209.

Петрин В.Т., Чевалков Л.М. Проблема сложения и эволюции верхнего палеолита в Горном Алтае // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. — С. 18—21.

Петрин В.Т., Чевалков Л.М. Исследования на стоянке древнего человека Кара-Бом // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 66—69.

Петрин В.Т., Николаев С.В., Чевалков Л.М., Ануфриева Р.Г. Памятник эпохи палеолита — Кара-Тенеш (Кара-Тамыш) // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. — Новосибирск, 1995. — С. 86—88.

Петрин В.Т., Николаев С.В., Чевалков Л.М., Нилов Д.Е. Палеолитический комплекс открытого типа Кара-Тенеш (новые данные) // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. — Барнаул, 1995. — С. 26—29.

Плотников Ю.А. О возможности сохранения энеолитического населения Горного Алтая вплоть до раннего железного века // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 17—18.

Погожева А.П. Погребения ранних кочевников на западе Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 58—73.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Раскопки многослойного поселения Кара-Тенеш в 1976 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935—1976). — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 199—216.

Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 год) // Археологический поиск (Северная Азия). — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 92—98.

Погожева А.П. Раскопки могильников ранней бронзы и ранних кочевников на Алтае // АО 1980 года. — М: Наука, 1981. — С. 205—206.

Погожева А.П. Курганы эпохи бронзы на западе Горного Алтая // АО 1982 года. — М: Наука, 1984.

Погожева А.П. Горно-Алтайский разведывательный отряд // АО 1986 года. — М: Наука, 1988.

Полосьмак Н.В. Деревянные щиты из пазырыкских курганов // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 58—59.

Полосьмак Н.В. Раскопки богатого захоронения пазырыкской культуры // Altaika, № 1. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1992. — С. 35—42.

Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы». — Новосибирск: Наука, 1994.

Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaika, № 3. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1994. — С. 21—31.

Посредников В.А. Работы Горно-Алтайской экспедиции Алтайского университета // АО 1977 года. — М: Наука, 1978.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л: Наука, 1969.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. — Л: Наука, 1991.

Радлов В.В. Из Сибири. — М: Наука, 1989.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // МЭ, Т. III, вып. второй. — Л., 1927. — С. 37—52.

Руденко С.И. К палеоантропологии Южного Алтая // Казаки. — Л., 1930. — С. 137—148.

Руденко С.И. Скифское погребение Восточного Алтая // Сообщения ГАИМК, № 2. — М., 1931. — С. 25—31.

Руденко С.И. Скифская проблема и алтайские находки // Изв. АН СССР. Серия истории и философии, № 6. — М., 1944. — С. 266—275.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. — Л: Эрмитаж, 1948.

Руденко С.И. Культура Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов // КСИИМК, вып. XXVI. — М: Изд-во АН СССР, 1949. — С. 97—109.

- Руденко С.И.* Предварительное сообщение о раскопках в Улагане 1947 г. // СА, № XI. — М., 1949. — С. 261—270.
- Руденко С.И. и Н.М.* Искусство скифов Алтая. — М., 1949.
- Руденко С.И.* Древнейшая «скифская» татуировка // СЭ, № 3. — М., 1949. — С. 133—134.
- Руденко С.И.* К древней истории Горного Алтая // ВИ, № 2. — М., 1950. — С. 155—159.
- Руденко С.И.* Раскопки Пазырыкской группы курганов // КСИИМК, вып. XXXII. — М: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 11—25.
- Руденко С.И.* Пятый Пазырыкский курган // КСИИМК, вып. XXXVII. — М: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 106—116.
- Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Руденко С.И.* Башадарские курганы // КСИИМК, № 45. — М., 1952. — С. 30—39.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Руденко С.И.* О датировке горноалтайских курганов // ВИ, № 11. — М., 1955. — С. 120—123.
- Руденко С.И.* К вопросу о датировке и историко-культурной оценке горноалтайских находок // СА, № XXVII. — М., 1957. — С. 301—306.
- Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Руденко С.И.* Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н.э.). — М: Искусство, 1961.
- Савин А.М., Семенов А.И.* Кудыргинские лучники // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 78—80.
- Савинов Д.Г.* Раскопки на Горном Алтае // АО 1972 года. — М: Наука, 1973.
- Савинов Д.Г.* Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время // Тюркологический сборник. — М: Наука, 1973.
- Савинов Д.Г.* Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. I. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1979. — С. 161—168.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. — Новосибирск: Наука, 1982. — С. 102—122.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л: ЛГУ, 1984.

Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII — середине XIX вв.: Проблемы политической истории и присоединения к России. — Горно-Алтайск, 1991.

Соенов В.И. Разведочные работы в окрестностях сел Апшухта и Каспа // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. — С. 202—216.

Соенов В.И. Аварийные раскопки на могильнике Большой Толгоек в Горном Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. — Барнаул: БГПИ, 1991. — С. 183—185.

Соенов В.И., Соенов М.И. Некоторые проблемы использования эпоса для изучения военного дела средневековых кочевников Алтая // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Т. 2. — Красноярск, 1991. — 82—84.

Соенов В.И. Скальные захоронения на Алтае // Этническая история и культура народов Советской страны. — Омск, 1991. — С. 121—122.

Соенов В.И., Эбель А.В., Баранова Л.Н. О защитном доспехе алтайских воинов предтюркского времени // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Томск, 1992. — С. 88—89.

Соенов В.И., Соенов М.И. Исследования средневековых поминальных и ритуальных сооружений в Горном Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Томск, 1992. — С. 71—72.

Соенов В.И., Эбель А.В., Глебов А.М. Воинское погребение предтюркского времени из Чендека // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 78.

Соенов В.И., Глебов А.М., Эбель А.В., Пивоварова Н.Н. Раскопки аварийных средневековых памятников на могильнике Мендур-Соккон—1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 90.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992.

Соенов В.И. Исследование памятников 2 тыс. н.э. в Горном Алтае // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. — С. 87—90.

Соенов В.И., Эбель А.В. Некоторые итоги и перспективы работ Южного отряда археологической экспедиции НИС ГАГПИ // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. — С. 92—94.

Соенов В.И., Эбель А.В., Якушкина М.Г. Особенности погребального обряда могильников гунно-сарматского времени на Верхней Катуні // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. — Абакан, 1993. — С. 32—33.

Соенов В.И. О памятниках монгольского времени в Горном Алтае // Природные условия и биологические ресурсы Западной Монголии и сопредельных регионов. — Улан-Батор, 1993. — С. 140—141.

Соенов В.И. Археологический словарь Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1993.

Соенов В.И., Эбель А.В. К интерпретации изображений эпохи бронзы из Озерного // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 24—27.

Соенов В.И., Эбель А.В. О причинах сокращения численности населения Горного Алтая во 2 тыс. н.э. // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 166—168.

Соенов В.И., Эбель А.В. О языке и преемственности культуры пазырыкцев // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 52—55.

Соенов В.И. Обзор вооружения и военной тактики кочевников Алтая в XIII—XVIII вв. по материалам героического эпоса // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 176—187.

Соенов В.И. Могильник Курайка // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. — Барнаул, 1995. — С. 145—147.

Соенов В.И. К истории изучения памятников гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. I. — Омск, 1995. — С. 85—89.

Соенов В.И. Вооружение и военное дело в эпосе алтайцев // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Т. 2. — Новосибирск, 1995. — С. 46—48.

Соенов В.И. Классификация наконечников стрел гунно-сарматского времени из Верхней Катунь // Гуманитарные науки в Сибири, № 3. — Новосибирск: Наука, 1995. — С. 97—100.

Соенов В.И. Раскопки могильника Большой Толгоек // Известия лаборатории археологии, № 1. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. — С. 29—45.

Соенов В.И., Эбель А.В. Случайные находки бронзовых изделий // Известия лаборатории археологии, № 1. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. — С. 54—58.

Соенов В.И., Дворников Э.П. Плеть из могильника Большой Толгоек // Археология, палеоэкология и экология Сибири и Дальнего Востока. Ч. 2. — Иркутск, 1996. — С. 31—32.

Соенов В.И., Михеев А.В. Изучение погребальных памятников гунно-сарматской эпохи в Горном Алтае // Археология, палеоэкология и экология Сибири и Дальнего Востока. Ч. 2. — Иркутск, 1996. — С. 70—71.

Соенов В.И., Ведерникова Т.М. Погребальный обряд могильника Курайка в Юго-Восточном Алтае // Археология, палеоэкология и экология Сибири и Дальнего Востока. Ч. 2. — Иркутск, 1996. — С. 104—105.

Соенов В.И., Эбель А.В. Охранные раскопки в Верх-Уймонне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 1996. — С. 157—158.

Соенов В.И. Некоторые проблемы этнической реконструкции // Горный Алтай и Россия 240 лет. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1996. — С. 10—11.

Соенов В.И., Эбель А.В. Могильник Сары-Бел — новый памятник гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Горный Алтай и Россия 240 лет. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1996. — С. 38—40.

Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири, № 3. — Новосибирск: Наука, 1996. — С. 115—118.

Соенов В.И. О критериях выделения изображений гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 2. — Омск, 1996. — С. 61—63.

Соенов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-1 // Известия лаборатории археологии, № 2. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. — С. 103—115.

Соенов В.И., Глебов А.М. Средневековый алтайский шлем // Известия лаборатории археологии, № 2. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. — С. 152—154.

Соенов В.И. О степени достоверности реконструкций социальной структуры населения Горного Алтая по материалам погребальных памятников // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1997. — С. 100—101.

Соенов В.И. Нагрудный панцирь гунно-сарматской эпохи с Горного Алтая // РА, № 4. — М: Наука, 1997. — С. 181—185.

Соенов В.И. К методике поиска могильников гунно-сарматского времени Горного Алтая // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. — Омск, 1997. — С. 139—141.

Соенов В.И. Новые находки петроглифов в Горном Алтае // Источники по истории Республики Алтай. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. — С. 175—187.

Соенов В.И., Эбель А.В. Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл-Таш // Древности Алтая, № 3. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. — С. 88—97.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая, № 3. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. — С. 113—135.

Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. — Барнаул, 1998. — С. 93—98.

Соенов В.И. Костяные подпружные пряжки гунно-сарматского времени Горного Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. II. — Омск, 1998. — С. 80—81.

Соенов В.И. Классификация и хронология гребней гунно-сарматского времени Горного Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. I. — Новосибирск: ИАЭ, 1998. — С. 559—563.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы скифского времени с черепами животных на могильнике Кызыл-Таш в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 1998. — С. 162—165.

Соенов В.И. Костяные гребни гунно-сарматского времени Горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 1998. — С. 165—167.

Соенов В.И. Классификация надмогильных сооружений гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Актуальные вопросы истории и культуры Саяно-Алтая. Вып. II. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. — С. 25—31.

Соенов В.И. К вопросу о типологии погребальных памятников скифского времени Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул: АГУ, 1999. — С. 170—171.

Соенов В.И. Классификация бронзовых серег гунно-сарматского времени Горного Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. — Томск: ТГУ, 1999. — С. 209—210.

Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая, № 4. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. — С. 134—152.

Соенов В.И., Исов А.В. Позднесредневековые кольчуги из Горного Алтая // Древности Алтая, № 4. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. — С. 182—186.

Соенов В.И. Проблемы бугровщичества в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 1999. — С. 17—19.

Соенов В.И. «Скорченные» погребения на могильнике Тепкиш в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири, № 3. — Новосибирск, 1999. — С. 87—89.

Соенов В.И., Шитов А.В., Черемисин Д.В., Эбель А.В. Тархатинский мегалитический комплекс // Древности Алтая, № 5. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. — С. 7—15.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая, № 5. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. — С. 48—62.

Сорокин С.С. Новый памятник VII—VI вв. до н.э. на Южном Алтае // СА, № 2. — М., 1962. — С. 249—252.

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ, № 8. — Л.-М.: Советский художник, 1966. — С. 39—60.

Сорокин С.С. Археологические работы на Южном Алтае в 1961—1964 гг. // СГЭ, вып. XXVII. — Л: Советский художник, 1966. — С. 94—95.

Сорокин С.С. Девять лет работы южно-алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. — Л: Эрмитаж, 1967. — С. 71—74.

Сорокин С.С. Исследование могильника Кок-Су — I на Южном Алтае // АО 1966 года. — М., 1967. — С. 156—158.

Сорокин С.С. Отчет Южно-Алтайской экспедиции Гос. Эрмитажа о работах 1966 г. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работ Государственного Эрмитажа за 1966 г. — Л., 1967.

Сорокин С.С. Материалы к археологии Горного Алтая // Учен. зап. ГАНИИИЯЛ, вып. 8. — Горно-Алтайск, 1969. — С. 71—88.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // АСГЭ, Т. X. — Л: Советский художник, 1969. — С. 208—236.

Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су // АСГЭ, № 16. — Л: Аврора, 1974. — С. 62—91.

Сосновский Г.П. Ойротская автономная область // Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — С. 304—306.

Степанова Н.Ф. Разведка в Шебалинском районе Алтайского края // АО 1980 года. — М: Наука, 1981. — С. 213.

Степанова Н.Ф. Раскопки могильника Кастахта // АО 1983 года. — М: Наука, 1985. — С. 244—245.

Степанова Н.Ф. Могильник Эликманар—2 // АО 1984 года. — М: Наука, 1986. — С. 202—203.

Степанова Н.Ф. Куюмский тип памятников VIII-VI вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 79—81.

Степанова Н.Ф. Работы в Шебалинском районе // АО 1985 года. — М: Наука, 1987. — С. 283—284.

Степанова Н.Ф. Работы в Горном Алтае // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: ИИФиФ, 1987. — С. 43—45.

Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. — Барнаул: АГУ, 1987. — С. 168—183.

Степанова Н.Ф., Пугачев Д.А. Новые материалы эпохи энеолита и бронзы в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири. — Барнаул: АГУ, 1989. — С. 37—39.

Степанова Н.Ф., Кирюшин К.Ю. Могильник скифского времени Тыткескень—6 // Археологические исследования в Сибири. — Барнаул: АГУ, 1989. — С. 64—66.

Степанова Н.Ф. Поселение Малый Дуган — памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1990. — С. 73—86.

Степанова Н.Ф. К вопросу об относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 50—53.

Степанова Н.Ф. Исследования у с. Эликманар // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 95—97.

Степанова Н.Ф. Эпоха бронзы Горного Алтая: погребальный обряд и керамика // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 49—51.

Степанова Н.Ф. Поселение Узнезя—I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 19—26.

Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх. Еланда—II // Археология Горного Алтая. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 11—24.

Степанова Н.Ф. К вопросу об эпохе бронзы Горного Алтая // Актуальные проблемы сибирской археологии. — Барнаул, 1996. — С. 53—54.

Степанова Н.Ф. Охранные раскопки на Усть-Куломском могильнике // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 1996. — С. 115—119.

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. — Барнаул: АГУ, 1996. — С. 54—69.

Степанова Н.Ф. Керамика большемысской культуры поселения Малый Дуган // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 1997. — С. 113—116.

Степанова Н.Ф. Раскопки в устье р. Эдиган // Известия лаборатории археологии, № 2. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. — С. 61 — 73.

Степанова Н.Ф. К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая // Древние поселения Алтая. — Барнаул: АГУ, 1998. — С. 137 — 145.

Степанова Н.Ф. Способы орнаментации афанасьевской керамики (по материалам погребений из Горного Алтая) // Актуальные вопросы истории Сибири. — Барнаул, 1998. — С. 262 — 266.

Степанова Н.Ф. Керамика VIII — VI вв. до н.э. с поселений Средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края, вып. IX. — Барнаул: АГУ, 1998.

Суразаков А.С. Раскопки в Горном Алтае // АО 1978 года. — М: Наука, 1979. — С. 274.

Суразаков А.С. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области // СА, № 3. — М: Наука, 1979. — С. 265 — 269.

Суразаков А.С. О вооружении ранних кочевников Горного Алтая // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. I. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1980. — С. 170 — 190.

Суразаков А.С. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. I. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1980. — С. 193 — 202.

Суразаков А.С. О погребальных сооружениях пазырыкцев // Барнаулу 250 лет. Тезисы докладов и сообщений к научной конференции. — Барнаул, 1980. — С. 71 — 73.

Суразаков А.С. Раскопки могильников в Горном Алтае // АО 1979 года. — М: Наука, 1980. — С. 236 — 237.

Суразаков А.С. Исследования у с. Куюс в Горном Алтае // АО 1980 года. — М: Наука, 1981. — С. 214.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. — Барнаул: АГУ, 1982. — С. 121 — 136.

Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. — С. 72 — 87.

Суразаков А.С., Чевалков Л.М. Новые находки эпохи камня в Горном Алтае // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980 — 1982 годах. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. — С. 28 — 42.

Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань—I // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 годах. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. — С. 42—52.

Суразаков А.С. О совещании по итогам полевых исследований 1982 г. в Горно-Алтайском НИИИЯЛ // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 годах. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. — С. 163—166.

Суразаков А.С. Космогонические представления в пазырыкском искусстве // Скифо-сибирский мир. Тезисы докладов второй археологической конференции. — Кемерово: КГУ, 1984. — С. 66—69.

Суразаков А.С. Раскопки у сел Куюс и Кокоря в Горном Алтае // АО 1982 года. — М: Наука, 1984. — С. 232—233.

Суразаков А.С. Образ фольклорного богатыря в древнем изобразительном искусстве Горного Алтая // Национальное наследие и современность. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1984. — С. 147—158.

Суразаков А.С. К семантике изображений на башадарском саркофаге // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 23—26.

Суразаков А.С. К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. — С. 3—34.

Суразаков А.С. Могильник Айрыдаш—I в Горном Алтае // АО 1984 года. — М: Наука, 1986. — С. 203.

Суразаков А.С. Древнее изобразительное искусство и фольклор // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. — С. 101—109.

Суразаков А.С. Раскопки могильника Айрыдаш—I // АО 1985 года. — М: Наука, 1987. — С. 284—285.

Суразаков А.С. О некоторых связанных с оружием образах пазырыкского искусства // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 53—59.

Суразаков А.С. Об отражении космогонических представлений в погребальных конструкциях южносибирских и центральноазиатских племен // Проблемы археологии степной Евразии. Ч. I. — Кемерово: КГУ, 1987. — С. 39—41.

Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1987. — С. 3—22.

Суразаков А.С. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа эпохи бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1988. — С. 168—171.

Суразаков А.С. Об одном мифологическом персонаже пазырыкского искусства // Известия СО АН СССР. Вып. I, № 3. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 49—52.

Суразаков А.С. О характере взаимоотношений кочевников Саяно-Алтая I тыс. до н.э. и оседлых цивилизаций Средней Азии // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке. Т. I. — М: Наука, 1988. — С. 181—182.

Суразаков А.С. Археологические работы ГАНИИИЯЛ // Гуманитарные исследования в Горном Алтае. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 56—83.

Суразаков А.С. О древнетюркских каменных оградках // Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. — Фрунзе: Илим, 1988. — С. 569—570.

Суразаков А.С. Небесные кони пазырыкских вождей // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 3—31.

Суразаков А.С. Ирбисту—I // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 22—59.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. // Проблемы хронологии и культурного разграничения. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алт. кн. изд-ва, 1989.

Суразаков А.С. Об этнической интерпретации памятников пазырыкской культуры // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Ч. II. — Кемерово: КГУ, 1989. — С. 44—47.

Суразаков А.С. О реконструкции особенностей развития древних обществ через погребальный обряд // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. — Томск: ТГУ, 1990. — С. 50—51.

Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 197—200.

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата—II и Кор-Кобы—I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. — С. 56—96.

Суразаков А.С. О взаимосвязи алды-бельской и саглынской культур // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 108—110.

Суразаков А.С. О взаимосвязи некоторых базовых понятий археологии // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 15—16.

Суразаков А.С. О некоторых проблемах изучения социальных отношений населения Горного Алтая эпохи раннего железа // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. — С. 48—56.

Суразаков А.С. Памятники скифского времени Горного Алтая и Восточного Казахстана // Маргулановские чтения. 1990. — М., 1992. — С. 162—164.

Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). — Омск: ОГУ, 1992. — С. 92—97.

Суразаков А.С. Древность и средневековье в исследованиях ГАНИИИЯЛ // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. — С. 14—18.

Суразаков А.С. Космогония в орнаментации зеркал скифского времени // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. — С. 49—53.

Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1993. — С. 25—45.

Суразаков А.С. Исследования в местности Котыр-Тас // Altaika, № 2. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1993. — С. 50—51.

Суразаков А.С. К проблеме изучения этнических связей // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 3—5.

Суразаков А.С. К семантике изображений на кудыргинском валуне // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I—II тысячелетии н.э. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. — С. 45—55.

Суразаков А.С., Ларин О.В. К семантике каракольских писаниц // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 31—38.

Суразаков А.С. К семантике изображений на оленных камнях // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 36—43.

Суразаков А.С. Погребальный обряд пазырыкцев // Археология Горного Алтая. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 71—74.

Суразаков А.С. Об окуневских стелах // Алтай и тюрко-монгольский мир. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1995. — С. 123—128.

Суразаков А.С. Святилище Большой Яломан—III // Актуальные проблемы сибирской археологии. — Барнаул: АГУ, 1996. — С. 82—84.

Суразаков А.С. О реконструкции мировоззренческих систем древнего населения Алтая // Горный Алтай и Россия 240 лет. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1996. — С. 7—10.

Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии, № 2. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. — С. 85—93.

Суразаков А.С. К общей теории социальных систем // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1997. — С. 6—9.

Суразаков А.С. К проблеме социологических реконструкций в археологии // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. I. — Новосибирск: ИАЭ, 1998. — С. 577—580.

Суразаков А.С. К изучению прошлых мировоззрений // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. — С. 10—13.

Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул: АГУ, 1999. — С. 171—173.

Суразаков А.С. Древнее изобразительное искусство как информационная система // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1999. — С. 168—171.

Суразаков А. С. Кызык-Телань—II // Древности Алтая, № 6. — г. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. — С. 70—72.

Суразаков А. С. Цивилизация и культура // Древности Алтая, № 6. — г. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. — С. 141—143.

Суразаков С. С. Из глубины веков. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алт. кн. изд-во, 1982.

Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. — М: Наука, 1985.

Тенишев Э.Р. Руническая надпись на утесе р. Чарыш (Алтай) // Эпиграфика Востока, вып. XII. — М.- Л., 1958.

Тенишев Э.Р. Древнетюркская эпиграфика Алтая // Тюркологический сборник. — М: Наука, 1966. — С. 262—265.

Тетерин Ю.В. Курганы раннего железного века у р. Ороктой в долине средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения археологических памятников. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 65—66.

Тишкин А.А. Харченко Т.В. Раскопки пяти курганов могильника Бийке в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. — Барнаул: АГУ, 1990. — С. 67—70.

Тишкин А.А. Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р. Катунь // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 46—49.

Тишкин А.А. Некоторые аспекты культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Археология Горного Алтая. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 124—127.

Тишкин А.А. Общие, особенные и единичные признаки погребального обряда курганного могильника Бийке в Горном Алтае // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1994. — С. 92—96.

Тишкин А.А. Характеристика основного направления хозяйственной деятельности населения раннескифского времени Горного Алтая // Актуальные проблемы сибирской археологии. — Барнаул: АГУ, 1996. — С. 57—61.

Тишкин А.А. Сооружение курганов на могильнике Бийке в Горном Алтае // Курганы: историко-культурные исследования и реконструкции. — СПб., 1996. — С. 11—13.

Тишкин А.А. К вопросу о возможности выделения контактных археологических культур // Горный Алтай и Россия 240 лет. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1996. — С. 26—28.

Тишкин А.А. Ориентация погребенных людей в курганах раннескифского времени Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. — СПб., 1996. — С. 50—54.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. — Барнаул: АГУ, 1996. — С. 20—54.

Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Результаты археологического исследования курганного могильника Бийке в Горном Алтае // Горный Алтай и Россия 240 лет. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1996. — С. 34—38.

Тишкин А.А., Майчиков О.В. Результаты обследования археологических памятников близ устья р. Бийка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII. — Барнаул, 1997. — С. 83—86.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Классификация погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Известия лаборатории археологии, № 2. — Горно-Алтайск: АГУ, 1997. — С. 19—24.

Тишкин А.А. Изучение социально-экономической структуры населения Горного Алтая раннескифского времени // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1997. — С. 93—95.

Тишкин А.А. Погребальный обряд населения раннескифского времени Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. — Томск: ТГУ, 1997. — С. 131—132.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Захоронения человека с конем как отражение некоторых сторон социально-экономической структуры населения Горного Алтая скифской эпохи // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1997. — С. 114—117.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий. — Новосибирск: ИАЭ, 1998. — С. 581—591.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Ориентация и положение погребенных людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая, № 3. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. — С. 77—83.

Трепавлов В.В. Южносибирские территории в составе государства монгольских феодалов XIII в. // Вопросы истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986.

Убрятова Е.И. Древнетюркская руническая надпись из Бичикту-Бома // Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск: Наука, 1974.

Уманский А.П. Археологические раскопки Ледебура в Горном Алтае // Учен. зап. ГАНИИИЯЛ, Вып. 6. — Горно-Алтайск, 1964. — С. 35—52.

Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII—XVIII веках. — Новосибирск: Наука, 1980.

Уманский А.П. К вопросу о культурном взаимодействии горных и лесостепных племен Алтая в эпоху раннего железа // Проблемы истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1987. — С. 35—54.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА, № 1. — М: Наука, 1975. — С. 42—59.

Хороших П.П. Писаницы Алтая // КСИИМК, вып. 14. — М., 1947.

Худяков Ю.С. Вооружение древних тюрок Горного Алтая // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 годах. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. — С. 3—37.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 40—43.

Худяков Ю.С. Вооружение племен Горного Алтая первой половины I тыс. н.э. // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. — С. 81—99.

Худяков Ю.С., Мороз М.В. Раскопки Куюмского могильника Е.М. Берс в 1969 году // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1988. — С. 158—161.

Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. — С. 186—201.

Худяков Ю.С. Погребение позднескифского времени из могильника Усть-Эдиган // Altaika, № 2. — Новосибирск: АМЦГБИ, 1993. — С. 56—61.

Худяков Ю.С. Охранные работы в зоне затопления Катунской ГЭС в 1988—1993 гг. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 59—62.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Сравнительный анализ погребальной и поминальной обрядности средневековых кочевников Алтая и Тянь-Шаня // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 70—71.

Цыб С.В. Новый тип памятников бронзового века Горного Алтая // Барнаулу 250 лет. — Барнаул, 1980.

Цыб С.В. Относительная хронология погребальных памятников афанасьевской культуры Южной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1988. — С. 162—164.

Чевалков Л.М. Изучение каменного века в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. — Барнаул, 1978. — С. 8—9.

Чевалков Л.М. О результатах поиска памятников каменного века в Горном Алтае // Материалы по археологии Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. — С. 130—148.

Чевалков Л.М. Разведка в долине р. Большой Ильгумень // АО 1985 года. — М: Наука. — С. 290—291.

Чевалков Л.М. Проблемы изучения палеолита Горного Алтая // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 3—12.

Чевалков Л.М. Раскопки в устье реки Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катуни. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 200—209.

Чевалков Л.М. Техничко-типологический анализ подъемных материалов стоянки Кара-Бом // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Т. 2. — Новосибирск, 1990. — С. 194—208.

Чевалков Л.М. Древние поселения долины реки Куюм // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1993. — С. 45—51.

Чевалков Л.М. Изучение палеолита Горного Алтая: Некоторые итоги и перспективы // Проблемы изучения культур-

но-исторического наследия Алтая. — Горно-Алтайск: АКИН, 1994. — С. 8—10.

Чевалков Л.М. Историографический аспект проблемы генезиса позднего палеолита в Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. — Барнаул: АГУ, 1996. — С. 39—42.

Чевалков Л.М. Концепция перехода к позднему палеолиту для Североазиатского региона в свете современных представлений. Историографический аспект // Источники по истории Республики Алтай. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. — С. 17—37.

Чикишева Т.А. Антропологические находки эпохи раннего металла из Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1988. — С. 166—168.

Членова Н.Л. Алтайский звериный стиль и орнамент // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 26—29.

Членова Н.Л., Кубарев В.Д. Хронологические парадоксы Горного Алтая // КСИА, № 199. — М: Наука, 1990. — С. 46—55.

Шульга П.И. Обследования в верховьях р. Чарыш // АО 1983 года. — М: Наука, 1985. — С. 252.

Шульга П.И. Работы по рекам Катунь и Урсул // АО 1984 года. — М: Наука, 1986. — С. 207.

Шульга П.И. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI—II вв. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. — Барнаул: АГУ, 1986. — С. 20—23.

Шульга П.И. Работы в Шебалинском и Онгудайском районах Алтая // АО 1985 года. — М: Наука, 1987. — С. 295.

Шульга П.И. Значение экологического фактора в жизни населения Горного Алтая в I тыс. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии. Ч. II. — Кемерово: КГУ, 1987. — С. 55—57.

Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Скифо-сибирский мир. Ч. II. — Кемерово: КГУ, 1989. — С. 41—44.

Шульга П.И. Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. — Барнаул: АГУ, 1990. — С. 83—87.

Шульга П.И. К вопросу о взаимодействии населения Горного Алтая и предгорий // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 131—132.

Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поиска // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. — Барнаул: АГУ, 1991. — С. 155—159.

Шульга П.И. Раскопки «скифского» поселения Аскат—II на Средней Катуні // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. — Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 64—65.

Шульга П.И. Раскопки афанасьевского кургана у с. Чепош // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. — Барнаул: АГУ, 1993. — С. 86—89.

Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. — С. 48—60.

Шульга П.И. О «большереченской» керамике в Горном Алтае // Алтай и тюрко-монгольский мир. — Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1995. — С. 154—158.

Шульга П.И. Поселение Эликманар—4 на Средней Катуні // Известия лаборатории археологии, № 1. — Горно-Алтайск: АГУ, 1995. — С. 59—75.

Шульга П.И. Поселение Чепош—2 на средней Катуні // Археология, антропология и этнография Сибири. — Барнаул, 1996. — С. 106—123.

Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог—I // Известия лаборатории археологии, № 2. — Горно-Алтайск: АГУ, 1997. — С. 73—84.

Шульга П.И. «Индийские» зеркала и женщины-жрицы на Алтае // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. — Барнаул: АГУ, 1997. — С. 144—148.

Шульга П.И. Курган каракобинского типа на р. Урсул // Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. — Барнаул: АГУ, 1998. — С. 272—278.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катуні // Древние поселения Алтая. — Барнаул: АГУ, 1998. — С. 146—164.

Шульга П.И. О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. — Новосибирск: ИАЭ, 1998. — С. 702—712.

Шульга П.И. Древние скотоводы Горного Алтая (по материалам поселений) // Поселения: Среда, Культура, Социум. — СПб., 1998. — С. 44—47.

Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891.

Янборисов В.Р. К семантике антропоморфных изображений на валуне из могильника Кудыргэ // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск: ОГУ, 1984. — С. 106—109.

Яценко С.А. Загадочные монстры пазырыкцев и китайская мифология эпохи Чжоу // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. — СПб., 1996. — С. 154—158.

Список условных сокращений

АГУ	– Алтайский государственный университет
АКИН	– Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай
АМЦГБИ	– Алтайский международный центр гуманитарных и биосферных исследований
АО	– Археологические открытия
АСГЭ	– Археологический сборник гос. Эрмитажа
БГПИ	– Барнаульский гос. педагогический институт
БГПУ	– Барнаульский гос. педагогический университет
ВДИ	– Вестник древней истории
ВИ	– Вопросы истории
ГАГПИ	– Горно-Алтайский гос. педагогический институт
ГАИГИ	– Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГАНИИИЯЛ	– Горно-Алтайский институт истории, языка и литературы
ИА	– Институт археологии АН СССР
ИАЭ	– Институт археологии и этнографии СО РАН
ИВ	– Институт востоковедения АН СССР
Изв. ИАК	– Известия императорской археологической комиссии
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИИФиФ	– Институт истории, филологии и философии СО АН СССР

КГУ	– Кемеровский гос. университет
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ	– Материалы по этнографии
ПАВ	– Петербургский археологический вестник
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
СГЭ	– Сообщения гос. Эрмитажа
СТ	– Советская тюркология
СЭ	– Советская этнография
ТГИМ	– Труды Гос. исторического музея
ТГУ	– Томский гос. университет
ТИЭ	– Труды Института этнографии АН СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (А.С. Суразаков)	3
РАЗДЕЛ 1. Горный Алтай в древности	13
Глава 1. Палеогеография (А.М. Малолетко)	13
Дочетвертичное время	18
Четвертичный период	21
Глава 2. Горный Алтай в эпоху палеолита и мезолита (А.П. Деревянко, Л.М. Чевалков)	57
История изучения палеолита Горного Алтая ...	60
Палеолит Горного Алтая	72
Мезолит Горного Алтая	83
Глава 3. Неолит Горного Алтая (Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин)	85
Глава 4. Горный Алтай в эпоху бронзы (В.И. Молодин)	97
Эпоха ранней бронзы	98
Эпоха развитой бронзы	126
Эпоха поздней бронзы	138
Глава 5. Горный Алтай в VIII—II вв. до н.э. (А.С. Суразаков)	142
Майэмирское время	143
Пазырыкское время	152
Глава 6. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. (А.С. Суразаков)	177
РАЗДЕЛ 2. Горный Алтай в эпоху средневековья	185
Глава 7. Древнетюркское время (А.С. Суразаков)	185
Период древнетюркских каганатов	187
Период Уйгурского каганата	213
Кыргызский период	218
Глава 8. Горный Алтай в монгольское время	223
Политическая и этнокультурная ситуация в Горном Алтае в XI — XIV вв. (Ю.С. Худяков)	223
Политическое положение Горного Алтая в XV—XVI вв. (А.Ш. Кадырбаев)	233

Глава 9. Горный Алтай в составе Джунгарии	236
Этнический состав населения Горного Алтая в XVII—XVIII вв. (Г.П. Самаев).....	236
Образование Джунгарского ханства и распространение его влияния на Горный Алтай (В.А. Моисеев)	246
Проблема двоеподданства северных алтайцев в русско-джунгарских отношениях (В.А. Моисеев).....	255
Уничтожение Цинской империей Джунгарского ханства и вторжение ее войск в Горный Алтай (В.А. Моисеев)	265
Участие населения Горного Алтая в антицинской освободительной борьбе (В.А. Моисеев).....	280
Заклучение (А.С. Суразаков)	292
Библиография	294

ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Том 1

ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Художественное и техническое оформление *Э. В. Бабрашев*
Корректоры *Е. Д. Бельдекова, С. Н. Садыкова*
Компьютерная верстка *Е. В. Иваницкая*

Сдано в набор 23.04.2002 г.

Подписано в печать 18.05.2002 г.

Форма 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1.

Усл. п. л. 18,9 + 0,84 вкл. Усл. изд. л. 18,42 + 0,97 вкл.

Тираж 1000 экз. Заказ 2625.

ГУП «Горно-Алтайская республиканская типография»
649000, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 35.

